

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

TS

2553

09

2553
94006920
9174910033

ЕВРОПЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ И МЫСЛИТЕЛИ

подъ редак. В. В. ЧУЙКО.

—***—

РЕНАНЪ.

~~188.89~~
~~27~~
~~90~~

СОДЕРЖАНІЕ:

Эрнестъ Ренанъ. — Состояніе Мира около
половины перваго вѣка. — Пожаръ въ
Римѣ. — Еврейская война. — Смерть Не-
рона. — Возареніе Флавіевъ. — Разгромъ
Іерусалима. — Послѣдствія истребленія
Іерусалима. — Троянь и Великіе импера-
торы. — Конецъ царствованія Траяна и
возстаніе евреевъ. — Жанъ Кальвинъ. —
Магометъ и происхожденіе исламизма.

Второе дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца В. ГУБИНСКАГО.

1886.

Дозволено цензурою. Спб. 16 мая 1886 г.

TS

2553

09

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Эрнестъ Ренанъ	1
2. Состояніе Міра около половины перваго вѣка.	19
3. Пожаръ въ Римѣ	45
4. Еврейская война	65
5. Смерть Нерона	103
6. Воцареніе Флавіевъ	115
7. Разгромъ Іерусалима	127
8. Послѣдствія истребленія Іерусалима	141
9. Траянъ и Великіе императоры	155
10. Конецъ царствованія Траяна и возстаніе евреевъ	181
11. Жанъ Кальвинъ	192
12. Магометъ и происхожденіе исламизма	211

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.

Одному изъ наиболѣе талантливыхъ и учебныхъ писателей современной Франціи, — Эрнесту Ренану, — какъ-то особенно не посчастливилось въ русской литературѣ. Какъ ученый семитологъ — онъ совершенно неизвѣстенъ, хотя такіе труды, какъ его «Histoires des langues sémitiques», пользуются заслуженною извѣстностью даже въ Германіи, — этой странѣ ученыхъ. Его первыя публицистическія работы, почему-то, не обратили на себя вниманія русской журналистики и прошли для насъ совершенно безслѣдно, а послѣдующія вызвали у насъ нападки за извѣстный консерватизмъ взглядовъ, обнаруженный знаменитымъ ученымъ послѣ франко-прусской войны. Другая сторона его литературной дѣятельности, — можетъ быть, самая богатая по содержанію и наиболѣе цѣнная, — его работы по исторіи происхожденія религій, — встрѣтила еще болѣе печальную судьбу въ Россіи. Лѣтъ двад-

пять тому назадъ (въ 1863 г.) Ренанъ задумалъ написать «Общую исторію первыхъ вѣковъ христіанства». (Histoire des origines du christianisme), на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, пользуясь всѣми критическими работами тюбингенской школы. Предпріятіе представляло значительныя затрудненія и неизбежно должно было вызвать страстную полемику; тѣмъ не менѣе, Ренанъ не отступилъ ни передъ этими трудностями, ни передъ полемикой, и уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый томъ, заключавшій въ себѣ рассказъ о земной жизни Іисуса Христа. Книга вызвала небывалый въ европейскихъ литературахъ шумъ, который эхомъ, хотя и ослабленнымъ,—отразился и у насъ. Оказалось, что Ренанъ своимъ рассказомъ о земной жизни Христа никого не удовлетворилъ: ни вѣрующихъ, ни невѣрующихъ; ни католиковъ, ни протестантовъ; ни позитивистовъ, ни атеистовъ; ни свободныхъ мыслителей, ни деистовъ. Всѣ оказались недовольными по весьма различнымъ причинамъ. Въ сущности, однако, всѣ эти причины недовольства заключались въ томъ, что авторъ взялъ слишкомъ среднюю ноту и, вмѣсто рѣзкаго религіознаго или научнаго направленія, выбралъ нѣчто среднее, неудовлетворяющее ни людей религіознаго направленія, ни людей, отрицательно относящихся къ религіи. Добросовѣстный изслѣдователь-историкъ, ученый, живущій внѣ всѣхъ клерикальныхъ и антиклерикальныхъ партій,—Ренанъ на самомъ себѣ испыталъ, что въ наше время,—время окончательной, страстной борьбы между вѣрою и невѣріемъ,—нѣтъ мѣста книгѣ, которая имѣетъ въ виду лишь научный интересъ.

Эрнестъ Ренанъ родился въ Трегье (департаментъ Côte d'or) 27-го Феврала 1823 года. Родители готовили его къ духовному званію; тѣмъ не менѣе, онъ блестящимъ образомъ окончилъ курсъ въ collège и оттуда поступилъ въ духовную семинарію Сентъ-Сюльписъ, управляемую іезуитами. Тутъ-то, по преимуществу, онъ пристрастился къ изученію восточныхъ языковъ, къ древне-еврейскому, арабскому, сирійскому; но независимость выработывавшихся въ молодомъ человѣкѣ взглядовъ не согласовалась съ обязанностями духовнаго лица, и поэтому онъ вышелъ изъ семинаріи и занялся частнымъ преподаваніемъ. Это было около 1848 года; съ этого времени начинаются и первыя его ученныя работы. Такъ, онъ получилъ вольнеевскую премію за монографію о семитическихъ языкахъ, которую онъ впослѣдствіи издалъ подъ заглавіемъ: «Histoire générale et systèmes comparés des langues sémitiques».

Спустя два года, онъ вторично получилъ премію института за историческую записку объ изученіи греческаго языка въ среднихъ вѣкахъ. Въ 1849 г. академія надписей поручила ему ученую миссію въ Италію, откуда онъ привезъ матеріалы для сочиненія, вскорѣ послѣ этого написаннаго имъ о философіи Аввероэса. Въ 1851 году онъ поступилъ въ отдѣлъ манускриптовъ Национальной Библіотеки и уже въ 1856 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи надписей, на мѣсто Огюстена Тьери. Въ 1860 году ему поручена была ученая миссія въ Сирію. Это путешествіе дало толчокъ новому направленію въ его литературной дѣятельности; онъ познакомился съ Малою Азіей, долгое время путешествовалъ по Палестинѣ, и тамъ впервые ему пришла мысль написать

исторію первыхъ временъ христіанства. Онъ сейчасъ-же принялся за этотъ трудъ и уже въ 1863 году, возвратившись во Францію, издалъ первый томъ этой исторіи подъ заглавіемъ: «Vie de Jésus». Еще до появленія этой книги, министерство Дюрюи предложило Ренану каеэдру старо-еврейскаго языка въ «Collége de France». Ренанъ принялъ предложеніе и сталъ готовиться къ предполагаемому курсу. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства или, вѣрнѣе, клерикальныя интриги помѣшали знаменитому ученому занять эту каеэдру. На 2-е Февраля 1862 года была назначена вступительная лекція. Громадное число (болѣе 3000) слушателей, собравшихся на эту первую лекцію, уже указывало, что многіе явились туда, чтобы произвести шумъ. И дѣйствительно, самая неприличная и ничѣмъ не мотивированная демонстрація была произведена, какъ только профессоръ вступилъ на каеэдру и произнесъ нѣсколько словъ. Не докончивъ своей лекціи, Ренанъ оставилъ залу и отказался отъ профессуры. Клерикальная интрига сдѣлала свое дѣло въ томъ отношеніи, что не допустила знаменитаго ученаго занять мѣсто въ университетскомъ преподаваніи.

Что, однакожь, возстановило противъ Ренана клерикальную партію въ его ученомъ направленіи? Здѣсь мы коснемся одного изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ умственной жизни во Франціи. Еще очень недавно, все низшее и высшее образованіе во Франціи находилось въ рукахъ католическаго духовенства или, вѣрнѣе, іезуитовъ. Съ другой стороны, антирелигіозный духъ, какъ наслѣдіе XVIII столѣтія,—все болѣе и болѣе распространялся во Франціи. Было очевидно, что элементы эти, не только различные, но и противоположные, должны

рано или поздно, придти въ столкновение, тѣмъ болѣе, что къ вопросамъ религіознаго характера примѣшалась, какъ это всегда бываетъ во Франціи,—политика. Клерикальная партія стремилась къ реставраціи легитимизма, къ до-революціонному періоду; партія либеральная, напротивъ, желали укрѣпить наслѣдіе революціи. Такимъ образомъ, борьба между старой и новой Франціей значительно обострилась и представляетъ собою явленіе, которымъ объясняется царствованіе Людовика XVIII, Карла X и Луи Филиппа.

Весьма понятно, что при такомъ исключительно политическомъ направленіи общественной жизни, усложнившимся религіознымъ вмѣшательствомъ,—историческіе труды по церковной исторіи должны были, по необходимости, упасть, и, дѣйствительно, такъ-называемая, экзегетика, блестящая въ XVIII столѣтіи, не представила ни одного значительнаго авторитета въ первой половинѣ XIX вѣка. Эта важнѣйшая область историческихъ знаній нашла себѣ болѣе благопріятную почву въ Англіи и Германіи, гдѣ протестантизмъ и свобода критики открыли широкое поле историческимъ изслѣдованіямъ. Въ особенности, въ Германіи экзегетика получила быстрое развитіе и обогатилась первоклассными изслѣдованіями, благодаря успѣхамъ сравнительной міеологіи. Вольфъ, Нибуръ, Отто Мюллеръ объяснили греческую и римскую древность; Индія раскрыла свои сокровища и доставляла драгоцѣнные документы, безъ которыхъ исторія человѣческаго ума не была-бы понятна. Гейне провозгласилъ принципъ: «*A mythis omnis prisorum hominum cum historia tum philosophia procedit*». Габлеръ, Бауэръ, Фатеръ, Ветте примѣнили къ церковной исторіи

принципы и приемы всемирной истории, и вскоре возникла, наиболее известным представителем которой явился доктор Давидъ Фридрихъ Штраусъ. Знаменитый нѣмецкій ученый впервые примѣнилъ къ экзегетикѣ принципы гегельянизма. По его мнѣнію, Богъ не есть непреступное безконечное; напротивъ, онъ проявляется въ конечномъ, т. е. въ мірѣ. Человѣкъ не представляетъ абсолютной истины, по скольку онъ конеченъ; Богъ не представляетъ реальности, по скольку онъ безконеченъ. Поэтому истинное и реальное бытіе духа не есть ни Богъ, ни человѣкъ, а Бого-человѣкъ. Съ того момента, какъ человѣчество сознало себя на столько зрѣлымъ, чтобы на этой истинѣ основать свою религію — было необходимо появленіе личности, которая-бы олицетворяла въ себѣ понятіе этой истины. Этотъ Бого-человѣкъ, заключая въ себѣ, какъ божественную сущность, такъ и человѣческую личность — не грѣховенъ, совершенъ; онъ господствуетъ надъ природой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подверженъ страданіямъ и смерти. Этотъ Христосъ аргюі, само собой разумѣется, не есть еще историческій Христосъ, такъ что эта точка зрѣнія, примѣненная къ историческому изслѣдованію, по необходимости должна была породить исторію міаа. Понятны, поэтому, всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя были порождены книгою Штрауса. Рѣшительно лишенный историческаго чутья, Штраусъ никогда не выходилъ изъ міаа и символа.

Книга Штрауса вызвала небывалый до тѣхъ поръ шумъ въ Германіи. Католическіе и протестантскіе противники, — какъ напр. Гугъ, Неандеръ, Толукъ, Умманъ, ожесточенно напали на автора, защищая историческую

реальность фактовъ Евангелія. Почти всѣ старались доказать, что, съ одной стороны, мнѣе былъ невозможенъ въ эпоху возникновенія христіанства; съ другой, что образованіе мнѣа не могло имѣть мѣста въ эпоху, между распятіемъ Христа и минутой, когда была написана его исторія. Въ этомъ, конечно, заключается слабая сторона книги Штрауса. Но, такъ какъ Штраусъ—умъ, по преимуществу, умѣренный, то весьма понятно, что другіе ультра-гегельянцы, болѣе его смѣлѣе, докончили то, что началъ Штраусъ. Новая школа задалась мыслию объяснить появленіе христіанства естественнымъ образомъ. Штраусъ все объяснилъ медленнымъ скрытымъ дѣйствіемъ традицій; новая школа, напротивъ, увидѣла въ Евангелія — произведеніе индивидуальное. «Гипотеза Штрауса, — говоритъ Бруно Бауэръ, — мистична. Объяснять евангельскую исторію традиціей, значитъ обязать объяснить самое преданіе, найти ему реальную почву». Такимъ образомъ новая школа, реагируя противъ системы Штрауса, впала въ противоположную ошибку; Штраусъ объяснял историческія преданія медленно образовавшимся мнѣомъ; новая школа, желая обойти трудности, просто отрицала существованіе историческихъ фактовъ. Послѣдствія понятны: одна система смѣняла другую, не обогащая науку. Это зависѣло отъ двухъ причинъ: отъ пристрастія нѣмцевъ къ отвлеченностямъ съ одной стороны, и отъ недостаточнаго развитія исторической критики, съ другой. Тюбингенская школа, смѣнившая прежнюю экзегетику, отличается именно тѣмъ, что оставляя въ сторонѣ всѣ отвлеченности, всю метафизику, она ищетъ почвы въ исторической критикѣ. Ренанъ вполне принадлежитъ къ этой школѣ, по-

полная ее отчасти психическимъ анализомъ, который онъ примѣняетъ по временамъ чрезвычайно удачно. Говорить послѣ этого, — какъ это было дѣлаемо не разъ, — что Ренанъ не болѣе, какъ послѣдователь Штрауса, и что его «*Vie de Jésus*» есть не болѣе, какъ разведенный водою и общими мѣстами пересказъ книги Штрауса, — значить не знать исторіи экзегетики въ XIX столѣтіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Ренанъ пользовался эрудиціей Штрауса; безъ всякаго сомнѣнія, также онъ заимствовалъ кое-что изъ фактическихъ данныхъ Штрауса, но онъ совершенно расходится съ нѣмецкимъ ученымъ по духу и направленію. Штраусъ имѣлъ въ виду не исторію, въ точномъ смыслѣ, происхожденія христіанства (такая исторія казалась ему неосуществимой, по недостатку несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ), а лишь извѣстную теологическую систему, которая имѣла бы болѣе раціональную основу, чѣмъ господствующая въ его время система. Такимъ образомъ Штраусъ является теологомъ, богословомъ (для многихъ даже весьма не смѣлымъ богословомъ) и ученикомъ школы Гегеля. Ренанъ, напротивъ, явившійся на ученое поприще значительно позднѣе, воспитанный въ средѣ, которая никогда не была заражена метафизикой, по убѣжденіямъ къ тому же свободо-мыслитель, развившій въ себѣ въ высокой степени эстетическіе инстинкты и, наконецъ, по склонностямъ и спеціальности, историкъ Ренанъ остался историкомъ и въ экзегетикѣ. Выпустивъ первый томъ, посвященный разсказу о земной жизни Христа, не обращая вниманія на шумъ, возникшій сначала во Франціи, а потомъ и во всей остальной Европѣ, Ренанъ продолжалъ работать и, отъ времени до времени, выпускалъ послѣдующіе томы подѣ

различными заглавіями. Второй томъ его исторіи происхожденія христіанства озаглавленъ «Les âpotres» (Апостолы); третій—«Saint Paul» (Святой Павелъ); четвертый—«L'Antechrist» (Антихристъ); пятый—«Les Evangelies» (Евангелія); шестой—«L'Eglise chrétienne» (Христіанская церковь); седьмой, послѣдній—недавно вышедшій въ Парижѣ: «Marc-Aurèle ou la fin du monde» (Маркъ Аврелій или конецъ міра). Факты и событія, имѣвшія мѣсто вскорѣ послѣ распятія Христа, дѣянія апостоловъ и учениковъ, первыя христіанскія миссіи; затѣмъ дѣятельность св. Павла въ Малой Азій, Греціи и Римѣ, эпоха Нерона и первыхъ преслѣдованій; факты и событія, сопровождавшіе созданіе Евангелій, какъ каноническихъ, такъ и апокрифическихъ, образованіе христіанской церкви, ея внутренняя организація и сношенія между различными христіанскими общинами; взятіе Іерусалима Титомъ, наконецъ, эпоха великихъ императоровъ, эпоха Нерона, Траяна, Адриана, Антонина, Марка-Аврелія; отношенія античнаго міра къ христіанству; наконецъ, окончательное торжество христіанства,—вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе и расположеніе этого капитальнаго сочиненія, составляющаго, безъ всякаго сомнѣнія, богатый взносъ въ историческую литературу, и написаннаго съ необыкновеннымъ талантомъ. Такимъ образомъ, всѣ семь томовъ составляютъ полную исторію первыхъ вѣковъ христіанства (отъ Рождества Христова до 180 г.) и написанную въ сдержанно-примирительномъ тонѣ, какъ, впрочемъ, написанъ былъ и первый томъ. Новизна этого сочиненія заключается въ томъ, что Ренанъ рассказываетъ постепенное и послѣдовательное развитіе христіанства въ связи съ состояніемъ идей и нравовъ

общества, среди котораго христіанство пустило корни. Талантливый историкъ, прекрасный знатокъ экзегетики, ученый, ознакомленный съ лучшими экзегетическими работами въ Германіи и Англіи, — Ренанъ написалъ не сухое, ученое изслѣдованіе, доступное лишь немногимъ, но талантливое произведеніе, которое въ прекрасномъ разсказѣ знакомитъ читателей съ великими переворотами, совершившимися въ мірѣ, благодаря возникновенію христіанства. Все это относится, собственно говоря, къ фактическому содержанію книги; что-же касается личныхъ взглядовъ автора, то объ этомъ мы распространяться не будемъ; взгляды и направленіе Ренана достаточно извѣстны; въ исторіи религіи — онъ рационалистъ, но вовсе не послѣдователь той нѣмецкой школы, которая изъ рационализма дѣлаетъ голое отрицаніе и не признаетъ значенія христіанства въ исторіи человѣчества. Ренанъ, напротивъ, не только деиствъ, какимъ представляло его большинство нашихъ британцевъ, по поводу его «*Vie de Jésus*», онъ — христіанинъ въ самомъ точномъ значеніи этого слова, но только оставаясь на почвѣ историка; пользуясь правами ученаго, независимаго изслѣдователя, онъ вноситъ въ исторію христіанства методъ и приемы современной исторической науки. Съ нимъ можно не соглашаться, его можно оспаривать, многіе изъ его выводовъ можно считать невѣрными или слишкомъ успѣшными, но нельзя оставить за нимъ права примѣнять къ исторіи христіанства тѣ приемы и тотъ методъ, которые съ огромнымъ успѣхомъ примѣняются въ настоящее время не только къ исторіи различныхъ народовъ, но также и къ исторіи различныхъ религій.

Послѣдняя его книга, недавно вышедшая въ Парижѣ и выдержавшая уже нѣсколько изданій, составляетъ заключительный томъ его «Исторіи первыхъ вѣковъ христіанства». Первые шесть томовъ имѣютъ свои несомнѣнные достоинства и крупное значеніе въ исторической литературѣ. Тамъ встрѣчаются замѣчательныя мѣста, которыя, конечно, сдѣлаются современнымъ классическими образцами французской исторической литературы. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ: взятіе Іерусалима Титомъ, первичная христіанская община въ Іерусалимѣ, вскорѣ послѣ распятія Христа; описаніе Антиохіи и Александріи въ первомъ вѣкѣ и множество историческихъ портретовъ, въ которыхъ замѣчательный литературный талантъ писателя выступаетъ на первый планъ, — напри- мѣръ, портреты св. Павла, Нерона, Траяна, Антонина и многихъ другихъ. Такой-же высокоталантливый портретъ Марка-Аврелія мы встрѣчаемъ и въ послѣднемъ его томѣ. Съ характеромъ и духомъ этой замѣчательной книги читатели, впрочемъ, достаточно познакомятся изъ слѣдующихъ словъ предисловія Ренана къ послѣднему тому: «Этотъ томъ оканчиваетъ серію опытовъ, посвященныхъ мною исторіи происхожденія христіанства. Онъ содержитъ рассказъ развитія христіанской церкви въ царствованіе Марка-Аврелія и параллельную картину усилій философіи преобразовать гражданское общество. Второе столѣтіе имѣло двойную славу: основать христіанство, т. е. великій принципъ, реорганизовавшій нравы путемъ вѣры въ сверхъестественное, и видѣть, какъ была испробована, благодаря стоицизму и безъ всякаго вмѣшательства супернатурализма, высокая попытка свѣтской школы. Обѣ эти попытки были чужды другъ другу,

но торжество христiанства только тогда понятно, когда отдашь себѣ отчетъ въ томъ, что попытка стойковъ имѣла энергичнаго и недостаточнаго. Въ этомъ отношенiи, Маркъ-Аврелiй есть предметъ изученiя, къ которому постоянно приходится возвращаться. Онъ резюмируетъ собой все, что было лучшаго въ античномъ мiрѣ и имѣетъ еще то преимущество, что является безъ покрывала, благодаря сочиненiю безспорной искренности и достовѣрности. Болѣе, чѣмъ когда-либо, я думаю, что перiодъ происхожденiя, эмбриогенiя христiанства, если такъ можно выразиться, оканчивается съ Маркомъ-Аврелiемъ, въ 180 году. Въ этотъ моментъ великое дитя имѣетъ всѣ свои органы; оно отдалено отъ своей матери и будетъ жить уже собственной жизнiю. Къ тому-же смерть Марка-Аврелiя можетъ быть рассматриваема, какъ заключенiе античной цивилизацiи. Все, что дѣлается хорошаго послѣ его смерти, не принадлежитъ уже эллино-римскому элементу, торжествуетъ элементъ еврейско-сирiйскiй и хотя нужно еще цѣлыхъ сто лѣтъ до окончательнаго его торжества, — уже и тогда видно, что будущее принадлежитъ ему. Третье столѣтiе — есть агонiя цѣлаго мiра, который еще во второмъ вѣкѣ полонъ жизни и силъ. Я далекъ отъ желанiя умалять значенiе послѣдующихъ эпохъ, которыхъ не касаюсь въ моемъ сочиненiи. Въ исторiи попадаются печальные дни; но нѣтъ дней безплодныхъ и не интересныхъ. Развитiе христiанства остается высокопривлекательнымъ зрѣлищемъ въ то время, когда церковь считаетъ въ своемъ лонѣ такихъ людей, какъ св. Иринея, Климентъ александриискiй, Тертуллианъ, Оригенъ. Организационная работа, совершающаяся въ Римѣ, въ Африкѣ, во времена св. Киприана, папы Корне-

ліуса, должна быть изучаема съ крайней тщательностью. Мученики временъ Деція, Деоклеціана ничѣмъ не уступаютъ въ героизмѣ мученикамъ Рима, Смирны и Ліона въ первомъ и во второмъ вѣкѣ. Но все это принадлежитъ уже исторіи церковной, исторіи чрезвычайно любопытной, но совершенно отличной отъ исторіи происхожденія христіанства, т. е. отъ анализа послѣдовательныхъ превращеній, которымъ было подвергнуто зерно, посѣянное Іисусомъ, прежде чѣмъ стало прочною и полною церковью. Нужны различные методы для изслѣдованія различныхъ эпохъ великаго переворота, религіознаго или политическаго. Объясненіе первыхъ началъ, зародышей предполагаетъ особый философскій умъ, живое чутье того, что достовѣрно, вѣроятно или возможно, глубокое чувство жизни и ея превращеній, особенное искусство, съ помощью котораго можно было-бы извлечь изъ рѣдкихъ текстовъ все, что они въ себѣ заключаютъ, относительно психическихъ состояній столь отдаленнаго отъ насъ времени. Для исторіи уже организованной институціи, — достаточенъ какой-нибудь Тиллемонъ. Вотъ почему XVII столѣтіе, столь сильно подвинувшее изученіе церковной исторіи, никогда не касалось вопроса происхожденій. XVII столѣтіе любило только то, что могло быть выражаемо съ характеромъ достовѣрности. Изслѣдованіе, результатомъ котораго можетъ быть лишь открытіе вѣроятностей, едва уловимыхъ нюансовъ, рассказъ, который не позволяетъ себѣ передавать какъ тотъ или другой фактъ совершился, но который ограничивается утверженіемъ: «вотъ два или три способа, какъ можетъ быть понятъ фактъ прошлаго», — все это не было во вкусахъ XVII столѣтія. Въ вопросахъ происхожденія XVII сто-

лѣтіе или принимало все съ наивною вѣрою, или отрицало все, что не имѣло характера достовѣрности. Пониманіе неясныхъ состояній, предшествующихъ полному сознанію, т. е. именно тѣхъ состояній, въ которыхъ чело-вѣчество является по преимуществу творческимъ,—есть умственная побѣда XIX столѣтія».

Въ философіи, на сколько можно заключить изъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ французскихъ журналахъ и, въ особенности, изъ сочиненія, появившагося въ началѣ семидесятыхъ годовъ: «*Les dialogues philosophiques*», — Ренанъ принадлежитъ къ школѣ Шопенгауэра или, вѣрнѣе, Гартмана, къ школѣ моднаго нынче пессимизма. Двѣ вещи кажутся Ренану вполне достовѣрными. Первая заключается въ томъ, что, анализируя ту часть вселенной, которая доступна нашему изслѣдованію, мы не замѣчаемъ никакого слѣда дѣятельности высшихъ существъ, дѣйствующихъ, какъ выразился Мальбраншъ «*par des volontés patriculières*». Но достовѣрно также и то, что у вселенной есть опредѣленная цѣль. Существуетъ нѣчто, что развивается вслѣдствіе внутренней необходимости, подобно слѣпому усилію зародыша, стремящагося выйти изъ яичка. Величайшій двигатель міра — страданіе. Недовольство, задержка есть принципъ всякаго движенія. Все возможное стремится реализироваться, все реальное стремится къ сознанію, всякое темное сознаніе стремится къ полному свѣту. Организованное тѣло стремится къ образованію типа; каждый типъ истощаетъ до послѣдней степени все, что возможно въ смыслѣ эгоистическаго усовершенствованія. Тоже самое можно сказать

о народѣ, религіи, всякомъ живомъ, великомъ фактѣ. Чувствуется громаднѣй, всемірнѣй *nisus* съ цѣлью пополнить живую форму, вызвать гармоническое единство. Желаніе есть та пружина, которая опредѣляетъ это движеніе. Всякое желаніе есть иллюзія, но природа такъ устроила, что бесплодность желанія видна послѣ того только, какъ оно удовлетворено. Природа стремится къ продолженію породы и употребляетъ для этого всевозможныя уловки. Человѣкъ — точно работникъ гоббеленовскихъ ковровъ, ткающій на выворотъ коверъ, котораго рисунокъ ему неизвѣстенъ. За этотъ трудъ онъ получаетъ нѣсколько франковъ въ день; мы же не получаемъ отъ природы и этого. Въ этомъ заключается макіавелизмъ природы. Очевидно, мы на что-то полезны; что-то организуется на нашъ счетъ; мы — игрушки высшаго эгоизма. Вселенная есть лживый и фальшивый тиранъ, который такъ устроился, что мы не видимъ его макіавелизма, потому что еслибы мы его видѣли, то жизнь оказалась бы невозможной. По отношенію къ намъ природа дѣйствуетъ, какъ она дѣйствуетъ по отношенію къ гладиаторамъ, осужденнымъ на погибель, ради какихъ-то неизвѣстныхъ имъ цѣлей; или какъ дѣйствовалъ бы восточный тиранъ, имѣющій мамелюковъ, которыхъ онъ употреблялъ бы на таинственныя цѣли. У нихъ, очевидно, одно изъ чувствъ взяло бы верхъ: у однихъ возмущеніе, ненависть къ тирану (точка зрѣнія Шопенгауэра); у другихъ — резиньяція — точка зрѣнія Фихте, на которой останавливается и Ренанъ. По его мнѣнію, Шопенгауэръ противоричитъ себѣ; онъ видитъ, что у природы есть цѣль; но если у природы есть цѣль, то наша обязанность не идти противъ цѣли, покориться

ей. Шопенгауэръ, такимъ образомъ, является революціонеромъ, возстающимъ противъ цѣлей природы. Во-первыхъ — это преступно, а во-вторыхъ — бесполезно: природа всегда восторжествуетъ. Цѣль природы, по мнѣнію Ренана, заключается въ сознаніи. Существуетъ капитализація добра въ человѣчествѣ и во вселенной, капитализація, образующаяся медленными и постоянными сбереженіями. Мысль есть окончательный результатъ этого движенія. Человѣческая голова есть совершеннѣйшая машина сознанія во вселенной. Во всякомъ случаѣ, въ экономіи природы индивидуальность не играетъ никакой роли, природа жертвуетъ личностью съ безграничной жестокостью, въ виду достиженія возможно большей капитализаціи сознанія, которое въ человѣчествѣ принимаетъ форму науки. Но сознаніе только тогда полно, когда оно сосредоточено въ одной индивидуальности. Тѣмъ не менѣе существуютъ коллективныя индивидуальности—города, народы, государства. Основываясь на этомъ, можно представить себѣ будущее сознаніе человѣчества въ гораздо болѣе высшей формѣ, когда человѣчество будетъ представлять собою нѣчто въ родѣ громаднаго дерева, котораго почки будутъ замѣнены индивидуумами, и гдѣ всѣ сознанія обрѣтутъ одно сознаніе: *multitudo credentium erat cor unum et anima una*. Предположеніе этихъ будущихъ формъ сознанія сводится къ тремъ типамъ: формѣ монархической, олигархической и демократической. Такимъ образомъ философская система Ренана приводитъ его къ политикѣ. По прежнимъ его сочиненіямъ («*Essais de morale et de critique*», «*Questions contemporaines*», «*La Réforme intellectuelle et morale*») можно было познакомиться съ

общимъ характеромъ его воззрѣній, но въ «Диалогахъ» онъ резюмируетъ свои взгляды гораздо яснѣе и смѣлѣе. Для него демократическая форма сознанія имѣетъ менѣе всего шансовъ осуществиться. Цѣль человѣчества есть возникновеніе великихъ людей, а это дѣло совершается наукой, но не демократіей. Болѣе вѣроятнымъ кажется Ренану рѣшеніе олигархическое; въ сущности это рѣшеніе имѣетъ всѣ его симпатіи. Собраніе великихъ людей, владѣющихъ всѣми важными тайнами науки, будетъ господствовать надъ міромъ сильными средствами и водворитъ возможно большую долю разума въ мірѣ. Примѣненіемъ науки къ вооруженіямъ, всемірное господство сдѣлается возможнымъ и извѣстная группа людей будетъ безусловно царствовать надъ остальнымъ человѣчествомъ. Тогда понятіе о духовной власти, т. е. власти, основанной на умственномъ превосходствѣ, будетъ дѣйствительно. Браманизмъ царствовалъ цѣлыя столѣтія, благодаря вѣрѣ, что браминъ можетъ убить взглядомъ всякаго, на кого онъ сердитъ. Это вѣрованіе, основанное на суевѣрїи, не было прочно, но, наука современемъ будетъ владѣть подобною властью уже безъ всякой иллюзіи. Возможно также и рѣшеніе монархическое. Одно существо, резюмирующее всю жизнь вселенной — тутъ есть противорѣчіе, только для нашего поверхностнаго индивидуализма. Конечно, возмутительно жертвовать живымъ существомъ ради эгоизма другаго, но, жертва принесенная ради извѣстной высокой цѣли — законна. Громадное большинство людей должно думать и наслаждаться только по довѣренности (par procuration). Мысль среднихъ вѣковъ: имѣть людей, молящихся за тѣхъ, которые не имѣютъ времени молиться, — очень справедлива. Масса работаетъ, не-

многіе выполняют вмѣсто нея высшія функціи жизни. Таково человечество.

Въ концѣ концовъ, приходится заключить, что философская система Ренана покоится на логической иллюзіи, а его политика — на свойственной ему мизантропіи. Это, однако, не мѣшаетъ Ренану быть однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и умныхъ писателей современной Франціи.

Состояніе Міра около половины перваго вѣка *).

Политическое положеніе міра было изъ самыхъ печальныхъ. Вся власть сосредоточивалась въ Римѣ и въ легионахъ. Тамъ происходили позорныя и унизительныя сцены. Римская аристократія, завоевавшая вѣсь свѣтъ и, въ сущности, одна управлявшая всѣми дѣлами при Цезаряхъ, предавалась самой необузданной сатурналіи пороковъ, которую когда-либо знавалъ міръ. Цезарь и Августъ, устанавливая единовластіе, отлично понимали потребности своего времени. Общество такъ низко упало въ политическомъ отношеніи, что никакое другое правленіе было немислимо. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ завоевалъ безчисленныя провинціи, прекратилась возможность существованія старой конституціи, основанной на привилегіяхъ семействъ патриціевъ, похожихъ на тори, упрямыхъ и злонамѣренныхъ. Но Августъ, предоставивъ будущее случаю, нарушилъ долгъ настоящаго политическаго дѣятеля. Безъ правильныхъ правъ наслѣдства, безъ опредѣленныхъ правилъ усыновленія, безъ избиратель-

*) Изъ книги, составляющей второй томъ сочиненія Ренана „Les origines du christianisme“.

наго закона, безъ конституціонныхъ ограниченій, цезаризмъ, точно колоссальный грузъ, лежалъ на палубѣ корабля, лишеннаго всякаго баласта. Самыя страшныя потрясенія были неизбѣжны. Три раза въ теченіе одного столѣтія при Калигулѣ, Неронѣ и Домиціанѣ, величайшая власть, когда-либо существовавшая, попадала въ руки людей, отвратительныхъ или сумасбродныхъ. Отсюда—ужасы, которые едва-ли были превзойдены чудовищами монгольскихъ династій. Изъ этаго фатальнаго ряда мы почти принуждены исключить Тиверію, сдѣлавшагося окончательно злымъ только къ концу своей жизни, Клавдія, бывшаго только страннымъ, неловкимъ и дурно окруженнымъ. Римъ сдѣлался школою безнравственности, и жестокости. Надо прибавить, что зло заносилось съ Востока, тѣми низкими льстецами, тѣми мерзавцами, которыхъ Египеть и Сирія присылали въ Римъ, гдѣ пользуясь угнетеніемъ настоящихъ римлянъ, они чувствовали себя всемогущими у мошенниковъ, управлявшихъ страной. Самыя невозможныя, позорныя дѣла имперіи, какъ, напри- мѣръ, апофеозъ императора, его обоготвореніе еще при жизни, совершались подъ вліяніемъ Востока и, въ особенности, Египта, бывшаго тогда одною изъ самыхъ испорченныхъ странъ вселенной.

И дѣйствительно, старый римскій духъ еще жилъ. Благородство человѣческаго характера далеко еще не исчезло. Великая традиція гордости и добродѣтели продолжала храниться въ нѣкоторыхъ семействахъ, достигшихъ власти при Нервѣ, составившихъ блескъ вѣка Антониновъ и краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ былъ Тацитъ. Время, въ которое вырабатывались столь глубоко честныя умы, какъ Квинтиліанъ, Плиній Младшій, Тацитъ, — не таково, чтобы можно было въ немъ

отчаяваться. Распушенность поверхности никогда не достигала великой основы честности и серьезности хорошаго римскаго общества; нѣкоторыя семейства представляли еще образцы порядка, преданности долгу, согласія, прочныхъ добродѣтелей. Въ благородныхъ домахъ встрѣчались великолѣпныя супруги, прекрасныя сестры. Была ли чья судьба трогательнѣе этой молодой и цѣломудренной Октавіи, дочери Клавдія, жены Нерона, оставшейся чистой, несмотря на всѣ окружавшія ее низости, убитой на двадцать второмъ году жизни прежде, чѣмъ она успѣла узнать хотя одну радость? Женщины, охарактеризованныя въ надписяхъ, какъ *castissimae*, *univirae* совсѣмъ не рѣдки. Жены сопровождали своихъ мужей въ ссылку; другія раздѣляли ихъ славную смерть. Древняя римская простота не исчезла, воспитаніе дѣтей было серьезно и тщательно. Женщины самыхъ благородныхъ фамилій сами занимались разными работами изъ шерсти; заботы о нарядахъ были почти неизвѣстны въ хорошихъ семействахъ.

Прекрасные государственные люди, которые точно изъ-подъ земли выростали при Траянѣ, не были неожиданностью. Они служили еще и во время предшествующихъ царствованій, но не имѣли вліянія, были отброшены въ тѣнь отпущенниками и низкими фаворитами императора. Люди самыхъ высокихъ качествъ занимали высокіе посты и при Неронѣ; кадры были хороши; вступленіе во власть дурныхъ императоровъ, какъ ни было оно гибельно, не могло, однако, измѣнить общаго хода дѣлъ и принциповъ государства. Вмѣсто того, чтобы быть въ упадкѣ, имперія была въ полной силѣ самой юношеской бодрости. Упадокъ настанетъ для нея, но двѣсти лѣтъ спустя и, странная вещь! при гораздо менѣе дурныхъ императорахъ. Съ точки зрѣнія чисто политиче-

ской состояніе ея было аналогично съ состояніемъ Франціи, которая, не смотря на то, что со времени революціи была лишена одного послѣдовательнаго правила при перемѣнѣ власти, могла пройти черезъ всѣ опасности, нисколько не повредивъ своего внутренняго устройства и не пошатнувъ народной силы. Въ отношеніи нравственномъ, время, о которомъ мы говоримъ, можно сравнить съ XVIII столѣтіемъ, — эпохой, которую можно считать вполне испорченной, если судить по мемуарамъ, рукописной литературѣ, собранію анекдотовъ, но когда, однако нѣкоторыя семьи сохраняли столь большую строгость нравовъ.

Философія вошла въ союзъ съ честными римскими семьями и благородно сопротивлялась. Школа стойковъ производила великіе характеры Кремутіуса Кордуса, Тразеаса, Аррія, Гельвидіуса Прикуса, Аннеуса Корнутуса, Музоніуса Руфуса, прекрасныхъ учителей аристократической добродѣтели. Непреклонность и преувеличенныя странности этой школы были слѣдствіемъ страшной жестокости правленія цезарей. Постоянной мыслью всякаго порядочнаго человѣка было закалить себя для казней и приготовить къ смерти. Луканъ весьма некрасиво, Персъ съ большимъ талантомъ, выражали самыя высокія чувства великой души. Сенека Философъ, Плиній Старшій, Папіріусъ Фабіанусъ придерживались традиціи, основанной на наукѣ и философіи. Не всѣ подчинялись; были и мудрецы. Но слишкомъ часто имъ приходилось только умирать. Самые низкіе поддонки человѣчества брали иногда перевѣсъ. Тогда духъ заблужденія и жестокости былъ черезъ край и Римъ предвращался въ адъ.

Это правительство, столь чудовищно неровное въ Римѣ, было гораздо лучше въ провинціяхъ. Тамъ весьма мало

замѣчали потрясенія, колебавшія столицу. Не смотря на всѣ свои недостатки, римская администрація была гораздо лучше уничтоженныхъ ею царствъ и республикъ. Время народнаго самоуправленія давно миновало. Эти маленькія государства сами уничтожали себя, благодаря своему эгоизму, зависти, своему невѣжеству или малой заботѣ о свободѣ личности. Древняя греческая жизнь, вся основанная на борьбѣ, на внѣшности, никого болѣе не удовлетворяла. Она была прекрасна въ свое время; но этотъ блестящій Олимпъ демократіи полу-боговъ, потерявъ свою свѣжесть, сдѣлался чѣмъ-то сухимъ, холоднымъ, незначительнымъ, поверхностнымъ, благодаря отсутствію доброты и солидной честности. Это-то и помогло сначала македонскому владычеству, а потомъ римскому. Имперія еще не знала крайностей централизаціи. До временъ Діоклеціана она предоставляла провинціямъ и городамъ много свободы. Почти независимыя государства существовали въ Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи, мелеькой Арменіи, Фракіи подъ однимъ лишь покровительствомъ Рима. Эти государства сдѣлались опасными только начиная съ Калигулы, и только потому, что въ отношеніи ихъ, перестали слѣдовать правиламъ великой и глубокой политики, начертанной Августомъ. Свободные города, а ихъ тогда было много, управлялись своими законами; у нихъ была законодательная власть и полная администрація автономнаго государства; до III вѣка муниципальные декреты начинались формулою: «Сенатъ и народъ». Театры не служили только для одного удовольствія; они повсюду были средочіемъ общественнаго мнѣнія и движенія. Большинство городовъ были маленькими республиками, но съ различными названіями. Муниципальный духъ былъ въ нихъ очень силенъ; они утратили

только право объявленія войны, право ужасное, превратившее міръ въ поле битвы. «Благодѣянія римскаго народа относительно всего человѣчества» были темою рѣчей иногда льстивыхъ, но отъ которыхъ было-бы несправедливо отнять всякую искренность. Культъ «римскаго міра», — идея великой демократіи, организованной подъ римской опекой, — лежала въ основаніи всѣхъ заботъ. Одинъ греческій риторъ всю свою обширную эрудицію употребилъ на то, чтобы доказать, что слава Рима должна считаться всѣми вѣтвями эллинскаго народа чѣмъ-то въ родѣ общаго наслѣдія. Что-же касается Сиріи, Малой Азіи, Египта, то можно сказать, что римская побѣда не уничтожила въ нихъ никакой свободы. Эти страны давно умерли для политической жизни или никогда не имѣли ея.

Вообще, несмотря на вымогательства и алчность губернаторовъ и насилія, неразлучныя съ абсолютнымъ правленіемъ, міръ во многихъ отношеніяхъ никогда еще не былъ такъ счастливъ. Администрація, явившаяся изъ отдаленнаго центра, была столь большимъ преимуществомъ, что даже грабежи, производимые преторами послѣднихъ временъ республики, не могли сдѣлать ее отвратительной. Къ тому же, законъ Julia значительно ограничилъ поле злоупотребленій и взятокъ. Сумасбродства и жестокости императоровъ, за исключеніемъ Нерона, касались только римской аристократіи и самыхъ близкихъ придворныхъ. Никогда человѣкъ, не желавшій заниматься политикой, не жилъ привольнѣе. Древнія республики, гдѣ всякій обязанъ былъ принимать участіе въ ссорахъ партій, были очень не пріятны въ жизненномъ обиходѣ. Тамъ вѣчно грозило безпокойство, ссылка. Теперь время точно нарочно наступило для широкаго прозелитизма, парящаго высоко надъ ссорами малень-

кихъ городовъ, надъ династическими соперничествами. Покушенія на свободу дѣлались гораздо болѣе со стороны остатковъ независимости провинцій и общинъ, чѣмъ со стороны римской администраціи.

Въ тѣхъ изъ завоеванныхъ странъ, гдѣ политическія потребности никогда не существовали и гдѣ было только отнято право раздирать другъ друга постоянными войнами, имперія была еще неизвѣстной до тѣхъ поръ эрой благосостоянія и довольства; и даже, можно прибавить безъ парадокса, — свободы. Съ одной стороны, тогда сдѣлалась возможной свобода торговли и промышленности, о которой греческія республики не имѣли понятія. Съ другой — свобода мысли только значительно выиграла при новомъ правленіи. Этой-то свободѣ всегда лучше имѣть дѣло съ королемъ или принцемъ, чѣмъ съ ограниченными и завистливыми мѣщанами. Древнія республики не имѣли ея. Греки и безъ нея произвели великія вещи, но только благодаря несравненному могуществу своего генія; но не надо забывать, что въ Аѳинахъ была просто-на-просто инквизиція. Инквизиція—это архонтъ—царь; святое судилище—царскій портякъ, гдѣ производились обвиненія въ «безбожіи». Подобныя обвиненія были весьма многочисленны; этого рода защиты чаще всего встрѣчаются у аттическихъ ораторовъ. Не только преступленія философскія, какъ на примѣръ, отверженіе Бога или Провидѣнія, но самыя легкія нападки на общественный культъ, проповѣдь постороннихъ религій, самыя пустыя уклоненія отъ строгаго законоположенія мистерій, считались преступленіями, влекущими за собою смерть. Боги, которыхъ Аристофанъ, осмѣивалъ на сценѣ, иногда убивали. Они убили Сократа, чуть не убили Алкивиада. Анаксагоръ, Протагоръ, Федоръ-атеи, Диагоръ Мелоскій, Продикъ Ке-

оскій, Стилпоній, Аристотель, Теофрастъ, Аспазія, Еврипидъ— всѣ были болѣе или менѣе серьезно преслѣдуемы. Свобода мысли была, въ сущности, произведеніемъ царей, вышедшихъ изъ македонской побѣды. Эти Атталы, Птоломеи, первые дали мыслителямъ вольности, которыхъ не предоставляла имъ ни одна изъ древнихъ республикъ. Римская имперія продолжала ту же традицію. При имперіи бывалъ не одинъ случай незаконнаго поступка противъ философовъ; но это происходило отъ того, что они занимались политикой. Въ сборникѣ римскихъ законовъ до Константина напрасно искали ограниченій свободы слова, а въ исторіи императоровъ — процесса противъ абстрактной мысли. Ни одинъ ученый не былъ затронутъ. Люди, которыхъ-бы въ средніе вѣка сожгли, какъ Галіенъ, Люціанъ, Плотинъ, жили совсѣмъ спокойно, подъ охраной законовъ. Имперія установила періодъ свободы тѣмъ, что уничтожила верховную власть семьи, города, племени, и измѣнила или смягчила эти власти властью государства. Всякая-же абсолютная власть тѣмъ опаснѣе, чѣмъ кругъ ея дѣятельности ограниченнѣе. Древнія республики и феодализмъ терзали личность гораздо болѣе государства. Конечно римская имперія, въ нѣкоторыя эпохи, жестоко преслѣдовала христіанство, но, все-таки, она не остановила его развитія. Республики-же сдѣлали его невозможнымъ: одного іудейства, не подвергаясь оно давленію римской власти, было-бы достаточно, чтобы задушить христіанство и если фарисеи не убили его, то только благодаря римскимъ чиновникамъ.

Широкія идеи всеобщаго братства, вышедшія по большей части изъ стоицизма, родъ общей любви ко всему человѣчеству, были продуктомъ менѣе узкаго государственнаго строя и не столь исключительнаго воспитанія

личности. Мечтали о новой эрѣ и новыхъ мірахъ. Общественное богатство было очень велико и, несмотря на несовершенство тогдашнихъ экономическихъ теорій, благосостояніе было сильно распространено. Нравы были со всѣмъ не тѣ, какими ихъ часто воображаютъ. Въ Римѣ, правда, всѣ пороки выставлялись на видъ съ отвратительнымъ цинизмомъ; въ особенности, театральныя представленія ввели страшную распущенность. Нѣкоторыя страны, напримѣръ, Египеть, дошли до послѣдней степени разврата. Но, въ большей части провинцій былъ средній классъ, гдѣ добродѣтели, супружеская вѣрность, семейныя добродѣтели, честность, были достаточно распространены. Существуетъ-ли гдѣ въ мірѣ честныхъ буржуа маленькаго городка идеаль семейной жизни прелестнѣе того, который оставилъ намъ Плутархъ? Какое добродушіе! какая кротость нравовъ! какая цѣломудренная и любезная простота! Херонея была, очевидно, не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ жизнь была столь чиста и невинна. Въ привычкахъ, даже внѣ Рима, еще оставалась частица жестокости или, какъ остатокъ древнихъ нравовъ, вездѣ столь кровожадныхъ, или, какъ вліяніе римской грубости. Какое мягкое и чистое чувство, какое впечатлѣніе грустной нѣжности не нашло самаго тонкаго выраженія подъ перомъ Виргилія или Тибулла? Міръ смягчался, терялъ свою древнюю суровость, приобреталъ мягкость и чувствительность. Правила челоѣчности распространялись; равенство, абстрактная идея правъ челоѣка, громко проповѣдывались стоицизмомъ. Женщина, благодаря римской системѣ наслѣдства, дѣлалась болѣе и болѣе самостоятельной; правила на счетъ обращенія съ невольниками улучшались; Сенека обѣдалъ со своими рабами. Рабъ уже не то существо, непременно смѣшное

и злое, котораго выводила латинская комедія для возбужденія взрывовъ хохота и съ которымъ Катонъ совѣтуетъ обращаться, какъ съ вьючнымъ животнымъ. Теперь времена измѣнились. Рабъ, въ нравственномъ отношеніи, равенъ своему господину; допускають даже, что онъ способенъ быть добродѣтельнымъ, вѣрнымъ, преданнымъ и онъ даетъ этому доказательства. Предразсудки на счетъ благородства рожденія ступшевываются. Даже при самыхъ дурныхъ императорахъ вводятся законы весьма человѣчные и справедливые. Тиверій былъ искусный финансистъ; онъ учредилъ на прекрасныхъ основаніяхъ заведеніе поземельнаго кредита. Неронъ ввелъ въ систему налоговъ, до тѣхъ поръ несправедливую и варварскую, такія усовершенствованія, которыя могутъ пристыдить даже и наше время. Законодательство значительно улучшилось, хотя смертная казнь еще нелѣпо расточалась. Любовь къ бѣдняку, симпатія ко всѣмъ, милостыня становились добродѣтелями.

Театръ былъ однимъ изъ самыхъ невыносимыхъ скандаловъ для порядочныхъ людей и одною изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ антипатію іудеевъ и, вообще, всѣхъ іудействующихъ, противъ тогдашней языческой цивилизаціи. Эти гигантскіе чаны имъ казались клоакой, въ которой кишѣли всѣ пороки. Между тѣмъ какъ первые ряды аплодировали, въ самыхъ верхнихъ ярусахъ обнаруживались отвращеніе и ужасъ. Представленія гладіаторовъ только съ большимъ трудомъ были введены въ провинціяхъ. По крайней мѣрѣ, греческія провинціи ихъ отвергли и, по большей части, придерживались древнихъ греческихъ игръ. Кровавыя игры навсегда сохранили на Востокѣ весьма замѣтный знакъ римскаго происхожденія. Аѳинцы, изъ соревонованія съ коринѳцами, рѣшили,

однажды, ввести у себя эти варварскія игры, но тогда поднялся философъ и предложилъ, прежде ихъ введенія, уничтожить алтарь состраданія. Отвращеніе къ театру, ристалищу, гимнастикѣ, т. е. ко всякимъ общественнымъ мѣстамъ, къ главной сущности городовъ греческихъ или римскихъ, было однимъ изъ самыхъ глубокихъ чувствъ христіанъ, и однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣли всего болѣе послѣдствій. Древняя цивилизація была цивилизаціей публичной; тамъ все происходило на открытомъ воздухѣ, передъ собравшимися гражданами; совсѣмъ противоположно нашимъ обществамъ, гдѣ жизнь чисто частная, скрытая во внутренности домовъ. Театръ смѣнилъ агору и форумъ. Проклятіе, брошенное на него, отразилось на всѣмъ обществѣ, глубокое соревнованіе установилось между церковью съ одной стороны, и публичными играми съ другой. Рабъ, прогнанный съ игръ, направился въ церковь. Я никогда не садился въ эти угрюмыя арены, самые лучшіе изъ оставшихся у насъ памятниковъ древняго города, безъ того, чтобы мнѣ не представилась борьба двухъ міровъ:—тутъ, честный бѣднякъ, уже полу-христіанинъ; онъ сидитъ въ послѣднемъ ряду, закрываетъ руками лицо и уходитъ полный негодованія, — тамъ философъ, внезапно поднимающійся и упрекающій толпу за ея нивозость. Эти примѣры были рѣдки въ первомъ вѣкѣ. Однако протестъ начиналъ уже раздаваться. Театръ становился мѣстомъ, вызывавшимъ самыя сильныя нападки.

Законы и административныя правила Имперіи находились еще въ настоящемъ хаосѣ. Центральный деспотизмъ, городскія и провинціальныя вольности, капризы высшихъ чиновниковъ, насилія независимыхъ общинъ сталкивались самымъ страннымъ образомъ. Но религіоз-

ная свобода выигрывала отъ этихъ столкновений. Красная, однообразная администрація, установившаяся начиная съ Траяна, будетъ гораздо болѣе роковой для нарождающейся религіи, чѣмъ положеніе неправильное, полное неожиданностей, безъ суровой полиціи, временъ Цезарей.

Учрежденіе общественной помощи, основанная на принципѣ, что государство имѣетъ отеческія обязанности относительно своихъ членовъ, широко развились только съ Нервы и Траяна. Нѣкоторые слѣды ихъ находимъ, однако, въ первомъ вѣкѣ. Существовали уже пособія для дѣтей, раздача пищи неимущимъ, хлѣбныя таксы съ вознагражденіемъ купцовъ, мѣры предосторожности для продовольствія, преміи и залогі для арматоровъ, хлѣбныя марки, позволявшія покупать зерно по умѣренной цѣнѣ. Всѣ, безъ исключенія, императоры относились съ крайней заботливостью къ этимъ вопросамъ, ничтожнымъ, если хотите, но которые, въ иныя времена, важнѣе всѣхъ другихъ. Можно сказать, что въ отдаленной древности свѣтъ не нуждался въ милосердіи. Тогда онъ былъ молодъ, силенъ; больница была бесполезна. Добрая и простая гомерическая нравственность, по словамъ которой гость, нищій посылаются Юпитеромъ—нравственность сильныхъ и веселыхъ отроковъ. Греція въ своемъ классическомъ вѣкѣ, высказывала правила самаго тонкаго состраданія, милосердія, человѣчности, не примѣшивая къ нимъ никакой задней мысли, никакого безпокойства общественнаго или грусти. Человѣкъ, въ это время, былъ еще здоровъ и счастливъ; еще можно было не обращать вниманія на зло. Къ тому-же, по отношенію учреждений для взаимной помощи, греки значительно опередили римлянъ. Никогда ни одного либеральнаго, добродушнаго распо-

ряженія не вышло отъ этой жестокой аристократіи, впро-
долженіи всей республики пользовавшейся столь притѣ-
снительною властью. Въ то время, о которомъ мы гово-
римъ, колоссальныя богатства аристократіи, роскошь,
большія скопленія людей на нѣкоторыхъ мѣстахъ и, въ
особенности, грубость сердца, свойственная римлянамъ,
ихъ отвращеніе къ состраданію, породили «пауперизмъ».
Заигрыванья нѣкоторыхъ императоровъ съ римскою
чернью только увеличили зло. Милостыня, *tesserae*
frumentariae, поощряла порокъ и праздность, но ни-
сколько не облегчала нищеты. Въ этой, какъ и во мно-
гихъ другихъ вещахъ, Востокъ имѣлъ большое преиму-
щество передъ Западомъ. У евреевъ были настоящія бла-
готворительныя учрежденія. Египетскіе храмы, кажется,
имѣли, по временамъ, кассу для бѣдныхъ. Убѣжище для
затворниковъ и затворницъ Серапеума Мемфисскаго было,
въ нѣкоторомъ родѣ, заведеніемъ благотворительнымъ.
Страшный кризисъ, переживаемый человѣчествомъ въ
столицѣ Имперіи, мало чувствовался въ отдаленныхъ стра-
нахъ, гдѣ жизнь была гораздо проще. Упрекъ въ отрав-
леніи земли, сравненіе Рима съ куртизанкой, налившей
міру вино своей безнравственности, во многихъ отноше-
ніяхъ справедливы. Провинція была гораздо лучше Рима
или, скорѣе, нечистые элементы, со всѣхъ сторонъ сте-
кавшіеся въ Римъ, какъ въ помойную яму, образовали
тамъ притонъ заразы, въ которомъ старыя римскія до-
бродѣтели были задушены и гдѣ добрыя сѣмена, являв-
шіяся извнѣ, развивались медленно.

Состояніе умовъ различныхъ частей Имперіи было мало
удовлетворительно. Въ этомъ отношеніи чувствовалось
настоящее паденіе. Высокая культура ума не настолькоъ
независима отъ политическихъ событій, какъ частная

нравственность. Необходимо, къ тому-же, чтобы культура ума и нравственности шли параллельно. Маркъ Аврелій былъ, конечно, болѣе честный человекъ, чѣмъ всѣ древніе греческіе философы; а между тѣмъ, положительныя его знанія о реальныхъ явленіяхъ вселенной гораздо ниже понятій Аристотеля, Эпикура, такъ какъ иногда, онъ вѣритъ въ боговъ, какъ въ существа законченныя и отдѣльныя, вѣритъ въ сны, предзнаменованія. Въ римскую эпоху міръ совершилъ прогрессъ нравственный и пришелъ къ паденію научному. Отъ Тиверія до Нервы этотъ упадокъ весьма чувствителенъ. Съ необыкновенной оригинальностью, силой, богатствомъ, никогда не имѣвшими себѣ равныхъ, греческій геній, уже цѣлые вѣка, какъ создалъ раціональную энциклопедію, нормальную дисциплину мозга. Это необыкновенное движеніе, начавшееся съ Флеса и первыхъ Іонійскихъ школъ (шесть сотъ лѣтъ до Р. Х.), почти остановилось за 120 лѣтъ до Р. Х. Послѣдніе изъ этихъ пяти вѣковыхъ геніевъ: Аполлоній Пергейскій, Эратостенъ, Аристархъ, Геронъ, Архимедъ, Гиппархъ, Хризиппъ, Карнеадъ, Панетій, умерли, не оставивъ пріемниковъ. Я вижу только Позидонія и нѣсколькихъ астрономовъ, еще продолжающихъ старыя преданія Александріи, Родоса, Пергама. Греція, столь искусная въ творчествѣ, не сумѣла ничего извлечь изъ своей науки и своей философіи ни для народнаго развитія, ни для уничтоженія предрасудковъ. Несмотря на всѣ свои прекрасныя научныя учрежденія, Египеть, Малая Азія, даже Греція были преданы самымъ глупымъ вѣрованіемъ. Но если наука не господствуетъ надъ предрасудкомъ, то предрасудокъ заглушаетъ науку. Между этими двумя противоположными силами борьба идетъ на смерть.

Италія, принявъ греческую науку, съумѣла на минуту оживить ее новымъ духомъ. Лукрецій написалъ образецъ великой философской поэмы, въ одно и тоже время гимнь и богохульство, внушающей то спокойствіе, то отчаяніе, проникнутой тѣмъ глубокимъ чувствомъ судьбы человѣческой, котораго всегда недоставало грекамъ. Они, какъ настоящія дѣти, относились къ жизни съ такой веселостью, что никогда не вздумали проклинать боговъ, находить, что природа несправедлива и зла къ человѣку. У латинскихъ философовъ проявились болѣе серьезныя мысли. Но Римъ, какъ и Греція, не съумѣлъ сдѣлать изъ своей науки основанія для народнаго образованія. Въ то время, когда Цицеронъ, съ необыкновеннымъ тактомъ, давалъ законченную форму идеямъ, заимствованнымъ имъ отъ грековъ; когда Лукрецій писалъ свою удивительную поэму; когда Горацій признавался Августу въ своемъ искреннемъ невѣріи, при чемъ тотъ не обнаружилъ никакого удивленія; когда одинъ изъ самыхъ прелестныхъ тогдашнихъ поэтовъ Овидій, съ изящнымъ легкомысліемъ распоряжался самыми почтенными вымыслами; когда великіе стойки выводили практическія послѣдствія изъ греческой философіи, въ то-же самое время самыя безумныя химеры встрѣчали довѣріе, вѣра во все чудесное была безгранична. Никогда не занимались болѣе пророчествами, чудесами. Прекрасный эклектическій деизмъ Цицерона, продолженный и еще усовершенствованный Сенекой, оставался достояніемъ меньшаго числа возвышенныхъ умовъ, не имѣя никакого вліянія на свой вѣкъ.

Имперія до Веспасіана не имѣла ничего, чтобы могло назваться народнымъ образованіемъ. Все, что было позже заведено въ этомъ отношеніи, ограничивалось пустыми грамматическими упражненіями, которыя скорѣе ускори-

ли, чѣмъ замедлили общее паденіе. Послѣднія времена Республики и царствованіе Августа были свидѣтелями одного изъ самыхъ богатыхъ литературныхъ движеній. Но, послѣ смерти великаго императора упадокъ совершился быстро или, лучше сказать, внезапно. Интеллигентное и развитое общество Цицероновъ, Аттикусовъ, Цезарей, Меценатовъ, Агриппъ, Полліоновъ исчезло, какъ сонъ. Конечно, еще были люди просвѣщенные, люди, хорошо знакомые съ наукой своего времени, занимающіе высокое социальное положеніе, какъ, напримѣръ, Сенека и литературное общество, котораго онъ былъ центромъ, Луцилій, Галліонъ, Плиній. Римское право, которое и есть сама философія, переложенная въ законы—греческій рационализмъ, примѣненный къ практикѣ, римское право продолжало свой величественный ростъ. У знатныхъ римскихъ семействъ сохранилась сущность возвышенной религіи и сильное отвращеніе къ предрассудкамъ. Географы Страбонъ и Помпоніусъ Мела, докторъ и энциклопедистъ Цельсій, ботаникъ Діоскоридъ, юрисконсультъ Семпроній Прокулъ, были очень хорошія головы. Но все это были исключенія. Кромѣ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей, міръ былъ погруженъ въ полное невѣжество законовъ природы. Легковѣріе было общей болѣзнью. Литературное развитіе ограничивалось пустой риторикой, ничему не обучающей. Существенно нравственное и практическое направленіе, принятое философіей, не допускало великихъ умозаключеній. Человѣческія знанія, кромѣ географіи, не дѣлали никакихъ успѣховъ. Знающій и начитанный любитель занялъ мѣсто ученаго творца. Самый высшій недостатокъ римлянъ давалъ здѣсь чувствовать свое роковое вліяніе. Этотъ народъ, столь великій, благодаря имперіи, былъ второстепеннымъ по уму. Самые образованные

римляне, какъ Лукрецій, Витрувій, Цельсій, Плиній, Сенека, были учениками грековъ по знаніямъ положительнымъ. Слишкомъ часто даже самую посредственную греческую науку они плохо переписывали. Въ самомъ Римѣ никогда не было большой научной школы. Шарлатанство тамъ царило почти безъ контроля. Наконецъ, латинская литература, имѣвшая, конечно, восхитительныя стороны, цвѣла недолгое время и никогда не вышла за предѣлы міра западнаго.

Къ счастью Греція оставалась вѣрна своему генію. Удивительный блескъ римскаго могущества ослѣпилъ ее, смутилъ, но не уничтожилъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ она опять завоюетъ свѣтъ, она снова сдѣлается владычицей всѣхъ людей мыслящихъ, поднимется на тронъ вмѣстѣ съ Антонинами. Но, въ настоящее время, сама Греція находилась въ одномъ изъ своихъ періодовъ утомленія. Геній тамъ рѣдокъ; самостоятельная наука ниже того, чѣмъ она была въ предшествовавшихъ вѣкахъ и чѣмъ будетъ въ будущемъ. Александрійская школа, уже около двухъ вѣковъ, находящаяся въ упадкѣ, но которая при Цезарѣ имѣла все-таки Созигена, теперь совсѣмъ нѣма.

Время отъ смерти Августа до восшествія Траяна надо, значить, считать періодомъ минутнаго пониженія человѣческаго ума. Древній міръ еще далеко не сказалъ своего послѣдняго слова; но страшное испытаніе, переживаемое имъ, отнимало у него голосъ и сердце. Наступутъ лучшіе дни и умъ, освобожденный отъ пагубнаго правленія Цезарей, словно воскреснетъ. Эпиктетъ, Плутархъ, Діонъ Хризостомъ, Квинтиліанъ, Тацитъ, Плиній Младшій, Ювеналь, Руфій Эфезскій, Галіенъ, Птоломей, Гипсильесъ, Θεонъ, Луціанъ, вернутъ самыя лучшіе дни

Греціи, не той неподражаемой Греціи, которая существовала только однажды для горя и очарованія всѣхъ любителей прекраснаго, но Греціи, богатой и еще плодородной, которая соединивъ свои дары съ дарами римскаго ума, произведетъ новые плоды, полные оригинальности.

Вкусъ всего общества былъ очень дуренъ. Недоставало великихъ греческихъ писателей. Латинскіе писатели, которыхъ мы знаемъ, за исключеніемъ сатирика Персія, всѣ плохи и безъ всякаго генія. Декламация все портила. Принципъ, по которому публика судила произведенія ума, былъ почти тотъ-же, что и въ наше время. Добивались только одного блеска. Слово уже не было болѣе простымъ покровомъ мысли, все изящество котораго заключается въ полномъ соотвѣтствіи съ выражаемою имъ мыслью. Слово разрабатывали для него самого. Цѣлью каждаго писателя было выказываніе своего таланта. О превосходствѣ «рѣчи» или публичной лекціи судили по количеству словъ, вызывавшихъ апплодисменты. Великій принципъ, что въ дѣлѣ искусства все должно служить къ украшенію, но то, что нарочно приведено для украшенія — дурно, — этотъ принципъ, говорю я, былъ совершенно забытъ. Если хотите, время было очень литературное. Говорили только о краснорѣчьи, о хорошемъ слогѣ, а въ сущности, почти всѣ писали плохо; не было ни одного оратора, потому что, какъ ораторъ, такъ и писатель хороши только тогда, когда пишутъ и говорятъ, не дѣлая изъ этого ремесла. На сценѣ, главный актеръ поглощалъ все вниманіе; дѣлали выпуски изъ пьесъ, для чтенія однихъ блестящихъ отрывковъ, *cantica*. Общій духъ литературы былъ глупый «дилетантизмъ», распространившійся даже на

императоровъ: нелѣпное тщеславіе заставляло **каждаго** доказывать свой умъ. Отсюда—чрезмѣрная приторность, безконечныя «тезеиды», драмы, написанныя для чтенія въ кружкахъ, цѣлая поэтическая пошлость, которую можно сравнить только съ псевдо-классическими эпопеями и трагедіями, бывшими въ модѣ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ во Франціи.

Даже самъ стоицизмъ не могъ избѣжать этого недостатка, или, по крайней мѣрѣ, до Эпиктета и Марка-Аврелія не сдумѣлъ найти хорошей формы для выраженія своихъ доктринъ. Весьма странные памятники представляютъ намъ трагедіи Сенеки, въ которыхъ самыя высокія чувства выражены тономъ утомительнаго литературнаго шарлатанства, и которыя въ одно и тоже время служатъ признаками прогресса нравственнаго и непоправимаго упадка вкуса. Тоже самое можно сказать и объ Луканѣ. Душевная напряженность—естественное слѣдствіе чрезвычайнаго трагичнаго положенія,—создали нѣчто въ родѣ надутости, единственной заботой которой было блестять прекрасными сентенціями. Нѣчто аналогичное этому произошло во Франціи во время революціи, когда самый сильный изъ когда-либо существовавшихъ кризисовъ произвелъ литературу риторовъ, полную декламаціи. Но на этомъ не надо останавливаться. Новыя мысли выражаются иногда съ большою претензіей. По сравненію съ св. Августиномъ, слогъ Сенеки еще строго умѣренъ и чистъ. А, вѣдь, мы прощаемъ св. Августину его слогъ часто отвратительный, его нелѣпыя *conceiti*, изъ-за высокихъ чувствъ, выражаемыхъ имъ.

Во всякомъ случаѣ, это образованіе, во многихъ отношеніяхъ благородное и изящное, не распространялось на народъ. Это было-бы еще не такое большое неудобство,

еслибы народъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, религіозную нищю, что-нибудь въ родѣ того, что получаютъ въ церквахъ всѣ обездоленные нашихъ обществъ. Но во всѣхъ частяхъ имперіи религія была сильно понижена. Римъ, по высокому разсчету, сохранилъ всѣ древнія религіи, вычеркнувъ изъ нихъ только все безчеловѣчное, возмутительное и оскорбительное для другихъ. Онъ распространилъ на всѣхъ нѣчто въ родѣ оффиціального лоска, благодаря которому онѣ начали походить другъ на друга и кое-какъ слились другъ съ другомъ. Къ несчастью, всѣ эти древніе культы, происхожденія весьма разнообразнаго, имѣли одну общую черту: одинаковую невозможность дойти до богословскаго ученія, до практической нравственности, поучительной проповѣди, до пастырства, дѣйствительно плодотворнаго для народа. Языческій храмъ совсѣмъ не былъ тѣмъ, чѣмъ были въ свое блестящее время, синагога и церковь, т.-е. общимъ домомъ, школою, гостинницей, больницей, пріютомъ, куда бѣднякъ идетъ искать убѣжища. Онъ былъ холодной cella, въ которую не ходили и гдѣ ничему не научались. Римскій культъ былъ, быть можетъ, еще самымъ лучшимъ изъ всѣхъ. Онъ смотрѣлъ на чистоту сердца и тѣла, какъ на принадлежность религіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фарсовъ, напоминающихъ намъ карнаваль, онъ, своею строгостью, приличіемъ и серьезностью, значительно возвышался надъ странными и даже смѣшными церемоніями, которыя потихоньку вводили нѣкоторыя личности, увлеченныя всѣмъ восточнымъ. Аффектація, съ которою римскіе патриціи дѣлали различіе между «религіей», т.-е. ихъ культомъ, и «предразсудкомъ» или культурами чужеземными, намъ кажется, однако, весьма пустой. Всѣ языческіе культы были существенно суевѣрны. Почти всѣ наши суевѣрія

произошли отъ религій, предшествовавшихъ христіанству и которыхъ оно не могло вполнѣ уничтожить. Если-бы теперь кто-нибудь захотѣлъ увидѣть образецъ язычества, то пришлось бы его искать въ какой-нибудь затерянной деревнѣ, въ глуши самой отдаленной и отставшей провинціи.

Охраняемые только весьма шаткимъ народнымъ преданіемъ и алчнымъ духовенствомъ, языческіе культы не могли не переродиться въ идолопоклонство. Августъ, хотя и съ нѣкоторою сдержанностью, но согласился на поклоненіе себѣ при жизни въ провинціяхъ. Тиверій, въ своемъ присутствіи допустилъ отвратительное состязаніе азіатскихъ городовъ, спорившихъ о чести воздвигнуть ему храмъ. Сумасбродное безбожіе Калигулы не вызвало никакого протеста; внѣ іудейства не нашлось ни одного священника, который-бы воспротивился подобному сумасшествію. Вышедшія по большей части изъ первобытнаго культа силъ природы, десять разъ измѣняемая воображеніемъ народовъ и примѣсами всякаго рода, языческія религіи были ограничены своимъ прошедшимъ. Изъ нихъ нельзя было извлечь того, чего въ нихъ никогда не было: деизма и назиданія. Отцы церкви невольно заставляютъ насъ улыбаться, когда указываютъ на продѣлки Сатурна, какъ отца семейства, и на продѣлки Юпитера, какъ супруга. Но, конечно, еще смѣшнѣе было возводить Юпитера (т. е. атмосферу) въ Бога нравственнаго, который повелѣваетъ, защищаетъ, награждаетъ и наказываетъ. Что можно было сдѣлать въ мірѣ, жаждавшемъ катехизиса, съ такимъ культомъ, какъ культъ Венеры, вышедшимъ изъ древней соціальной потребности первыхъ путешествій финикіанъ по Средиземному морю и который со временемъ сдѣлался оскорбленіемъ того, на что

все болѣе и болѣе смотрѣли, какъ на сущность религій?

Дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ, съ большой энергійей обнаруживалась потребность религій монотеистической, принимающей божественныя предписанія за основанія нравственности. Такимъ образомъ, настаетъ время, когда естественныя религійи, дошедшія до пустаго ребячества, до кривлянья фокусниковъ, уже не могутъ удовлетворять общества, когда человѣчество требуетъ религійи нравственной, философской. Буддизмъ, зороастризмъ отвѣтили подобной потребности въ Индіи и Персіи. Орфизмъ, мистеріи дѣлали ту же попытку въ мірѣ греческомъ, но безъ продолжительнаго результата. Въ занимающую насъ эпоху та же задача ставилась цѣлымъ міромъ съ торжественнымъ единодушіемъ и поразительнымъ величіемъ.

Греція, правда, была исключеніемъ. Эллинизмъ устарѣлъ гораздо менѣе прочихъ религій. Въ своемъ маленькомъ городкѣ Беотіи, Плутархъ жилъ эллинизмомъ спокойный, счастливый, довольный, какъ дитя, съ самой спокойной религіозной совѣстью. Въ немъ незамѣтно ни слѣда кризиса, терзаній, безпокойства, надвигающагося переворота. Но только греческій духъ былъ способенъ на столь дѣтскую ясность. Всегда довольная собою, гордая своимъ прошедшимъ и блестящей мифологіей, святыми мѣстами, которыми она владѣла, Греція не раздѣляла внутреннихъ мученій, раздиравшихъ остальной міръ. Она одна не призывала христіанства; она одна хотѣла обойтись безъ него; она одна думала сдѣлать лучше. Это происходило отъ той вѣчной молодости, того патріотизма, той веселости, которыя всегда характеризовали настоящаго эллина, и которыя до сихъ поръ дѣлаютъ грека чуж-

дымъ глубокихъ заботъ, подтачивающихъ насъ. Эллинизмъ, такимъ образомъ, былъ въ состояніи сдѣлать попытку возрожденія, немислимую для всякаго другаго культа. Во II, III, IV вѣкахъ нашей эры, эллинизмъ сдѣлается организованной религіей, благодаря соединенію греческой миѳологіи съ философіей и, съ помощью своихъ философовъ чудотворцевъ, своихъ древнихъ мудрецовъ, возведенныхъ въ прорицателей, своихъ легендъ о Пифагорѣ и Апполоніѣ, онъ представитъ христіанству сопротивленіе, которое, хотя и осталось безсильнымъ, но тѣмъ не менѣе, было самымъ опаснымъ препятствіемъ, встрѣченнымъ религіей Іисуса на своемъ пути.

Этой попытки еще не существовало во времена цезарей. Первые философы, старавшіеся о слитіи философій съ язычествомъ, Эвфратъ Тирскій, Апполоній Тіанскій и Плутархъ жили въ концѣ этого вѣка. Эвфратъ Тирскій очень мало намъ извѣстенъ. Легенда такъ запутала слѣды настоящей біографіи Апполонія, что неизвѣстно, надо-ли его причислять къ мудрецамъ, основателямъ религій или шарлатанамъ. Что-же касается Плутарха, то это былъ не столько мыслитель или новаторъ, сколько умъ умѣренный, желающій всѣхъ и все примирить, дѣлавшій философію слишкомъ скромной, а религію наполовину разумной. Онъ также далекъ отъ Порфира, какъ отъ Юліана. Попытки аллегорическаго толкованія стоиковъ весьма слабы. Мистеріи, какъ, напримѣръ, мистеріи Бахуса, въ которыхъ въ граціозныхъ символахъ говорилось о безсмертіи души, ограничивались нѣкоторыми странами и не имѣли широкаго вліянія. Невѣріе въ официальную религію было всеобщимъ въ развитомъ классѣ. Люди политическіе, повидимому всѣхъ болѣе старавшіеся поддерживать государственную религію, мстили ей за то весьма

остроумными островами. Всѣ совершенно открыто проповѣдывали безнравственную теорію, что религіозныя басни хороши только для народа и должны быть сохранены для него. Предосторожность вполнѣ бесполезная, потому, что вѣра народа была глубоко потрясена.

Начиная съ Тиверіа, правда, чувствуется религіозная реакція. Миръ точно испугался открытаго невѣрія времени Цезаря и Августа; приготовлялась злополучная попытка Юліана; всѣ суевѣрія снова восстанавливаются по причинамъ государственной важности. Валерій Максимъ представляетъ первый примѣръ мелкаго писателя, сдѣлавшагося помощникомъ изнеможенныхъ богослововъ и отдавшаго свое грязное и продажное перо на служеніе религіи. Но отъ этого возврата выигрываютъ всего болѣе иностранныя культы. Серьезная реакція въ пользу греко-римскаго культа проявится только во II вѣкѣ. Изида и Сераписъ встрѣчаютъ болѣе поклоненія, чѣмъ когда-либо. Всевозможные обманщики, фок-ники, маги, пользуются этой потребностью и кишатъ всюду, какъ это всегда случается въ эпохи и въ странахъ, когда государственная религія слаба; припомните дѣйствительные или ложные типы Аполлонія Тианскаго, Александра Абонотика, Перегринуса, Симона Гиттона. Самыя эти заблужденія и химеры были точно молитвой земли, изнемогающей отъ непосильнаго труда, точно бесполезными попытками міра, который добивается руководства и, въ своихъ конвульсивныхъ усиліяхъ, доходитъ иногда до чудовищныхъ созданій, обреченныхъ на погибель.

Вообще, середина перваго вѣка одна изъ самыхъ дурныхъ эпохъ древней исторіи. Общество греческое и римское являются въ сильномъ упадкѣ относительно послѣдующаго. Но громадность кризиса обнаруживала

какое-то странное и тайное наслоение. Жизнь словесно утратила свою пружину; самоубійства возрастали. Никогда вѣкъ не представлялъ такой борьбы добра со зломъ. Зло заключалось въ страшномъ деспотизмѣ, отдававшемъ міръ въ руки людей отвратительныхъ и глухихъ; въ испорченности нравовъ, происходившей отъ зараженія Рима восточными пороками; въ отсутствіи хорошей религіи и серьезнаго образованія. Добро, съ одной стороны, заключалось въ философіи, открытою грудью сопротивлявшейся тиранамъ, презиравшей чудовищъ, три или четыре раза гонимой въ теченіи полувѣка (при Неронѣ, Веспасіанѣ, Домиціанѣ); а съ другой стороны, въ усиліяхъ народной добродѣтели, этихъ законныхъ желаніяхъ лучшей религіи, этихъ стремленій къ братствамъ, къ монотеистическимъ культамъ, въ этомъ перерожденіи бѣдняка, происходившемъ, по преимуществу, подъ покровомъ іудейства и христіанства. Эти двѣ великія протестующія партіи были далеко не согласны другъ съ другомъ; философы и христіане не знали другъ друга и такъ мало понимали общность своихъ усилій, что, когда философская партія достигла власти съ восшествіемъ Нервы, то она далеко не была благопріятна христіанству. По правдѣ сказать, намѣренія христіанъ были гораздо радикальнѣе. Стоики, властители имперіи, преобразовали ее и стояли во главѣ ста лучшихъ лѣтъ исторіи человѣчества. Христіане, властители имперіи съ временъ Константина, окончили ее раззореніемъ. Героизмъ однихъ не долженъ заставлятъ забывать героизма другихъ. Христіанство, столь несправедливое къ языческимъ добродѣтелямъ, задало себѣ цѣлію унижить тѣхъ, которые сражались противъ общихъ съ нимъ враговъ. Въ сопротивленіи философіи въ первомъ вѣкѣ было столько же ве-

личія, сколько и въ сопротивленіи христіанскомъ; но, какъ награда имъ обоимъ была не равна! Мученичество, столкнувшее ногою идиоловъ, имѣетъ свою легенду; отчего-же Аннэусъ Корнатусъ, объявившій Нерону, что его книги никогда не сравняются съ книгами Хризиппа; отчего Гельвидій Прискусъ, сказавшій самому Веспасіану: «Твое дѣло убивать, а мое умирать»; отчего Деметрій Циникъ, отвѣчавшій разгнѣванному Нерону: «Вы мнѣ угрожаете смертью, но природа угрожаетъ вамъ тѣмъ-же»; отчего нѣтъ ихъ образовъ между народными героями, которыхъ всѣ любятъ и которымъ всѣ поклоняются? Неужели у человѣчества такъ много силъ противъ порока и низости, что оно можетъ позволить каждой школѣ добродѣтели отталкивать помощь другихъ и утверждать, что она одна имѣетъ право быть смѣлой, гордой, покорной?

НАЦІАНАЛЬНАЯ
БІБЛІОТЭКА РЭСПУБЛІКІ
БЕЛАРУСЬ

Пожаръ въ Римѣ *).

Бѣшенная манія Нерона дошла до пароксизма. Это было самое страшное несчастье, которому когда-либо подвергался міръ. Абсолютная потребность времени предала все одному, наслѣднику великаго легендарнаго имени Цезаря; всякое другое правленіе было невозможно и провинціи, по обыкновенію, были довольны этимъ; но оно заключало въ себѣ громадную опасность. Когда Цезарь терялъ умъ, когда одновременно лопались всѣ артеріи его несчастной головы, помутившейся отъ неслыханной власти, то происходили невозможныя безобразія. Міръ былъ отданъ въ руки чудовищу. Не было возможности его прогнать; его гвардія, составленная изъ германцевъ, терявшихъ все съ его паденіемъ, съ остервенѣніемъ защищала его; затравленный звѣрь укрывался и бѣшено защищался. Что касается лично самого Нерона, то это было въ одно время что-то ужасное и смѣшное, грандіозное и глупое. Такъ какъ онъ былъ очень ученъ, то его помѣшательство приняло

*) Изъ книги — составляющей IV томъ «Les origines du christianisme».

окраску, по преимуществу, литературную. Мечты всѣхъ вѣковъ, всѣ поэмы, всѣ легенды, Бахусъ, Сарданапаль, Нинъ и Приамъ, Троя и Вавилонъ, Гомеръ и прѣсная тогдашняя поэзія образовали хаосъ въ жалкомъ мозгу художника посредственнаго, но сильно убѣжденнаго, которому случай далъ власть осуществить всѣ свои химеры. Представьте себѣ человѣка, почти столь-же разсудительнаго, какъ герои Виктора Гюго, дѣйствующее лицо карнавала, смѣсь помѣшаннаго, дурака и актера, облеченнаго всемогуществомъ и заправляющаго всѣмъ міромъ. У него не было черной злости Домиціана, любви къ злу въ-за зла; онъ не былъ также такъ сумасброденъ, какъ Калигула; это былъ добросовѣстный романтикъ, оперный императоръ, меломанъ, трепетавшій передъ партеромъ, но заставлявшій трепетать и его, — то, чѣмъ былъ-бы въ наше время всякій буржуа, здравый смыслъ котораго помутился-бы отъ чтенія современныхъ поэтовъ и который бы счелъ себя обязаннымъ поступать по примѣру Гана Исландскаго или Бюргравовъ. Такъ какъ управленіе государствомъ есть дѣло, по преимуществу, практическое, то романтизмъ въ немъ особенно неумѣстенъ. Романтизмъ принадлежитъ области искусства; прагматическая-же дѣятельность несовмѣстима съ искусствомъ. Романтизмъ особенно губеленъ, когда дѣло касается воспитанія принца. Въ этомъ отношеніи Сенека принесъ своему воспитаннику гораздо болѣе вреда своимъ дурнымъ литературнымъ вкусомъ, чѣмъ пользы своею философіей. Это былъ великій умъ, выходящій изъ ряда талантъ и человѣкъ, въ сущности почтенный, несмотря на нѣкоторыя пятна, но совсѣмъ испорченный декламацией и литературнымъ тщеславіемъ, неспособный чувствовать и разсуждать безъ фразъ. Благодаря тому, что

онъ постоянно заставлялъ своего ученика высказывать то, что онъ не думалъ, заранѣе придумывать высшія слова, онъ сдѣлалъ изъ него ревниваго комедіанта, злаго ритора, высказывавшаго челоувѣчныя мысли, когда бывалъ увѣренъ, что его слушаютъ. Старый педагогъ отлично понималъ зло своего времени, своего ученика и свое собственное, когда восклицалъ въ минуты откровенности: *Literarum intemperantia laboramus.*

Сначала эти странности казались у Нерона довольно безобидными; нѣкоторые время обезьяна наблюдала за собою и сохраняла заученую позу. Жестокость выказалась въ немъ только послѣ смерти Агриппины и очень скоро совсѣмъ завладѣла имъ. Теперь каждый годъ ознаменовывается его преступленіями: Буррусъ исчезъ и всѣ думаютъ, что Неронъ убилъ его; Октавія покинула землю, пропитанную позоромъ; Сенека въ изгнаніи, ожидающій постоянно своего приговора, думающій только о пыткахъ, ожесточающій свою мысль размышленіями о казняхъ, старающійся доказать, что смерть есть избавленіе. Тигеллинъ — господинъ всего, и сатурналія — полная. Неронъ объявляетъ каждый день, что только одно искусство должно считаться дѣломъ серьезнымъ, что всякая добродѣтель есть ложь, что порядочный челоувѣкъ только тотъ, который совершенно искрененъ и сознается въ своей полной порочности, что великій челоувѣкъ только тотъ, который всѣмъ умѣетъ пользоваться, все губить, все растрчивать. Добродѣтельный челоувѣкъ ему кажется лицемѣромъ, бунтовщикомъ, челоувѣкомъ опаснымъ и, въ особенности, соперникомъ; когда онъ открываетъ какую-нибудь страшную низость, подтверждающую его теоріи, то радость его безгранична. Теперь стали обнаруживаться политическія опасности отъ на-

дутости и того ложнаго духа соровнованія, который всегда былъ подтачивающимъ червемъ латинской культуры. Комедіанту удалось захватить право жизни и смерти надъ своей аудиторіей; dilettante угрожаетъ людямъ пыткой, если они не восхищаются его стихами. Мономанъ, опьяненный литературной славой, превращающій прекрасныя правила, которымъ его учили, въ каннибальскія шутки, свирѣпый мальчишка, жаждущій аплодисментовъ уличныхъ скомороховъ, — вотъ господинъ, котораго выносила имперія. Подобнаго сумасбродства еще никогда не бывало. У восточныхъ деспотовъ, страшныхъ и суровыхъ, не было этого бѣшенаго хохота, этого разврата исковерканнаго эстетика. Помѣшательство Калигулы бывало короткое, припадочное, въ тому-же Калигула, по преимуществу, шутъ; онъ, дѣйствительно, былъ остроуменъ; напротивъ того, помѣшательство Нерона, обыкновенно глупое, бывало иногда страшно и трагично. Ужаснѣ всего было видѣть, какъ онъ, для декламаторскаго эффекта игралъ съ своимъ раскаяніемъ, пользовался имъ, какъ сюжетомъ для своихъ стиховъ. Съ тѣмъ мелодраматизмомъ, который принадлежалъ только ему, онъ говорилъ о Фуріяхъ, мучившихъ его, читалъ греческіе стихи объ отцеубійцахъ. Точно какой-нибудь богъ насмѣшка нарочно создалъ его, чтобы доставить себѣ страшный образчикъ человѣческой природы, съ скрипящими пружинами, отвратительное зрѣлище эпилептическаго міра, какимъ должна быть сарабанда обезьянъ Конго или кровавая оргія Дагомейскаго короля.

По его примѣру помѣшательство точно овладѣло всѣми. Составилось общество низкихъ шалопаевъ, проказниковъ, называвшееся «рыцарями Августа», все занятіе которыхъ состояло въ аплодированіи Цезарю и въ при-

думываніи для него продѣлокъ ночныхъ бродягъ. Вскорѣ мы увидимъ императора, вышедшаго изъ этой школы. Цѣлый потокъ воображенія самаго дурнаго вкуса, пошлостей, словъ, претендующихъ на комизмъ, гадкій языкъ, похожій на направленіе нашихъ самыхъ маленькихъ газетъ, низверглись на Римъ и сдѣлались въ немъ модными. Калигула уже создалъ этотъ пагубный родъ императора-скомороха. Неронъ открыто взялъ его за образецъ. Ему недостаточно было управлять колесницами въ циркѣ, публично драть горло, развѣзжать, какъ пѣвецъ, по провинціи. Кромѣ того, онъ еще ловилъ рыбу золотыми сѣтями, которыя вытаскивалъ пурпуровыми веревками, самъ обучалъ своихъ клакеровъ, ходилъ во главѣ триумфальныхъ зрѣлищъ, присуждалъ себѣ всѣ вѣнки древней Греціи, организовалъ неслыханные праздники, игралъ на театрѣ всевозможныя роли.

Причина этихъ заблужденій лежала въ дурномъ вкусѣ вѣка, въ неумѣстной важности, приписываемой декламаторскому искусству, которое стремилось къ чрезмѣрному, мечтало только о чудовищномъ. Преобладало, вообще, отсутствіе искренности, родъ прѣсный, какъ въ трагедіяхъ Сенеки, умѣнье рисовать чувства неперечувствованныя, искусство подражать манерѣ говорить добродѣтельнаго человѣка, не будучи имъ. Гигантское принималось за великое, эстетика совсѣмъ совратилась съ пути истины: то было время колоссальныхъ статуй, того искусства матеріальнаго, театральнаго и ложно-патетическаго, образцовымъ произведеніемъ котораго служить Лаокоонъ, — превосходная статуя, конечно, но въ позѣ перваго тенора, поющаго свой *canticum* и съ душевнымъ страданіемъ, происходящимъ только отъ тѣлесной боли. Никого уже не удовлетворяло одно нравствен-

ное страданіе Ніобидъ, блещущихъ красотою; требовалось выраженіе физическихъ мукъ; ими любовались, какъ въ XVII вѣкѣ, мраморами Пюже. Ощущенія притупились; грубыя средства, которыя греки едва позволяли себѣ при представленіяхъ, наиболѣе народныхъ, сдѣлались теперь существенными элементами искусства. Народъ, буквально, жаждалъ зрѣлищъ, но не зрѣлищъ серьезныхъ, трагедій возвышенныхъ, а эффектныхъ сценъ, фантазмагорій. Распространилась гнусная любовь къ «живымъ картинамъ». Уже не довольствовались мысленно наслаждаться восхитительными разказами поэтовъ; требовали, чтобы миѳы были изображены со всѣмъ, что въ нихъ заключалось самаго свирѣпаго или самаго грознаго; восторгались группами, позами актеровъ; въ нихъ искали эффектовъ для статуй. Аплодисменты пятидесяти тысячъ человѣкъ, собравшихся въ громадномъ чану, другъ друга воспаляющихъ, были такъ ошьяняющи, что самъ монархъ начиналъ завидовать кучеру, пѣвцу, актеру; театральная слава казалась выше всякой другой. Ни одинъ изъ императоровъ, мозгъ котораго имѣлъ нѣкоторыя слабости, не могъ противостоять противъ искушенія получать вѣнки съ этихъ печальныхъ игръ. Калигула оставилъ тамъ всю малую частицу ума, выпавшую на его долю; онъ проводилъ дни въ театрѣ, забавляясь; позже, Коммодъ, Каракалла будутъ оспаривать у Нерона пальму помѣшательства на этомъ пунктѣ. Пришлось издать законъ, запрещающій сенаторамъ и кавалерамъ спускаться въ арены, драться, какъ гладіаторы, или бороться съ звѣрями. Циркъ сдѣлался центромъ жизни; остальной міръ существовалъ, казалось, только для потѣхи Рима. То были постоянно все новыя выдумки, однѣ страннѣе другихъ, задуманныя и приказанныя царственнымъ хорона-

чальникомъ. Народъ отправлялся съ праздника на праздни-
никъ, говорилъ только о вчерашнемъ днѣ, ожидалъ слѣ-
дующаго и, наконецъ, сильно привязался къ принципу
превратившему, такимъ образомъ, его жизнь въ беско-
нечную вакханалію. Популярность, прибрѣтенная Перо-
номъ этимъ постыднымъ путемъ, не подлежитъ никакому
сомнѣнію; она достаточно была велика, если Отонъ,
послѣ его смерти, добился престола, только воскресивъ его
память, подражая ему и напоминая, что онъ самъ былъ
однимъ изъ любимцевъ его котеріи.

Нельзя, однако, положительно утверждать, что у это-
го несчастнаго совѣмъ не было сердца и чувства доб-
ра и красоты. Онъ далеко не былъ неспособенъ къ друж-
бѣ, часто выказывался хорошимъ товарищемъ и это-те
именно сдѣлало его такимъ жестокимъ; онъ хотѣлъ, что-
бы его любили и имъ восхищались для него самаго, и
сердился на тѣхъ, которые не имѣли къ нему этихъ
чувствъ. Натура его была ревнивая, подозрительная и
маленькія измѣны выводили его изъ себя. Почти вся его
месть обрушилась на лицъ, допущенныхъ имъ въ свой
интимный кружокъ (Луканъ, Вестинусъ) и злоупотребив-
шихъ фамиллярностью, къ которой онъ ихъ поощрялъ,
чтобы осыпать его насмѣшками, потому что онъ созна-
валъ свои смѣшныя стороны и боялся, чтобы другіе не
замѣтили ихъ. Самой главной причиною его ненависти
къ Тразеасу было то, что онъ отчаялся заслужить его
расположеніе. Шутовское чтеніе плохаго полустигіи:

Sub tervis tonuisse putes,

погубило Лукана. Никогда не лишая себя услугъ жен-
щинъ, подобныхъ Гальвіѣ Криспиниллѣ, онъ, дѣйстви-
тельно, любилъ нѣсколькихъ, и эти женщины, — Полея,

Актея, любили его. Послѣ смерти Попеи, случившейся благодаря его грубости, имъ овладѣло раскаяніе почти трогательное; долгое время онъ оставался подъ обаяніемъ нѣжности, искалъ всего, что походило на нее, прибѣгалъ къ безумнымъ подмѣнамъ. Попея, съ своей стороны, имѣла къ нему чувства, которыя такая изящная женщина не могла бы питать къ человѣку вульгарному. Куртизанка самага высшаго общества, искусно умѣвшая оттѣнять изысканно рассчитанной скромностью всѣ прелести своей рѣдкой красоты и высокаго изящества, Попея, не смотря на всѣ свои преступленія, сохранила въ сердцѣ инстинктивную религію, склонившую ее къ іудейству. Неронъ, казалось, легко поддавался очарованію женщинъ, присоединявшихъ къ кокетству нѣкоторую набожность. Эти переходы отъ самозабвенія къ гордости, эта женщина, выходившая только съ почти закрытымъ лицомъ, этотъ нѣжный говоръ и, въ особенности, это трогательное поклоненіе своей собственной красотѣ, доходившее до того, что когда однажды она увидала въ зеркалѣ нѣсколько пятенъ, то пришла въ чисто женское отчаяніе, и пожелала умереть, — все это живо поражало горячее воображеніе молодаго развратника, на котораго всякій признакъ стыдливости производилъ всемогущее дѣйствіе. Вскорѣ мы увидимъ Нерона, въ его роли Антихриста, создающимъ въ извѣстномъ смыслѣ новую эстетику и съ жадностью упивающимся зрѣлищемъ разоблаченной христіанской стыдливости. Набожная и сладострастная Попея поддерживала въ немъ подобныя чувства. Супружескій выговоръ, вызвавшій ея смерть, былъ слѣдствіемъ того, что въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Нерономъ, она никогда не покидала той гордости, съ которою обходилась съ нимъ въ началѣ ихъ знаком-

ства.—Что же касается до Актея, то, если она и не была христіанкою, какъ предполагали, то была не далеко отъ этого. Это была раба, родомъ изъ Азіи, т.-е. страны, съ которою Римъ имѣлъ ежедневныя сношенія. Часто замѣчали, что прекрасныя отпущенницы, имѣвшія всего болѣе обожателей, сильно склонялись къ восточнымъ религіямъ. Актея навсегда сохранила простые вкусы и никогда совсѣмъ не оторвалась отъ своего маленькаго мірка рабынь. Сначала она принадлежала семейству Аннеа, вокругъ котораго христіане волновались и группировались; побуждаемая Сенекой, она играла въ самомъ чудовищномъ и трагичномъ изъ обстоятельствъ роль, которую нельзя не назвать честною, если принять во вниманіе ея подневольное положеніе. Эта бѣдная дѣвушка, смиренная, кроткая и которая на многихъ памятникахъ изображена окруженной людьми, съ почти христіанскими именами (Клавдія, Феликула, Стефанусъ, Кресценсій, Фебе (Phoebe), Онезимумъ, Таллусъ, Артемасъ, Гельписъ) была первою любовью Нерона-юноши. Она осталась ему вѣрна до самой смерти; мы найдемъ ее въ виллѣ Фаонъ, отдающею послѣдній набожный долгъ трупу, отъ котораго всѣ съ ужасомъ отстранялись.

И дѣйствительно, какъ это ни кажется страннымъ, но, не смотря на все, женщины любили его. Это было чудовище, существо глупое, безобразное, нелѣпое произведеніе природы, но это не было чудовище вульгарное. Точно рокъ, по какому-то странному капризу, хотѣлъ олицетворить въ немъ *hinc oserga* логиковъ, какого-то ублюдка страннаго, несвязнаго, чаще всего ненавистнаго, но котораго, однако, минутами нельзя было не жалѣть. Для женскаго чувства, основывающагося болѣе на симпатіи и на личномъ вкусѣ, чѣмъ на строгой эстетиче-

ской оцѣнкѣ, достаточно небольшой красоты или нравственной доброты, даже притворной, чтобы ихъ негодование утихло въ жалости. Онѣ, въ особенноти, снисходительны къ артисту, увлеченному любовью къ своему искусству, къ какому нибудь Байрону, жертвѣ своей химеры, и настолько наивны, что принимаютъ за дѣла его безобидную поэзію. Въ тотъ день, когда Агтея положила окровавленный трупъ Нерона въ склепъ Домиціевъ, она оплакивала, безъ сомнѣнія, оскверненіе природныхъ качествъ, извѣстныхъ только ей одной; можно повѣрить, что въ этотъ-же день не одна христіанка молилась за него.

Хотя и съ посредственнымъ талантомъ, но онѣ не были лишены нѣкоторой художественности: онѣ хорошо рисовали, хорошо лѣпили; стихи его были хороши, несмотря на нѣкоторую ученическую напыщенность, и, чтобы ни говорили, но онѣ сочиняли ихъ самѣ; Светоній видѣлъ его черновыя рукописи, покрытыя поправками. Онѣ первый поняли великолѣпный пейзажъ Субіако и выстроили себѣ тамъ прелестное лѣтнее помѣщеніе. При наблюденіи явленій природы, умъ его былъ правиленъ и пытливъ; онѣ любилъ опыты, новыя изобрѣтенія, остроумныя вещи; онѣ хотѣли знать причины и отлично поняли все шарлатанство такъ называемыхъ, магическихъ наукъ, также какъ ничтожество всѣхъ религій своего времени. Светоній рассказываетъ намъ, какимъ образомъ пробудилась у него страсть къ пѣнію. Онѣ обязанъ былъ своимъ посвященіемъ самому знаменитому для своего времени игроку на цитрѣ, Терпносу. Онѣ проводилъ цѣлыя ночи, сидя подлѣ музыканта, изучая его игру, погруженный въ то, что слышалъ; едва дыша, въ ошарашеніи, жадно вдыхая воздухъ другаго міра, отерывающагося иредъ нимъ въ соприкосновеніи съ великимъ ар-

тистомъ. Отъ этого-же произошло и его отвращеніе къ римлянамъ, вообще плохимъ знатокамъ, и его предпочтеніе къ грекамъ, по его мнѣнію, однимъ способнымъ оцѣнить его, и ко всѣмъ восточнымъ народамъ, изо всѣхъ силъ аплодировавшимъ ему. Съ тѣхъ поръ, онъ не признавалъ другой славы, кромѣ славы искусства; передъ нимъ открылась новая жизнь; императоръ забылся; отрицаніе его таланта сдѣлалось государственнымъ преступленіемъ, по преимуществу; враги Рима были тѣ, которые не восхищались имъ.

Его аффектація быть во всемъ главою моды была, конечно, смѣшна. Однако, надо сказать, что въ этомъ было болѣе политики, чѣмъ думаютъ. Первый долгъ цезаря (принимая во вниманіе господствующую въ то время низость) состоялъ въ забавленіи народа. Монархъ былъ, прежде всего, великій организаторъ праздниковъ; главный забавникъ по неволѣ долженъ былъ платиться своею особою. Многія безобразія, въ которыхъ упрекали Нерона, были важны только съ точки зрѣнія римскихъ нравовъ и строгой манеры держать себя, которой до тѣхъ поръ всѣ придерживались. Всѣ были возмущены при видѣ императора, дающаго аудіенціи сенату въ вышитомъ халатѣ, дѣлающаго смотръ въ невозможномъ неглиже, безъ пояса, съ платкомъ на шеѣ, для сохраненія своего голоса. Настоящіе римляне справедливо возмущались введеніемъ восточныхъ обычаевъ. Но было неизбѣжно, чтобы цивилизація, болѣе старая и испорченная, покорилась своею испорченностью болѣе молодую. Клеопатра и Антоній мечтали о восточной имперіи. Самому Нерону внушали мысль о подобномъ царствѣ; доведенный до крайности, онъ подумаетъ потребовать Египетскую префектуру. Отъ Августа до Константина, каж-

дый годъ представляетъ новыя побѣды части имперіи, говорившей по-гречески, надъ той, которая говорила по-латыни.

Надо помнить, къ тому же, что помѣшательство было въ воздухѣ. Если исключить прекрасную часть аристократическаго общества, которая дойдетъ до власти съ Нервою и Траяномъ, то общее отсутствіе серьезности дѣлало то, что самые почтенные люди въ нѣкоторомъ родѣ играли съ жизнію. Лицо, представлявшее и олицетворявшее то время, «честный человекъ» этого царства величайшей безнравственности, былъ Петроній. День онъ отдавалъ сну, ночь дѣламъ и удовольствіямъ. Онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ мотовъ, которые гибнутъ отъ грубаго разгула: это былъ сластолюбецъ, глубоко погруженный въ науку удовольствія. Природная развязность и непринужденность его рѣчей и поступковъ придавали ему очаровательный родъ простоты. Будучи проконсуломъ въ Битиніи, а потомъ консуломъ, онъ выказалъ себя способнымъ на самыя великія дѣла. Воротясь къ пороку, или только къ похвалѣ имъ, онъ былъ допущенъ въ интимный кружокъ Нерона и сдѣлался во всемъ законодателемъ моды; ничто не было изящно, хорошо, чего не одобрилъ Петроній. Ужасный Тигеллинъ, царствовавшій благодаря своей подлости и злости, опасался соперника, превосходившаго его въ наукѣ сладострастія; ему удалось погубить его. Петроній слишкомъ уважалъ себя, чтобы бороться съ подобнымъ негодяемъ. Онъ, однако, не хотѣлъ внезапно покинуть жизнь. Открывъ себѣ жилы, онъ велѣлъ ихъ закрыть, потомъ открылъ снова, болтая о пустякахъ съ своими друзьями, слушая ихъ разговоры не о безсмертіи души и философскихъ мнѣніяхъ, но о пѣсняхъ и легкой поэзіи. Онъ выбралъ эту минуту,

чтобы наградить нѣкоторыхъ изъ своихъ рабовъ и наказать другихъ. Онъ сѣлъ за столъ и заснулъ. Этотъ скептическій Мериме, съ тономъ холоднымъ и изящнымъ оставилъ намъ романъ, совершенный по тонкости и живости и, въ то же время, исполненный самой изощренной испорченности, превосходно отражающій время Нерона. Во всякомъ случаѣ, не всякій можетъ быть царемъ моды. Изящество жизни требуетъ своего рода умѣнья, стоящаго ниже науки и нравственности. Празднику вселенной не доставало бы чего-то, еслибы мѣръ былъ населенъ только иконоборствующими фанатиками и добродѣтельными пентюхами.

Нельзя отрицать, что любовь къ искусству у людей того времени, была сильна и искренна. Прекрасныя вещи болѣе не создавались, но съ жадностью изыскивались образцовыя произведенія вѣковъ минувшихъ. Тотъ же Петроній, за часъ до смерти, приказалъ разбить мирринскую вазу, чтобы она не досталась Нерону. Произведенія искусства доходили до баснословныхъ цѣнъ. Неронъ до безумія любилъ ихъ. Помѣшанный на идеѣ великаго, но присоединяя къ ней насколько возможно менѣе здраваго смысла, онъ мечталъ о химерическихъ дворцахъ, о городахъ въ родѣ Вавилона, Оивъ и Мемфиса. Императорскій дворецъ на Палатинѣ (прежній домъ Тиверія) былъ довольно простъ и носилъ характеръ совсѣмъ частный до царствованія Калигулы. Этотъ послѣдній, котораго во всемъ слѣдуетъ считать творцемъ правительственной школы, въ которой слишкомъ охотно считаютъ, что Неронъ не имѣлъ себѣ господина, значительно увеличилъ домъ Тиверія. Неронъ постоянно жаловался на тѣсноту и не могъ найти достаточно насмѣшекъ надъ своими предшественниками, довольствовавшимися столъ

малымъ. Онъ приказалъ себѣ построить временную резиденцію, не уступавшую дворцамъ Китая и Ассиріи. Этотъ домъ, называемый имъ «временнымъ» и который онъ намѣревался сдѣлать вскорѣ окончательнымъ, представлялъ цѣлый міръ, съ своими портиками въ три мили длины, своими парками, въ которыхъ виднѣлись стада, своими внутренними уединеніями, своими озерами, окруженными видами фантастическихъ городовъ, своими виноградниками, лѣсами, и занималъ мѣсто болѣе обширное, чѣмъ Лувръ, Тюльери и Елисейскія поля, взятая вмѣстѣ: онъ тянулся отъ Палатина до садовъ Мецената, расположенныхъ на Эсквилійскихъ высотахъ. То была настоящая феерія; инженеры Северъ и Целеръ превзошли себя. Неронъ хотѣлъ сдѣлать такимъ образомъ, чтобы его можно было назвать «золотымъ домомъ». Его очаровывали разсказами о бѣшенныхъ предпріятіяхъ, которыя-бы могли увѣковѣчить его память. Въ особенности, Римъ заботилъ его. Онъ хотѣлъ его перестроить съ самаго основанія, чтобы онъ могъ называться Нерополисомъ.

Съ прошедшаго вѣка Римъ сдѣлался міровымъ чудомъ; по величинѣ онъ не уступалъ древнимъ столицамъ Азіи. Зданія его были прекрасны, крѣпки и основательны; но всѣмъ модникамъ улицы казались слишкомъ плохими, такъ какъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нравились банальныя и разукрашенныя постройки; всѣ желали общихъ эффектовъ, восхищающихъ зѣвакъ, и начали изыскивать тысячу пустяковъ, неизвѣстныхъ древнимъ грекамъ. Неронъ былъ во главѣ этого движенія. Римъ, о которомъ онъ мечталъ, былъ-бы чѣмъ-то въ родѣ современнаго Парижа, былъ-бы однимъ изъ тѣхъ искусственныхъ городовъ, выстроенныхъ по высочайшему приказу, въ планѣ которыхъ больше всего хло-

потали о восхищеніи провинціаловъ и иностранцевъ. Молодой безумецъ упивался этими вредными планами. Ему тоже хотѣлось увидѣть что-нибудь странное, что-нибудь грандіозное, достойное художника; онъ хотѣлъ событія, которое-бы обозначило эпоху его царствованія. «До меня, говорилъ онъ, еще не знали всего того, что позволительно Цезарю». Всѣ эти внушенія беспорядочной фантазіи, казалось, осуществились въ странномъ событіи, которое имѣло самыя важныя послѣдствія для занимающаго насъ предмета.

Такъ какъ поджигательная манія заразительна и часто связана съ галлюцинаціями, то чрезвычайно опасно пробуждать ее въ слабыхъ головахъ, въ которыхъ она дремлетъ. Одною изъ чертъ характера Нерона была невозможность противустоять противъ неотступной мысли о преступленіи. Пожаръ Трои, разыгрываемый имъ съ самаго дѣтства, не давалъ ему покоя. Одною изъ пьесъ, данныхъ на одномъ изъ его праздниковъ, былъ *Incendium Afranius*, въ которой на сценѣ показывается воспламененіе. Въ одномъ изъ припадковъ эгоистической ярости противъ судьбы, онъ воскликнулъ: «Счастливыи Пріамъ, онъ, своими глазами могъ видѣть, какъ погибала его имперія вмѣстѣ съ его родиной!» Другой разъ, услыша греческій стихъ изъ Беллерофона Еврипида, означавшій:

Послѣ моей смерти, пусть земля смѣшается съ огнемъ!

— О нѣтъ! сказалъ онъ, пусть это будетъ при мнѣ!» Преданіе, по которому Неронъ сжегъ Римъ, чтобы только сдѣлать повтореніе пожара Трои, конечно, преувеличено, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сейчасъ докажемъ, Нерона не было въ городѣ, когда показался огонь. Демонъ развращенныхъ драмъ, овладѣвшій имъ, былъ,

какъ и у преступниковъ другой эпохи, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ужаснаго преступленія.

19 Юля 64 года пламя съ ужасною силою охватило Римъ. Оно началось подлѣ Капенскихъ воротъ, въ части Большаго цирка, примыкавшей къ Палатинскому холму; и холму Целіуса. Въ этомъ кварталѣ было множество лавокъ, полныхъ горючаго матеріала, на которыя пламя распространилось съ ужасающею быстротою. Оттуда, оно обошло вокругъ Палатина, уничтожило Велабръ, Форумъ, Карины, поднялось по холмамъ, сильно попортило Палатинъ, снова спустилось въ долины, пожирая впродолженіи шести дней и семи ночей, скученные кварталы и пронизывая извилистыя улицы. Множество разрушенныхъ домовъ у подошвы Эсквилій остановило его на нѣкоторое время; потомъ оно снова появилось и длилось еще три дня. Количество мертвыхъ было весьма значительно. Изъ четырнадцати округовъ, составлявшихъ городъ, три были совершенно уничтожены, отъ семи другихъ остались только однѣ почернѣлыя стѣны. Римъ былъ городъ чрезвычайно скученный, съ очень густымъ населеніемъ. Несчастіе было ужасно и неслыханно.

Когда начался пожаръ, Неронъ былъ въ Антиумѣ. Онъ пріѣхалъ въ городъ только къ тому времени, когда огонь подходилъ къ его «временному» дому. Не было возможности ничего вырвать изъ пламени. Императорскіе дома Палатина, самъ «временный» домъ съ его службами, весь сосѣдній кварталъ, были уничтожены. Неронъ, очевидно, не стоялъ за то, чтобы спасли его резиденцію. Величественный ужасъ зрѣлища восхищалъ его. Позже говорили, что онъ, стоя на башнѣ, любовался пожаромъ и, въ театральномъ костюмѣ, съ лирою въ рукахъ, вос-

пѣваль гибель Иліона трогательнымъ напѣвомъ древней элегіи *).

То была легенда, порожденная временемъ и послѣдовательными преувеличеніями, но съ самого начала общественное мнѣніе утверждало, что пожаръ былъ произведенъ по приказанію Нерона или, по крайней мѣрѣ, снова возбужденъ имъ, когда уже почти потухалъ **). Увѣряли

*) Тацитъ исключаетъ это обстоятельство. Онъ говоритъ, правда, о слухѣ, будто Неронъ, во время пожара, воспѣвалъ разрушеніе Трои на „своемъ домашнемъ театрѣ.“ Этотъ фактъ, если онъ вѣренъ, могъ произойти только въ Антиумѣ, что было бы чрезвычайно неловко. Очевидно, что Тацитъ передаетъ этотъ слухъ, не принимая его. Разказы Светонія и Діона не согласуются въ подробностяхъ: по словамъ одного сцена происходила на Эсквилійскихъ холмахъ, по словамъ другаго на Палатинѣ. Причиною анекдота была, безъ сомнѣнія, поэма Троица, сочиненная Нерономъ и публично прочтенная имъ въ слѣдующемъ году, имѣвшая двойной смыслъ, какъ поэма Лукана *Catacaenosis Piasus*, появившаяся около того же времени. Неприличіе подобныхъ намековъ поразило всѣхъ и заставило говорить, что Неронъ „игралъ на лирѣ на развалинахъ отечества.“ (Выраженіе *patraie ruinis* есть у Тацита, *Ann*, V, 42). Эта фраза обратилась въ анекдотъ и, такъ какъ легенда рождается всегда изъ справедливаго слова, вѣрнаго чувства, обращеннаго въ дѣйствительность, благодаря нѣкоторымъ измѣненіямъ времени и пространства, то пѣснь Троица отнесли къ днямъ катастрофы. Анекдотъ представлялъ значительныя трудности для тѣхъ, которые знали, какъ и Тацитъ, что въ началѣ пожара Неронъ былъ въ Антиумѣ; чтобы сдѣлать свой рассказъ болѣе правдоподобнымъ, они предположили, что Неронъ пѣлъ свою элегію „на домашней сценѣ.“ Тѣже, которые не знали, что въ началѣ пожара Неронъ былъ въ Антиумѣ, перенесли всю исторію въ Римъ, гдѣ каждый выбралъ для нея наиболѣе театральное мѣсто. Такъ называемая *Teatra di Nerone*, показываемая и теперь, принадлежитъ среднимъ вѣкамъ.

**) Световій, Діонъ, Кассій и Плиній старшій это положительно утверждаютъ. Тацитъ сначала не высказывается. Потомъ

будто узнали его слугъ, поджигающихъ съ разными сторожъ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зажигали люди, представлявшіеся пьяными. Огонь, казалось, показывался въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Рассказывали будто видѣли, какъ во время самага пожара солдаты и сторожа, которымъ было поручено тушить, разжигали его и мѣшали всѣмъ, старавшимся бороться съ нимъ, и дѣлали это съ угрожающимъ видомъ и какъ люди, исполняющіе оффиціальныя приказанія *).

Отъ большихъ каменныхъ построекъ, сосѣднихъ съ императорскимъ жилищемъ, и мѣсто которыхъ соблазняло Нерона, остались однѣ развалины, точно послѣ осады. Когда огонь появился снова, то начался съ дома Тигеллина. Что еще болѣе подтвердило подозрѣнія, такъ это то, что послѣ пожара Неронъ, подъ предлогомъ очистки развалинъ на свой счетъ, взялъ на себя уборку ихъ, такъ что никому не позволялось приближаться къ нимъ. Но еще было хуже, когда увидѣли, что онъ извлекалъ для себя выгоду изъ развалинъ родины, и что новый дворецъ его, этотъ «золотой домъ»

однако, упрекаетъ его „въ пожарѣ“, какъ всѣмъ извѣстномъ преступленіи. Въ послѣднее время, Неронъ еще разъ хотѣлъ съечь Римъ. Светоній, Н е р о н ъ, 43. Конечно, надо помнить, что въ подобныхъ случаяхъ значительное участіе принимали народная болтовня и недоброжелательство. Противъ Нерона говоритъ то, что трудно допустить, чтобы столь необыкновенный пожаръ могъ распространиться безъ посторонней помощи въ такомъ городѣ, какъ Римъ, выстроенномъ, по большей части, изъ камня. Ореллійская надпись, № 736, доказываетъ необыкновенный характеръ пожара. Пожары при Титѣ и Коммодѣ, хотя и весьма значительные, не могли съ этимъ сравниться.

*) Быть можетъ, то были злоумышленники, старавшіеся увеличить бѣдствіе, для своихъ цѣлей грабежа.

занимавшій такъ долго его изступленное воображеніе, начинаетъ возвышаться на мѣстѣ прежней временной резиденціи, увеличенной пространствомъ, очищеннымъ пожаромъ. Начали думать, что онъ хотѣлъ приготовить участокъ для этого новаго дворца, оправдать перестройку, давно задуманную, добыть деньги, присвоивъ себѣ остатки пожара, удовлетворить, наконецъ, свое бѣшенное тщеславіе, заставлявшее его желать найти предлогъ для перестройки Рима, чтобы онъ считалъ свое начало съ него и онъ могъ дать ему свое имя.

Все заставляеть думать, что это не была клевета. Когда дѣло касается Нерона, то истина можетъ совсѣмъ не быть правдоподобной. Пусть не говорятъ, что онъ пользовался такою властью, что у него были средства болѣе простыя, чѣмъ пожаръ, чтобы добыть себѣ желаемые участки. Власть императоровъ, безграничная въ одномъ смыслѣ, ограничивалась въ другомъ обычаями, предразсудками народа, въ высшей степени дорожившаго своими религіозными памятниками. Римъ былъ полонъ храмовъ, святыхъ мѣстъ, агеае, зданій, которыя-бы не могъ срыть ни одинъ законъ отчужденія собственности. Цезарь и нѣсколько другихъ императоровъ, вслѣдствіе этого-же препятствія, не могли осуществить своихъ намѣреній для общественной пользы, въ особенности касательно измѣненія теченія Тибра. Для осуществленія своихъ безумныхъ плановъ, у Нерона, дѣйствительно, было только одно средство—пожаръ. Положеніе было то же, что и въ Константинополѣ и въ большихъ мусульманскихъ городахъ, перестройкѣ которыхъ мѣшаютъ мечети и оуакоуф'ы. На востокѣ, пожаръ весьма плохой способъ, потому что послѣ него на участокъ смотрятъ, какъ на неотъемлемую собственность вѣрующихъ, и онъ остается

священнымъ. Въ Римѣ, гдѣ религія болѣе дорожила зданіемъ, чѣмъ мѣстомъ, эта мѣра оказалась дѣйствительной. Новый Римъ, съ улицами широкими и прямыми, очень скоро выстроился по плану императора и на предлагаема въ преміи.

Все, что только оказалось честнаго въ городѣ, было сильно оскорблено. Самыя драгоценныя древности Рима, дома старыхъ военачальниковъ, украшенные еще остатками триумфовъ, самыя святыя вещи, трофеи, древніе склады, самыя почитаемыя храмы, весь матерьялъ стараго римскаго культа, исчезли. То былъ трауръ по воспоминаніямъ и легендамъ родины. Какъ Неронъ ни старался облегчить нищету, которой онъ былъ причиной; какъ ни говорили, что, въ концѣ концовъ, пожаръ послужилъ для очистки и оздоровленія города, и что новый будетъ гораздо лучше стараго, но ни одинъ настоящій римлянинъ не хотѣлъ этому вѣрить; всѣ тѣ, для которыхъ городъ не есть только груда камней, были уязвлены въ самое сердце; сознаніе отечества было возбуждено. Этотъ храмъ, построенный Эвандромъ, этотъ другой, воздвигнутый Сервіусомъ Тулліусомъ, священное мѣсто Юпитера Статора, дворецъ Нумы, эти пенаты римскаго народа, эти памятники столькихъ побѣдъ, эти образцы греческаго искусства, — какъ воротить ихъ потерю? Что значили въ сравненіи со всѣмъ этимъ обширныя монументальныя перспективы, безконечныя прямыя линіи? Производили исключительныя церемоніи, совѣтовались съ книгами Сибиллы, въ особенности женщины праздновали разныя *ritualia*. Но, несмотря на все, оставалось скрытое чувство преступленія, подлости. Неронъ начиналъ чувствовать, что онъ, быть можетъ, зашелъ слишкомъ далеко.

Еврейская война.

Крайнее возбужденіе, переживаемое христіанами въ 66-мъ году послѣ Р. Х. вскорѣ усложнилось еще событіями, происходившими въ Іудеѣ. Эти событія, казалось, были причиной самыхъ странныхъ видѣній. Пароксизмъ горячки, который можно только сравнить съ пароксизмомъ, овладѣвшимъ Франціей во время Революціи и Парижемъ въ 1871 году, охватилъ весь еврейскій народъ. Эти «божественныя болѣзни», излечить которыя античный міръ оказался неспособнымъ,—казалось, сдѣлались частью обычнаго еврейскаго темперамента. Можно было предположить, что доведенный до отчаянія, еврейскій народъ намѣревался дойти до самыхъ нелѣпыхъ крайностей. Втеченіи четырехъ лѣтъ этотъ странный народъ,—точно созданный на то, чтобы одинаково приводить въ смущеніе какъ того, кто его благословляетъ, такъ и того, кто его проклинаетъ,—подвергался судорогамъ, въ виду которыхъ историки, подъ вліяніемъ ужаса и восхищенія, должны остановиться съ почтеніемъ, какъ передъ всѣмъ, что таинственно и загадочно.

Причины кризиса были старинныя и самъ кризисъ былъ неизбеженъ. Моисеевъ законъ, — созданіе экзаль-

тированных утопистовъ, обладавшихъ могучимъ социалистическимъ идеаломъ,—не признавалъ гражданского общества.—Этотъ законъ, уже въ VII столѣтіи до Р. Х. находившійся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ теперь,—въ конецъ разрушилъ-бы царство потомковъ Давида, даже и безъ ассирійскаго завоеванія. Какъ только пророческій элементъ рѣшительно взялъ верхъ, іудейское царство,—поссорившись со всѣми своими сосѣдями, въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Тиромъ, —оказалось неспособнымъ дальше влечить свое жалкое существованіе. Съ того времени, когда Израиль сдѣлался «царствіемъ божіимъ», было рѣшено судьбою, что онъ не можетъ быть народомъ, похожимъ на всѣ другіе народы. Нельзя соединять въ одно противоположныхъ элементовъ; превосходство съ одной стороны приводитъ къ пониженію съ другой.

Ахеменидская имперія до извѣстной степени успокоила Израиль. Этотъ громадный феодализмъ, относившійся терпимо къ областнымъ различіямъ, похожій на багдадскій калифатъ или на оттоманскую имперію, доставилъ евреямъ такое положеніе, въ которомъ они чувствовали себя почти хорошо. Господство Птолмеевъ въ III вѣкѣ до Р. Х., точно также было имъ симпатично. Но не то было съ Селевкидами. Антиохія сдѣлалась активнымъ центромъ греческой пропаганды. Антиохъ Епифаній считалъ своимъ долгомъ устанавливать вездѣ, какъ знакъ своего могущества, изображенія Юпитера Олимпійскаго. Тогда-то именно и вспыхнуло первое значительное возстаніе евреевъ противъ свѣтской цивилизаціи. Израиль терпѣливо переносилъ уничтоженіе своего политическаго существованія со времени Навуходоносора, но потерялъ всякое самообладаніе, когда коснулись его ре-

лигіозныхъ учрежденій. Это племя, — вообще совсѣмъ не воинственное, — точно было охвачено припадкомъ героизма; безъ правильной арміи, безъ военачальниковъ, безъ тактики, они побѣдили Селевкидовъ, сохранили свой законъ и создали себѣ второй періодъ автономіи. Но организація была внутренно-порочна и просуществовала не болѣе одного столѣтія. Еврейскому народу не суждено было образовать отдѣльную народность; этотъ народъ вѣчно грезилъ чѣмъ-то международнымъ; его идеаль — не городъ, а синагога; это — свободная конгрегація. То-же самое мы видимъ и въ исламѣ, создавшемъ громадную имперію, но уничтожившимъ національность у тѣхъ народовъ, которыхъ онъ себѣ подчинилъ.

Такое состояніе общества обыкновенно называется теократическимъ и такое названіе вѣрно, если подъ этимъ словомъ понимать, что идея семитическихъ религій и государствъ заключается въ «царствѣ Божіемъ»; но у этихъ народовъ теократія не одно и то-же, что господство духовенства. Собственно говоря, духовное лицо играетъ довольно слабую роль въ исторіи іудаизма и исламизма. Могущество и вліяніе принадлежали представителю Бога на землѣ, тому, кого вдохновляетъ Богъ, пророку, тому, кто посланъ Богомъ, кто доказываетъ свое посланничество чудесами или успѣхами. За неимѣніемъ пророка, власть переходитъ къ сочинителю апокрифныхъ книгъ, приписываемыхъ прежнимъ пророкамъ, или-же къ книжнику, объясняющему законъ, къ представителю синагоги и еще болѣе — къ главѣ семьи, охраняющему законъ и передающему его во всей чистотѣ своимъ дѣтямъ. При подобной соціальной организаціи, гражданская власть почти упраздняется. Іудаизму суждено быть вѣчно подчиненнымъ, такъ какъ онъ не спо-

собенъ создать военную власть. То же явленіе замѣчается и у современныхъ намъ грековъ; греческія общины въ Триестѣ, Смирнѣ, Константинополѣ гораздо болѣе процвѣтають, чѣмъ маленькое греческое королевство, потому именно, что эти общины освобождены отъ политической агитаціи, въ которой живой, южный народъ, слишкомъ рано получившій свободу, находитъ свою гибель.

Римское господство, установившееся благодаря арміи Помпея въ Іудеѣ въ 63 году до Р. Х.,—казалось, удовлетворяло въ началѣ условіямъ еврейской жизни. Въ эту эпоху Римъ не ассимилировалъ странъ, присоединенныхъ къ его могучей имперіи. Онъ отнималъ у нихъ право войны и міра и оставлялъ за собой лишь рѣшеніе въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ. При послѣднихъ отпрыскахъ асмонеической династіи и при Иродахъ, еврейскій народъ пользовался тою полу-независимостью, которая, казалось, должна была вполне его удовлетворять, такъ какъ религіозныя вѣрованія были уважаемы. Но внутренній народный кризисъ былъ слишкомъ силенъ. При извѣстной степени религіознаго фанатизма, никакое управленіе невозможно. Слѣдуетъ также прибавить, что Римъ постоянно стремился увеличить свою власть на востокѣ. Небольшія вассальныя государства поглощались имъ постоянно, а провинціи прямо присоединялись къ имперіи. Съ 6-го года послѣ Р. Х. Іудеею стали управлять прокураторы, подчиненные императорскимъ властямъ въ Сиріи, съ параллельною властью Иродовъ. Несостоятельность такого порядка вещей обнаруживалась все болѣе и болѣе. На востокѣ, патріоты и люди искренно-религіозные, не уважали династіи Иродовъ. Административныя привычки римлянъ были противны евреямъ

Вообще, римляне обнаруживали много уступчивости по отношенію къ мелочности евреевъ; но этого было недостаточно; дѣло приняло такой оборотъ, что ко всему примѣшивался каноническій вопросъ. Такия абсолютныя религіи, какъ исламъ и іудаизмъ не выносятъ надъ собою никакой власти. Если онѣ не безусловно господствуютъ, то считаютъ себя преслѣдуемыми. Если имъ покровительствуютъ, то онѣ дѣлаются требовательными и начинаютъ преслѣдовать другія исповѣданія. Все это обнаруживается въ Алжирѣ, гдѣ евреи, зная, что ихъ поддерживаютъ противъ мусульманъ, преслѣдуютъ этихъ послѣднихъ и постоянно надоѣдаютъ правительству своими рекриминаціями.

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что въ столѣтнемъ опытѣ, совершенномъ римлянами и евреями съ цѣлью жить вмѣстѣ, опытѣ, окончившимся такой ужасной катастрофой, — вина была какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ. Многіе прокураторы были люди не честныя; другіе могли быть грубы, неподатливы, ихъ могла раздражать религія, которая не давала имъ покоя и будущаго которой они не понимали. Нужно было быть слишкомъ добродѣтельнымъ, чтобъ не возмущаться этимъ ограниченнымъ, узкимъ, надмѣннымъ элементомъ, врагомъ греческой и римской культуры, подозрительно относящимся ко всему роду человѣческому, что, — по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, — составляло сущность всякаго еврея. Къ тому-же, что долженъ былъ думать администраторъ, котораго его-же подчиненные постоянно обвиняли передъ императоромъ, интриговали противъ него, даже тогда, когда онъ былъ вполнѣ правъ? Въ этой ненависти, которая болѣе двухъ тысячъ лѣтъ существуетъ между еврейскимъ народомъ и остальнымъ человѣче-

ствомъ,—кто первый былъ виноватъ? Такой вопросъ неумѣстенъ. Въ такомъ дѣлѣ—все акція и реакція, причина и слѣдствіе. Вся эта обособленность, всѣ эти *цети*, всѣ эти исключительные костюмы несправедливы, но кто первый ихъ захотѣлъ? Тѣ, которые считали себя замаранными прикосновеніемъ язычниковъ, тѣ, которые искали для себя обособленности, отдѣльнаго общежитія. Фанатизмъ создалъ цѣпи, а цѣпи удвоили фанатизмъ. Ненависть родитъ ненависть — и есть одно лишь средство выйти изъ этого роковаго круга,—уничтожить причину ненависти, эти обидныя различія, явившіяся первоначально по желанію самихъ-же сектъ, но впоследствии сдѣлавшіяся для нихъ тягостью. По отношенію къ иудаизму современная Франція рѣшила задачу. Уничтожая законныя преграды, окружавшіе евреевъ, она отняла отъ иудаизма все, что было въ немъ узкаго и исключительнаго, т. е. собственную жизнь, его исключительныя привычки, такъ что теперь, еврейская семья, поселившись въ Парижѣ, втеченіи одного или двухъ поколѣній, перестаетъ вести еврейскую жизнь.

Было бы однако несправедливо упрекать римлянъ въ томъ, что они не такъ поступали. Между римской имперіей и ортодоксальнымъ иудаизмомъ существовало коренное противорѣчіе. Подстрекателями, спорщиками были, въ большинствѣ случаевъ, сами евреи. Идея общаго права, несомая римлянами, была ненавистна послѣдователямъ *Торы*. Ихъ нравственныя требованія были въ полномъ разладѣ съ чисто человѣческимъ обществомъ, не признававшимъ теократіи, какимъ было римское общество. Римъ основывалъ государство; еврейскій народъ основывалъ церковь. Римъ создавалъ свѣтское, раціональное правительство; евреи создавали царствіе

Божіе. Между этой узкой, но плодотворной теократіей и провозглашеніемъ самаго абсолютнаго свѣтскаго государства, когда либо существовавшаго, борьба была неизбѣжна. У евреевъ былъ свой законъ, основанный на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ римское право и въ сущности, не могущій примириться съ этимъ правомъ. Современное общество, хотя и неизмѣримо высшее, внушаетъ имъ одно лишь отвращеніе. Ихъ законъ, одновременно и гражданскій, и церковный, переполняетъ ихъ гордостью и дѣлаетъ ихъ неспособными подчиняться рациональному законодательству, основанному на простыхъ отношеніяхъ людей между собой. Прибавьте къ этому полное незнаніе, мѣшающее фанатическимъ сектамъ отдать себѣ отчетъ въ силахъ цивилизованнаго общества и ослѣпляющее ихъ по отношенію къ борьбѣ, которую они затѣваютъ съ такимъ легкомысліемъ.

Одно обстоятельство, въ особенности, поддерживало Іудею въ состояніи постоянной вражды противъ имперіи,— именно то, что евреи не несли воинской повинности. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ изъ туземцевъ составлялись легіоны, вслѣдствіе чего римляне, съ арміей численно очень слабой, подчиняли себѣ громадныя страны. Римскіе солдаты и жители странъ были соотечественниками. Не такъ было въ Іудеѣ. Легіоны, занимавшіе Палестину, набравшись въ Кесаріи и Себастіи,— въ городахъ, враждебныхъ іудаизму. Отсюда—полная невозможность какого-либо мирнаго, совмѣтнаго житья между народомъ и арміей. Римская армія въ Іерусалимѣ находилась какъ бы въ состояніи постоянной осады.

Неодинаково, впрочемъ, различныя еврейскія партіи относились къ римлянамъ. Если исключить карьеристовъ, въ родѣ Тиверія Александра, сдѣлавшихся индиф-

ферентными къ древнему культу и считавшихся въ средѣ евреевъ ренегатами,—то мы увидимъ, что всѣ от- носились враждебно къ чужеземнымъ угнетателямъ, но не всѣ желали открытаго бунта. Въ этомъ отношеніи, въ Іерусалимѣ можно было отличить четыре или пять партій:

1) Партія саддукеевъ, остатки дома Ирода и его при- сѣдѣльниковъ,—собраніе эпикурейцевъ и невѣрующихъ сибаритовъ, ненавидимыхъ народомъ за ихъ гордость, безбожіе и богатство; эта партія, по преимуществу кон- сервативная, находила римское господство благопріят- нымъ, сохраненію ея привилегій и, не любя римлянъ, сильно противилась всякой революціи.

2) Партія средняго сословія, фарисеевъ, партія чест- ная, состоявшая изъ людей степенныхъ, спокойныхъ, привязанныхъ къ своей религіи, исполнявшихъ всѣ ея предписанія, даже набожныхъ, не лишенныхъ вообра- женія, довольно свѣдущихъ, знающихъ иностранцевъ и видѣвшихъ ясно, что бунтъ можетъ дать одинъ лишь результатъ—уничтоженіе народа и храма. Іосифъ Фла- вій можетъ служить типомъ этой категоріи людей, кото- рыхъ судьба была судьбою всѣхъ вообще умѣренныхъ партій въ революціонныя эпохи,—безсиліе, непостоян- ство и несчастіе прослыть измѣнниками въ глазахъ боль- шинства.

3) Люди экзальтированные всякаго рода, зелоты, убійцы,—странная смѣсь нищенствующихъ фанатиковъ, доведенныхъ до послѣдней степени нищеты несправед- ливостью и притѣсненіями саддукеевъ; партія, члены которой считали себя единственнымъ наслѣдниками общаній Израиля, «нищаго», любимаго Богомъ, питав- шихся пророческими книгами, въ родѣ книгъ Эноха, въ

ровавшихъ, что царствіе Божіе близко, достигшихъ подѣлу конецъ такой степени фанатическаго возбужденія, каковаго исторія не запомнить.

4) Разбойники, люди порочные, опасные авантюристы, — плодъ полнѣйшей общественной дезорганизаціи всей страны; эти люди, вообще, не много заботились о религіозномъ вопросѣ, но они были причиной безпорядковъ и находились въ естественномъ союзѣ съ партіей экзальтированныхъ.

5) Благочестивые мечтатели, ессеньянцы, христіане, эбонимъ, спокойно ждавшіе царствія Божьяго, набожные, группировавшіеся вокругъ храма. Ученики Иисуса принадлежали къ ихъ числу, но въ то время ихъ было еще такъ мало, что Иосифъ не считаетъ ихъ даже въ числѣ элементовъ борьбы. Ясно, что въ минуту опасности, эти люди отступятся отъ борьбы.

Было очевидно, что судьба еврейскаго народа находилась въ рукахъ фанатиковъ. Демократическая и революціонная сторона іудаизма воплощалась въ нихъ самымъ полнымъ образомъ. вмѣстѣ съ Іудой Галонитомъ, они были убѣждены, что всякая власть есть зло, что государство есть дѣло Сатаны, и готовы были позволить себя изрубить прежде, чѣмъ дать кому-либо иному, кромѣ Бога, имя повелителя. Подражатели Маттаѳіи, перваго изъ зелотовъ, который увидѣвъ еврея, приносившаго жертву идоламъ, убилъ его, — они мстили за бога ударами кинжаловъ. Услыхавъ необрѣзаннаго, говорящаго о Богѣ и законѣ, они преслѣдовали его, и захвативъ, предлагали на выборъ, — или обрѣзаніе или смерть. Исполнители «тайнственныхъ приговоровъ», которые оставлялись на произволь неба и считая себя обязанными дѣлать дѣйствительнымъ это страшное наказаніе отлученія, которое

равнялось смерти, они образовали армию террористов. Можно было предвидѣть, что эти люди, неспособные отличить своихъ кровожадныхъ инстинктовъ отъ страстей, считаемыхъ ими священными, дойдутъ до послѣднихъ крайностей и не останутся ни передъ какимъ безуміемъ.

Умы находились точно подъ давленіемъ быстро смѣняющихся галлюцинацій, ужасающіе слухи распространялись повсюду. Только и было рѣчи, что о предзнаменованіяхъ. Кометы, шпаги на небѣ, армии въ облакахъ, невидимый свѣтъ, появлявшійся ночью въ храмѣ, жертвенныя животныя, рождавшія въ минуты жертвоприношенія неестественныхъ уродовъ, — вотъ о чемъ говорилось. Говорили, что, однажды громадныя бронзовыя двери храма сами собой отворились и что закрыть ихъ не было никакой возможности. На пасхѣ 65 года, въ три часа послѣ полуночи, храмъ былъ въ теченіи получаса такъ ярко освѣщенъ, какъ будто бы это было днемъ; думали, что онъ какъ бы внутренно сгараеть. Въ другой разъ священники слышали шумъ многихъ лицъ внутри святилища, точно готовившихся въ переселенію и говорившихъ: «уйдемъ отсюда! уйдемъ отсюда!» Обо всемъ этомъ вспомнили, конечно, впоследствии, но душевная тревога, овладѣвшая всѣми, была лучшимъ признакомъ того, что готовилось нѣчто необыкновенное.

Мессіаническія пророчества, въ особенности, возбуждали въ народѣ неудержимую потребность агитацій. Люди не легко мирятся съ безвѣстностью, когда считаютъ себя избранниками будущаго. Мессіаническія теоріи режумировались для толпы въ оракулѣ, будто бы извлеченномъ изъ писанія, изъ котораго слѣдовало, что «около этого времени въ Іудеѣ появится принцъ, который сдѣ-

лается повелителемъ вселенной». Совершенно бесполезно дѣйствовать логическими доводами противъ упорныхъ надеждъ; очевидность неимѣетъ никакой силы для борьбы съ химерой, въ которую народъ увѣровалъ со всею силою своего сердца.

Гессій Флоръ смѣнилъ Альбина въ качествѣ прокуратора Иудей въ концѣ 64 или въ началѣ 65 года. Это былъ, говорятъ, довольно скверный человѣкъ; этотъ постъ онъ получилъ благодаря своей женѣ Клеопатрѣ, находившейся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Пoppеей. Ненависть между нимъ и евреями вскорѣ достигла послѣдней крайности. Евреи были ему противны ихъ щепетильностью, привычками жаловаться изъ за всякой дразги, отсутствіемъ почтенія къ гражданскимъ и военнымъ властямъ; но несомнѣнно также и то, что онъ, въ свою очередь, любилъ дразнить ихъ и хвасталъ этимъ. Шестнадцатаго и семнадцатаго мая 66 года между римскими войсками и іерусалимцами произошло столкновение изъ за какихъ-то пустяковъ. Флоръ удалился въ Кесарію, оставивъ въ башнѣ Антонія одну лишь когорту. Это былъ очень предосудительный поступокъ. Вооруженная власть не должна оставлять на произволъ судьбы занимаемый ею городъ, въ которомъ вспыхнулъ народный бунтъ. Если бы Флоръ остался въ городѣ, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что іерусалимцы не овладѣли бы городомъ и всѣ несчастія, послѣдовавшія за тѣмъ, не возникли бы. Но Флоръ оставилъ городъ и судьбой было рѣшено, что римская армія вступить въ Іерусалимъ только черезъ груды развалинъ и лужи крови.

Тѣмъ не менѣе, отступленіе Флора вовсе не образовывало явнаго разрыва между городомъ и римской властью. Агриппа II и Береника находились въ эту минуту

въ Иерусалимѣ. Агриппа искренно старался усилить умы; всѣ умѣренные присоединились къ нему, прибѣгли даже къ популярности Береники, въ которой фантазія народа видѣла какъ бы живое повтореніе ея прабабки, Маріаммы Асмонеической. Въ то время какъ Агриппа увѣщевалъ народъ въ ксисѣ, Береника появилась на террасѣ Асмонейскаго дворца, возвышавшейся надъ ксисомъ. Все было бесполезно. Благоразумные люди доказывали, что война приведетъ неизбѣжно къ гибели народа, имъ отвѣчали, что они ни во что не вѣрятъ. Агриппа, обезоруженный или устрешенный, оставилъ городъ и поселился въ своихъ батанейскихъ владѣніяхъ. Въ тоже время толпа фанатиковъ овладѣла обманомъ Мазадской крѣпостью, находившейся на берегу Мертваго моря, въ двухъ дняхъ разстоянія отъ Иерусалима и почти неприступной.

Это былъ поступокъ явно враждебный. Въ Иерусалимѣ усиливалась все больше и больше вражда между партіей мира и партіей войны. Первая изъ этихъ партій состояла изъ людей богатыхъ, для которыхъ всякій переворотъ равнялся полному раззоренію; во второй партіи, кромѣ искреннихъ фанатиковъ, большинство состояло изъ массы пролетаріевъ, для которыхъ народный кризисъ, устранявшій обычныя условія жизни, былъ выгоденъ. Умѣренные опирались на маленькій римскій гарнизонъ, находившійся въ башнѣ Антоніи. Первосвященникъ былъ человекъ средняго сословія, Маттіасъ, сынъ Теофила. Со времени низложенія Анны младшаго, казнившаго св. Якова, было принято не выбирать первосвященниковъ изъ могущественныхъ домовъ. Но истиннымъ главой духовной партіи былъ прежній первосвященникъ Ананія, человекъ богатый, энергичный, мало популярный, вслѣдствіе

своей безжалостной настойчивости, съ которой онъ обрегаль свои права, въ особенности ненавидимый за нахальство и жадность своихъ прислужниковъ. Благодаря странности, столь часто встрѣчающейся въ эпохи революцій, предводителемъ партіи дѣйствія былъ Элеазаръ, сынъ того-же самаго Анавія. Онъ занималъ важный постъ военачальника храма. Его религіозный фанатизмъ былъ, какъ кажется, искреннимъ. Доводя до крайности принципъ, по которому жертвоприношенія должны были совершаться евреями и для евреевъ, онъ приказалъ уничтожить молитвы за императора и благоденствіе Рима. Вся молодежь была сильно возбуждена; фанатизмъ молодыхъ людей есть отличительная черта семитическихъ религій. Члены первыхъ священническихъ домовъ, Фарисеи, люди благоразумные видѣли ясно опасность. Они призвали на помощь авторитетныхъ ученыхъ, совѣщанія раввиновъ, мемуары каноническаго права, но безуспѣшно, такъ какъ было очевидно, что низшее духовенство уже соединилось съ фанатиками и Элеазаромъ.

Высшее духовенство и аристократія, видя невозможность вліять на народную массу, умоляли Флора и Агриппу явиться и подавить бунтъ, предупреждая ихъ, что надо пользоваться временемъ. Флоръ, по увѣреніямъ Іосифа, желалъ истребительной войны, которая бы стерла съ лица земли всѣхъ евреевъ; онъ ничего имъ не отвѣчалъ. Агриппа снабдилъ партію порядка — отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ тысячъ арабскихъ всадниковъ. Партія порядка съ этими всадниками занимала высшій городъ (нынѣшніе армянскій и еврейскій кварталы). Партія дѣйствія занимала низшій городъ (нынѣшній мусульманскій кварталъ, могориба) и харамъ. Меж-

ду этими кварталами и возникла настоящая война, 14 августа, революционеры, предводительствуемые Элеазаромъ и Менахемомъ, — сыномъ того Иуды Галонита, который шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ взбунтовалъ евреевъ, утверждая что истинный вѣрующій никому не долженъ повиноваться, — овладѣли высшимъ городомъ, сожгли домъ Ананія, дворецъ Агриппы и Береники. Всадники Агриппы, Ананія, его братъ и всѣ болѣе значительные горожане нашли убѣжище въ самой высокой части Асмонейскаго дворца.

На слѣдующій день послѣ этого успѣха, бунтовщики атаковали Антонинскую башню; они взяли ее въ два дня и подожгли. Затѣмъ, они атаковали высшій дворецъ и взяли его 6 сентября. Всадникамъ Агриппы позволено было выйти изъ дворца. Что же касается римлянъ, то они заперлись въ трехъ башняхъ: Гиппика, Фасаэла и Маріаммы. Ананія и его братъ были умерщвлены. Вслѣдствіе обычнаго теченія вещей, вскорѣ возникли раздоры между предводителями торжествующей партіи. Менахемъ возбудилъ противъ себя недовольство своею гордостью демократа. Элеазаръ, сынъ Ананія, взбѣшенный, вѣроятно, смертью своего отца, выгналъ и убилъ Менахема; остатки партіи Менахема спаслись въ Масаду, которая до конца войны оставалась убѣжищемъ самыхъ экзальтированныхъ фанатиковъ.

Римляне долгое время держались въ башняхъ. Доведенные до крайности, они готовы были сдаться, лишь бы имъ была дарована жизнь. Имъ обѣщали это, но какъ только они положили оружіе, Элеазаръ приказалъ всѣхъ ихъ умертвить, за исключеніемъ Метилія, примпиралія когорты, который согласился подвергнуться обрѣзанію. Такимъ образомъ, Іерусалимъ былъ потерянъ

для римлянъ въ концѣ сентября 66 года, спустя столѣтіе съ чѣмъ-то послѣ его взятія Помпеемъ. Римскій гарнизонъ замка Махеро, боясь что ему будетъ отрѣзанъ путь къ отступленію, сдался. Замокъ Кипросъ, господствовавшій надъ Іерихономъ, точно также попалъ въ руки бунтовщиковъ. Вѣроятно и Геродиумъ былъ занятъ бунтовщиками въ то же время. Слабость, обнаруженная во всѣхъ этихъ событіяхъ римлянами, заключаетъ въ себѣ нѣчто очень странное и дѣлаетъ вѣроятнымъ мнѣніе Іосифа, по которому планъ Флора заключался въ томъ, чтобы довести дѣло до крайности.

Въ теченіи пяти мѣсяцевъ, возстаніе чрезвычайно укрѣпилось. Оно не только овладѣло Іерусалимомъ, но черезъ іудейскую пустыню находилось въ сообщеніи съ райономъ Мертваго моря, котораго крѣпости находились въ его рукахъ; это сближало его съ Арабами, врагами Рима. Іудея, Идумея, Переея, Галилея, дѣйствовали сообща съ бунтовщиками. Въ это время, въ Римѣ, самый ужасный изъ тирановъ отдавалъ важнѣйшія должности людямъ низкимъ и неспособнымъ. Еслибъ евреи могли сгруппировать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ на востокѣ, то римскому владычеству въ этихъ странахъ положенъ былъ бы конецъ. Къ несчастью для евреевъ дѣло приняло другой оборотъ. Ихъ бунтъ удвоилъ въ Сиріи вѣрность къ имперіи. Ненависть, которую евреи внушали въ себѣ ихъ сосѣдямъ, оказалась достаточной, чтобы, въ теченіи ослабленія римской власти, возбудить противъ нихъ враговъ, не менѣе опасныхъ, чѣмъ легіоны.

И дѣйствительно, нѣчто въ родѣ общаго пароля, казалось, пробѣжало тогда по всему востоку, вызывая рѣзню евреевъ. Непримиримость еврейской жизни съ

жизнью греко-римской обозначалась все больше и больше. Одна раса хотѣла уничтожить другую; между ними, казалось, не было ничего общаго. Для того, чтобы понять причину этой борьбы, необходимо знать до какой степени іудаизмъ проникъ во всю восточную часть римской имперіи. «Они наводнили собою все города, — говоритъ Страбонъ, — и не легко указать на такое мѣсто на землѣ, гдѣ бы не было этого племени, или вѣрнѣе, котораго бы они не заняли. Египеть, Киренаика и множество другихъ странъ усвоили ихъ нравы, соблюдая ихъ правила и извлекая большую пользу изъ ихъ національныхъ законовъ. Въ Египтѣ они имѣютъ законное право жить и для этого имъ предоставлена бѣльшая часть города Александріи; тамъ у нихъ есть свой этнархъ, который управляетъ ихъ дѣлами, вершаетъ судъ, заботится о выполненіи обязательствъ и завѣщаній, точъ въ точъ какъ президентъ независимаго государства». Эта близость двухъ стихій, столь же противоположныхъ, какъ вода и огонь, должна была рано или поздно привести къ самому страшному взрыву.

Нѣтъ возможности заподозрить римское правительство въ томъ, чтобы оно старалось вызвать взрывъ; подобная-же рѣзня была и у пареіянъ, которыхъ положеніе и интересы были совершенно другіе, чѣмъ на западѣ. Дѣйствительная слава Рима состоитъ въ томъ, что онъ основалъ свое господство на мирѣ, на подавленіи мѣстныхъ междоусобицъ и что онъ никогда не прибѣгалъ къ отвратительному средству, сдѣлавшемуся принадлежностью турецкой имперіи и состоящему въ томъ, чтобы постоянно подстрекать одну народность противъ другой, тамъ, гдѣ эти народности живутъ вмѣстѣ. Что-же касается рѣзни изъ-за религіозныхъ мотивовъ, то ни-

когда подобная идея и не приходила въ голову римлянъ; чуждый теологіи, римлянинъ не понималъ секты, и не могъ допустить, чтобы можно было ссориться изъ-за такой малости, какъ положеніе умозрительное. Къ тому же антипатія къ евреямъ въ античномъ мірѣ была чувствомъ такимъ всеобщимъ, что подстрекать къ этому не было ни какой нужды. Эта антипатія указываетъ на разнь, которая, можетъ быть, никогда не будетъ уничтожена родомъ человѣческимъ. Она гнѣздится въ элементѣ болѣе важномъ, чѣмъ раса; это есть антагонизмъ двухъ различныхъ функцій въ человѣчествѣ, антагонизмъ мирнаго человѣка, довольствующагося своими внутренними радостями и воинствующаго, лавочника и крестьянина, а также дворянина. Не безъ причины этотъ бѣдный Израиль провелъ всю свою жизнь въ погромахъ. Если всѣ народы, во всѣ времена, преслѣдуютъ его, то должна же быть этому какая-либо причина. Евреи проникаютъ всюду, требуя себѣ общаго права, но въ дѣйствительности евреи никогда не находились въ общемъ правѣ, они сохраняли свой исключительный законъ; они хотятъ имѣть гарантіи всѣхъ и кромѣ того, хотятъ исключенія, — гарантіи своихъ личныхъ правъ. Они требовали преимуществъ націи, не будучи сами націей, не участвуя въ обязанностяхъ націи. Этого не могъ допустить никогда ни одинъ народъ. Націи суть учрежденія военныя, основываемыя и поддерживаемыя мечемъ; они—дѣло крестьянъ и солдатъ; евреи же никогда ни въ чемъ не участвовали въ ихъ созданіи. Въ томъ-то главнымъ образомъ и заключается существенное недоразумѣніе еврейскихъ требованій. Чужеземецъ, котораго терпятъ, можетъ быть полезенъ странѣ, но при непремѣнномъ условіи, что страна не будетъ имъ наводнена. Несправедливо требовать правъ члена семьи въ домѣ

при постройкѣ котораго не участвовалъ, на подобіе тѣхъ птицъ, которые поселяются въ чужомъ гнѣздѣ.

Еврей внесъ въ міръ такъ много хорошаго и дурного, что люди къ нему никогда не будутъ вполне справедливы. Мы слишкомъ ему обязаны и въ тоже время, слишкомъ хорошо видимъ его недостатки, чтобы онъ не раздражалъ насъ. Этотъ вѣчный Іеремія, этотъ «человѣкъ страданій», вѣчно жалующійся, подставляющій спину подъ удары съ терпѣніемъ, возмущающимъ насъ; это созданіе, чуждое всѣмъ нашимъ инстинктамъ чести, гордости, славы, деликатности, искусства; этотъ человѣкъ столь мало воинственный, столь мало рыцарскій, который не любитъ ни Греціи, ни Рима, ни Германіи, и которому, однако, мы обязаны нашей религіей до такой степени, что еврей имѣетъ право сказать христіанину: «ты — еврей второстепенной доброты»; это существо которое было поставлено какъ цѣль противорѣчій и антипатіи, — антипатіи благотворной, бывшей однимъ изъ условій человѣческаго прогресса! Въ первомъ вѣкѣ нашей эры міръ какъ будто признавалъ, хотя и не ясно, то, что происходило. Онъ видѣлъ своего господина въ этомъ существѣ неуклюжемъ, щепетильномъ, робкомъ, безъ внѣшнихъ признаковъ благородства, но честномъ, нравственномъ, прилежномъ, добросовѣстномъ, обладавшемъ скромными добродѣтелями, не военными, но хорошимъ купцемъ, въ этомъ работникѣ улыбающемся и скромномъ. Эта еврейская семья, живущая надеждой, эта синагога, въ которой общая жизнь имѣла столько привлекательныхъ сторонъ, — все это вызывало зависть. Столько униженія, такое терпѣливое примиреніе съ преслѣдованіями, такое нежеланіе принадлежать къ большому свѣту, потому что имѣешь вознагражденіе въ славѣ и церкви, та-

кое покойное довольство, которое отличаетъ въ наши дни райя и какъ-бы заставляющее его находить счастье въ его скромномъ положеніи, въ этомъ мірѣ, гдѣ онъ тѣмъ болѣе счастливъ, что внѣ семьи онъ встрѣчаетъ лишь преслѣдованія и несправедливость, — все это внушало аристократической древности припадки злобы, которые зачастую кончались страшнымъ насиліемъ.

Бурия стала подыматься въ Кесаріи почти въ тоже самое время, какъ революція восторжествовала въ Іерусалимѣ. Кесарія—былъ пунктъ, гдѣ положеніе евреевъ и неевреевъ (эти послѣдніе были извѣстны подъ общимъ названіемъ Сирійцевъ), представляло больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было трудностей. Евреи составляли въ смѣшанныхъ городахъ Сиріи богатую часть населенія; но это богатство, какъ мы уже сказали, частью было основано на несправедливости, на томъ, что евреи не несли воинской повинности. Греки и сирійцы, изъ которыхъ составлялись легіоны, были оскорблены, что преимущество имѣли люди, освобожденные отъ государственныхъ обязанностей и сдѣлавшіе себѣ привилегію изъ вѣротерпимости, которая имъ была оказываема. Между ними происходили постоянныя драки; римскимъ властямъ постоянно приходилось разбирать жалобы. Восточные люди любятъ брать религію предлогомъ придиорокъ; самые не религіозные люди становятся фанатиками, какъ только дѣло идетъ о томъ, чтобы напакостить сосѣду; въ наше время, турецкимъ властямъ сплошь и рядомъ приходится разбирать подобнаго рода дѣла. Почти съ 60 года война не переставала между двумя половинами населенія Кесаріи. Неронъ рѣшилъ споръ противъ евреевъ, — отъ этого ненависть еще болѣе усилилась. Самыя ничтожныя дразги или, можетъ быть, оплошности со стороны сирійцевъ

становились преступленіемъ въ глазахъ евреевъ. Молодежь ругалась, дралась; люди степенные обращались съ жалобами къ римскимъ властямъ, которыя, обыкновенно, присуждали къ бастонадѣ обѣ стороны. Гессіи Флоръ былъ гуманнѣе: онъ начиналъ съ того, что бралъ взятки съ обѣихъ сторонъ, потомъ прогонялъ всѣхъ. Нѣсколько убитыхъ птицъ, найденныхъ у входа въ одну синагогу, птицъ, которыя, по мнѣнію евреевъ, были остатками языческаго жертвоприношенія, были важнымъ дѣломъ въ Кесаріи, когда Флоръ вступилъ въ этотъ городъ, взбѣшенный оскорбленіями, сдѣланными ему іерусалимцами.

Волненіе было очень сильно, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пришло извѣстіе, что іерусалимцы совершенно прогнали римляемъ изъ Іерусалима. Война была объявлена между еврейскимъ народомъ и римлянами; изъ этого сирійцы заключили, что они безнаказанно могутъ вырѣзать евреевъ. Въ какой нибудь часъ было убито до двадцати тысячъ; въ Кесаріи не осталось ни одного еврея, тѣмъ болѣе, что Флоръ приказалъ захватить и отправить на галеры всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые избѣгли смерти бѣгствомъ. Это преступленіе вызвало репресалии. Евреи образовали шайки и въ свою очередь начали рѣзать сирійцевъ въ городахъ: Филадельфіи, Гезебонѣ, Герасѣ, Пеллѣ, Скинополисѣ; они разграбили Декаполию и Галонитиду, подожгли Себастію и Аскалонъ, превратили въ развалины Анѣдонъ и Газу. Они жгли деревни и убивали всѣхъ, кто не былъ евреемъ. Сирійцы въ свою очередь убивали всѣхъ встрѣчавшихся имъ евреевъ. Южная Сирія превратилась въ поле, усѣянное трупами; каждый городъ раздѣлился на двѣ арміи, сражавшіяся на жизнь и на смерть; ночи проходили въ ужасѣ. Случались страш-

ные эпизоды. Въ Скиеополисѣ евреи дрались за одно съ язычниками противъ своихъ единовѣрцевъ, ворвавшихся въ городъ, что, впрочемъ, не помѣшало тому, что они за тѣмъ были умерщвлены скиеополитанцами.

Бойни евреевъ приняли въ особенности большіе размѣры въ Аскалонѣ, Акрѣ, Торѣ, Гиппосѣ, Гадарѣ. Тѣхъ, кого не убивали, сажали въ тюрьму. Бѣшенныя сцены, происходившія въ Іерусалимѣ, заставляли видѣть во всякомъ еврей нѣчто въ родѣ опаснаго сумасшедшаго, котораго бѣшенство необходимо было предупредить.

Эпидемія рѣзни распространилась до Египта. Тамъ ненависть евреевъ и грековъ достигла своего крайняго развитія. Александрія на половину была еврейскимъ городомъ, тамъ евреи составляли автономную республику. Какъ разъ въ то время въ Египтѣ былъ съ нѣкоторыхъ поръ префектомъ еврей, Тиверій-Александръ, но еврей — ренегатъ, совсѣмъ не расположенный потакать фанатизму своихъ единовѣрцевъ. Бунтъ вспыхнулъ по поводу одной ссоры въ амфитеатрѣ. Первыя враждебныя дѣйствія шли, насколько можно судить, со стороны грековъ. Евреи отвѣтили самымъ жестокимъ образомъ. Вооружившись факелами, они грозили сжечь въ амфитеатрѣ всѣхъ грековъ. Тиверій-Александръ пробовалъ, но безуспѣшно, успокоить волненіе. Пришлось прибѣгнуть къ помощи легионовъ; евреи сопротивлялись; рѣзня была страшная. Еврейскій кварталъ, называвшійся Дельта, былъ буквально покрытъ трупами; погибшихъ насчитывали болѣе пятидесяти тысячъ.

Эти ужасы продолжались почти цѣлый мѣсяць. На сѣверѣ они остановились у Тира, такъ какъ выше, евреи были малочисленны, чтобы возбуждать ненависть туземцевъ. И дѣйствительно, причины скорѣе были социальныя,

чѣмъ религіозныя. Въ каждомъ городѣ, гдѣ іудаизмъ достигалъ господства, жизнь язычниковъ становилась невозможной. Понятно, что успѣхъ еврейской революціи въ теченіе лѣта 66 года, привелъ въ ужасъ всѣ смѣшанные города, находившіеся по сосѣдству Палестины и Галилеи. Мы уже указывали на то, что еврейскій народъ заключаетъ въ себѣ всѣ крайности и, если можно такъ выразиться, борьбу добра со зломъ. И, въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ сравниться съ еврейской злобой и, однакожъ, іудаизмъ въ состояніи былъ извлечь изъ своего лона идеаль доброты, самопожертвованія, любви. Лучшіе изъ людей были евреи; самые дурные люди были также евреи. Странная раса, какъ-бы намѣченная перстомъ Божьимъ, съумѣвшая создать совмѣстно и какъ-бы двѣ вѣтви изъ одного и того-же ствола,—рождающуюся Церковь и дикій фанатизмъ іерусалимскихъ революціонеровъ, Иисуса и Іоанна Гишальскаго, апостоловъ и zelотовъ, Евангеліе и Талмудъ! Можно-ли послѣ этого удивляться, что это таинственное броженіе сопровождалось жестокостями, бредомъ, горячкой, какихъ челоуѣчество не запомнить?

Римская власть, однако, приготовлялась войти силой въ городъ, такъ неблагоразумно ею оставленный. Императорскій легатъ въ Сиріи, Цестій Галлъ, шелъ изъ Антиохіи на югъ, съ значительной арміей. Агриппа присоединился къ нему въ качествѣ проводника; города доставляли ему добавочные отряды, которыхъ ненависть къ евреямъ восполняла недостатокъ въ военной опытности. Цестій, безъ особенныхъ затрудненій, усмирилъ Галилею и берегъ; 24 октября онъ вошелъ въ Габаонъ, находившійся въ десяти верстахъ отъ Іерусалима.

Съ удивительной смѣлостью революціонеры вышли къ нему на встрѣчу и разбили его; такой фактъ былъ бы не

понятенъ, если бы мы представляли себѣ іерусалимскую армію чѣмъ-то въ родѣ шайки фанатиковъ и разбойниковъ; въ ней были элементы болѣе устойчивые и дѣйствительно военные: два представителя царской семьи Адіабеновъ, Монобазъ и Кенедій; Сила Вавилонскій, намѣстникъ Агриппы II, перешедшій на сторону народной партіи; Нигеръ Перейскій, опытный воинъ; Симонъ, сынъ Гіораса, тогда начинавшій свою военную карьеру. Агриппа предполагалъ, что настало время переговоровъ. Двое изъ его эмиссаровъ обѣщали іерусалимцамъ полное прощеніе, если они сдадутся. Большая часть населенія желала принятія этихъ предложеній, но фанатики умертвили парламентаровъ. Нѣкоторые лица, высказавшія негодованіе противъ такого поступка, жестоко поплатились. Эти раздоры дали нѣкоторое преимущество Цестію. Онъ оставилъ Габаонъ и расположился лагеремъ въ мѣстѣ называемомъ Сафа или Скопъ, въ важномъ пунктѣ, отстоящемъ отъ Іерусалима на одинъ часъ къ сѣверу, откуда былъ видѣнъ городъ и храмъ. Тамъ онъ оставался три дня, ожидая результатовъ переговоровъ. На четвертый день (30-го октября), онъ выстроилъ свою армію и двинулся впередъ. Партія сопротивленія очистила весь новый городъ и сосредоточилась во внутреннемъ городѣ (верхнемъ и нижнемъ) и въ храмѣ. Цестій безъ затрудненій вошелъ, занялъ новый городъ, подошелъ къ высшему городу и расположилъ свое войско передъ Асмонеискимъ дворцомъ.

Іосифъ увѣряетъ, что если бы Цестій Галлъ захотѣлъ сейчасъ-же сдѣлать приступъ, война была бы кончена. Еврейскій историкъ объясняетъ бездѣятельность римскаго военачальника интригамъ, главной пружиной которыхъ были деньги Флора. По его увѣреніямъ, члены аристо-

кратической партіи появлялись на стѣнахъ, призывая Цестія и предлагая ему отворить ворота. Легать, вѣроятно, боялся какой-нибудь измѣны. Въ теченіи пяти дней онъ безуспѣшно старался овладѣть стѣной. На шестой день (5 ноября), онъ наконецъ атаковалъ окружность храма. Борьба была упорная у портиковъ. Упадокъ духа обнаружился у возставшихъ; партія мира приготовлялась встрѣтить Цестія, какъ вдругъ этотъ послѣдній приказалъ отступать. Если рассказъ Іосифа вѣренъ фактамъ, поведеніе Цестія необъяснимо. Можетъ быть, Іосифъ преувеличиваетъ первоначальный перевѣсъ Цестія надъ евреями и уменьшаетъ дѣйствительную силу революціонеровъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Цестій возвратился въ лагерь и на другой день отступилъ въ Габаонъ, преслѣдуемый евреями. Спустя два дня (8 ноября), онъ отступилъ, по прежнему преслѣдуемый евреями до Беорона, бросилъ весь свой багажъ и спасся безъ труда въ Антипатрисъ.

Неспособность, обнаруженная въ этой компаніи Цестіемъ — удивительна. Цестій, впрочемъ, не пережилъ своего пораженія; его смерть многіе объясняютъ огорченіемъ. Что стало съ Флоромъ — неизвѣстно.

Въ то время какъ римская имперія переживала такой сильный кризисъ на востокъ, Неронъ, переходя отъ преступленія къ преступленію, отъ безумія къ безумію, весь отдавался своему актерскому тщеславію. Вмѣстѣ съ Петроніемъ, при его дворѣ исчезло все, что называется вкусомъ, тактомъ, деликатностью. Колоссальное самолюбіе возбудило въ немъ чрезвычайную жажду конфисковать въ свою пользу славу всего міра; его зависть къ тѣмъ, кто обращалъ на себя вниманіе, была ужасна;

успѣхъ въ чемъ-либо становился государственнымъ престоупленіемъ; утверждаютъ, что онъ хотѣлъ остановить продажу сочиненій Лукана. Онъ мечталъ о невѣроятной славѣ; его голова работала надъ грандіозными проектами— прорытіе коринѣскаго перешейка, канала изъ Байи до Остіи, открытіе источниковъ Нила. Давно уже его любимѣйшей мечтой было путешествіе въ Грецію не съ тѣмъ, чтобы видѣть великія произведенія несравненнаго искусства, но ради уродливаго честолюбія участвовать въ соискательствѣ премій, основанныхъ различными городами. Эти преміи были, буквально, неисчислимы: учрежденіе подобныхъ игръ, было одной изъ формъ греческой свободы: каждый гражданинъ, хоть сколько нибудь достаточный находилъ тутъ, какъ это мы видимъ въ нашихъ академіяхъ, вѣрное средство увѣковѣчить свое имя. Благородныя упражненія, такъ могущественно содѣйствовавшія силѣ и красотѣ древней расы и сдѣлавшіяся школой греческаго искусства, превратились, подобно средневѣковымъ турнирамъ, въ добычу ремесленниковъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ этой выставки прибыльную спеціальность. Эти преміи, носившіяся въ видѣ украшеній, рѣшительно не давали покоя тщеславному цезарю, и въ своихъ мечтахъ онъ видѣлъ себя торжественно вступающимъ въ Римъ съ чрезвычайно рѣдкимъ титуломъ *regio-donice* или побѣдителя въ полномъ циклѣ торжественныхъ игръ.

Его манія пѣвца превратилась въ настоящее помѣшательство. Одной изъ причинъ смерти Тразеа было то, что этотъ послѣдній недостаточно восхищался «божественнымъ голосомъ» императора. Передъ парѣянскимъ царемъ, своимъ гостемъ, онъ не хотѣлъ похвастать ни чѣмъ другимъ, кромѣ своего таланта въ бѣгѣ колесницъ. Ста-

вились лирическія драмы, въ которыхъ онъ исполнялъ главную роль, въ которыхъ боги, богини, герои, героини были замаскированы и задрапированы по его подобію и по подобію женщины, любимой имъ. Такимъ образомъ онъ игралъ Эдипа, Оіеста, Геркулеса, Альмена, Ореста; на сценѣ онъ являлся закованнымъ въ цѣпи (золотыя), водимымъ, какъ будто бы онъ былъ слѣпой, подражая помѣшанному, исполнялъ роль женщины, которая родить ребенка. Однимъ изъ его проэктовъ было желаніе появиться на сценѣ голымъ Геркулесомъ, раздирающимъ льва своими руками или убивающимъ его палицей; говорятъ, что левъ былъ уже выбранъ и дрессированъ, но императоръ скончался. Оставить мѣсто въ то время, какъ императоръ пѣлъ, было такимъ страшнымъ преступленіемъ, что принимались тайкомъ самыя нелѣпыя предосторожности. На конкурсахъ онъ подсмѣивался надъ своими соперниками, старался сконфузить ихъ, до такой степени, что эти несчастные нарочно пѣли фальшиво, лишь бы избѣжать опасности сравненія съ нимъ. Судьи поддерживали его, хвалили его скромность. Если при этомъ позорномъ зрѣлищѣ, у кого либо выступала краска на лицѣ, онъ говорилъ, что присутствуютъ лица, которыхъ безпристрастію онъ не вѣритъ. При всемъ томъ, онъ подчинялся всѣмъ правиламъ, какъ школьники, дрожалъ передъ агонистами и маститофорами и платилъ за то, чтобы его не сѣкли, когда онъ ошибался. Когда ему случилось сдѣлать какое-либо безобразіе, за которое его слѣдовало исключить, онъ блѣднѣлъ, — приходилось увѣрить его, что это безобразіе не было замѣчено среди восторга и аплодисментовъ народа. Опрокидывались статуи прежде увѣнчанныхъ актеровъ, лишь бы не возбуждать въ немъ бѣшеннои зависти. На бѣгахъ, ему давали возможность

всегда достигать цѣли первому даже тогда, когда онъ сваливался съ своей колесницы; по временамъ, однако, онъ нарочно заставлялъ себя бить, чтобы думали, что онъ искрененъ. Въ Италіи, его оскорбляло то, что своими успѣхами онъ былъ обязанъ шайкѣ клакеровъ, искусно организованной и дорого оплачиваемой, шайкѣ всюду за нимъ слѣдовавшей. Римляне сдѣлались ему невыносимы; онъ называлъ ихъ мужиками и говорилъ, что уважающій себя артистъ можетъ имѣть въ виду одну лишь Грецію.

Столь желаемый отъѣздъ совершился въ ноябрѣ 66-го года. Уже нѣсколько дней Неронъ находился въ Ахайѣ, когда извѣстіе о поражении Цестія достигло до него. Онъ понялъ, что эта война требуетъ опытнаго и талантливаго военачальника, но главнымъ образомъ онъ хотѣлъ отыскать такого, кого бы онъ не боялся. Всѣ эти условія, казалось соединились въ лицѣ Тита Флавія Веспасіана, серьезнаго воина, старика лѣтъ шестидесяти, который всегда былъ счастливъ на войнѣ и котораго темное происхожденіе не внушало большихъ опасеній. Въ ту минуту Веспасіанъ былъ у Нерона не въ милости, потому что не слишкомъ восторгался его голосомъ; когда ему объявили, что ему дано начальство палестинской экспедиціи, онъ подумалъ, что приговоренъ къ смерти. Его сынъ Титъ вскорѣ присоединился къ нему. Въ то же время, Муцій заступилъ Цестія въ должности сирійскаго легата. Такимъ образомъ, три человѣка, которые спустя два года, будутъ распоряжаться судьбами имперіи, соединились вмѣстѣ на востокѣ.

Рѣшительная побѣда, одержанная революціонерами надъ римской арміей, находившейся подъ начальствомъ императорскаго легата, въ высшей степени возбудила ихъ дерзость. Наиболѣе проникательные и свѣдущіе люди

были печальны; они вполне были убѣждены, что въ концѣ концовъ успѣхъ неизбѣжно перейдетъ на сторону римлянъ; раззореніе храма и уничтоженіе націи казались имъ неизбѣжными; началась эмиграція. Всѣ приверженцы дома Ирода, всѣ, служившіе у Агриппы, сгруппировались вокругъ римлянъ. Съ другой стороны, большое число фарисеевъ, исключительно озабоченныхъ соблюденіемъ закона и мирной будущностью для Израиля, были того мнѣнія, что слѣдуетъ подчиниться римлянамъ, какъ раньше евреи подчинились персидскимъ царямъ и Птоломеямъ. Они мало заботились о національной независимости. Раби Иогананъ бенъ Закаи, самый извѣстный фарисей того времени, совершенно не участвовалъ въ политикѣ. Много ученыхъ, вѣроятно, поселились съ тѣхъ поръ въ Ямніи и основали тамъ талмудическія школы, вскорѣ сдѣлавшіяся весьма извѣстными.

Война, однако, возобновилась и распространилась даже на тѣ части Сиріи, которыя до тѣхъ поръ избѣжали пролитія крови. Въ Дамаскѣ всѣ евреи были перерѣзаны. Большинство же дамасскихъ женщинъ исповѣдывали еврейскую вѣру и, безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ числѣ были христіанки; были приняты предосторожности, чтобы рѣзня совершилась внезапно.

Партія сопротивленія обнаружила чрезвычайную дѣятельность. Даже умѣренные были увлечены. Въ храмѣ былъ собранъ совѣтъ съ тѣмъ, чтобы образовать народное правительство, состоящее изъ лучшихъ людей націи. Въ то время группа умерѣнныхъ еще дѣйствовала. Потому ли, что они надѣялись еще взять въ свои руки движеніе, потому ли что они еще питали тайную надежду восторжествовать,—они приняли участіе въ дѣлахъ. Самыя извѣстныя личности, многіе члены садукейскихъ до-

мовъ, первые изъ фарисеевъ, т. е. крупная буржуазія, имѣя во главѣ честнаго Симеона бенъ Гамаліеля, пристали къ революціи. Дѣйствовали конституціонно, — верховная власть Санхедрина была признана. Городъ и храмъ остались въ рукахъ прежде установленныхъ властей, — Анны (сынъ того Анны, который приговорилъ къ смерти Иисуса), старѣйшаго изъ первосвященниковъ, Иисуса бенъ Гамала, Симеона бенъ Гамаліеля, Иосифа бенъ Горіона. Иосифъ бенъ Горіонъ и Анна были сдѣланы комиссарами въ Иерусалимѣ. Элеазаръ, сынъ Симеона, демагогъ безъ всякихъ убѣжденій, котораго честолюбіе стало весьма опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ овладѣлъ значительными сокровищами, былъ устраненъ. Въ то же время были избраны комиссары для провинцій; всѣ они принадлежали къ партіи умѣренныхъ, за исключеніемъ Элеазара, сына Ананіи, котораго послали въ Идумею. Иосифъ, который въ послѣдствіи достигъ большой извѣстности какъ историкъ, былъ сдѣланъ префектомъ Галилеи. Тутъ было много серьезныхъ людей, которые приняли должности съ тѣмъ, чтобы поддержать порядокъ и съ надеждой управлять анархическими элементами, угрожавшими все уничтожить.

Дѣятельность въ Иерусалимѣ все болѣе и болѣе усиливалась. Городъ походилъ на лагерь, на фабрику оружія: вездѣ раздавались крики молодыхъ людей, упражнявшихся въ военномъ дѣлѣ. Евреи отдаленныхъ частей востока, въ особенности парѣянскаго царства, спѣшили въ Иерусалимъ, убѣжденные, что римская имперія гибнетъ. Чувствовалось, что Нерону не долго остается жить и всѣ думали, что съ его смертью исчезнетъ и имперія. Этотъ послѣдній представитель титула цезаря, погрязшій въ позорѣ и презрѣніи, казался очевиднымъ

признакомъ паденія государства. Становясь на эту точку зрѣнія, возстаніе должно было казаться гораздо менѣе безсмысленнымъ, чѣмъ оно кажется тому, который знаетъ, что у имперіи осталось еще сидѣть на нѣсколько будущихъ возрожденій. Можно было вѣрить, что дѣло Августа дѣйствительно расклеивалось; съ минуты на минуту, казалось, что паряне набросятся на римскія владѣнія и это, конечно случилось бы еслибы, вслѣдствіе различнычъ причинъ, парянская политика не была такъ слаба. Однимъ изъ самыхъ удачныхъ образовъ книги Эпоха является образъ, когда пророкъ видитъ мечъ, данный овецкамъ, и такимъ образомъ овечки преслѣдуютъ дикихъ зверей. Въ дѣйствительности, таково было настроеніе евреевъ. Недостатокъ ихъ военнаго образованія не позволялъ имъ понять, какъ были обманчивы успѣхи, одержанные надъ Флоромъ и Цестіемъ. Они чеканили монеты, въ подражаніе монетамъ Маккавеевъ, съ изображеніемъ храма или какой-либо еврейской эмблемы, съ надписями архаическими еврейскими письменами. Обозначенные годомъ «освобожденія» или «свободы Сіона», эти монеты вначалѣ были анонимны, или чеканились во имя Іерусалима; позднѣе, онѣ носили имена представителей партій, стоявшихъ во главѣ власти. Можетъ быть даже съ первыхъ мѣсяцевъ революціи, Элезаръ, сынъ Симеона, овладѣвшій огромнымъ количествомъ серебра, рѣшился чеканить монету, обозначая себя титуломъ «первосвященника». Эти выпуски монетъ во всякомъ случаѣ должны были быть значительны; вполнѣдствіи этимъ монетамъ было дано названіе «іерусалимскаго серебра» или серебра опасности.

Анна все больше и больше становилась главою партіи умѣренныхъ. Онъ надѣялся умиротворить народъ; въ

тихомолку онъ задерживалъ фабрикаціи оружія, парализовалъ сопротивленіе, дѣлая видъ, что организуетъ его, — дѣло самое опасное въ революціонное время. Анна, дѣйствительно, былъ измѣнникомъ, по терминологіи революціонеровъ. По мнѣнію фанатиковъ, онъ имѣлъ прокъ видѣть дѣло ясно; въ глазахъ исторіи, его нельзя извинить въ томъ, что онъ принялъ фальшивое положеніе, заключавшееся въ томъ, чтобы бороться, не вѣря въ борьбу. Въ провинціяхъ хаосъ былъ ужасный. Совершенно арабскія мѣстности къ востоку и къ югу отъ Мертваго моря выпускали на Іудею шайки разбойниковъ, живущихъ грабежомъ и разбоемъ. При такихъ условіяхъ порядокъ былъ немыслимъ; ибо, для того, чтобы возстановить порядокъ, необходимо было прежде всего изгнать два элемента, составлявшіе силу революціи, — фанатизмъ и разбойничество. Ужасное положеніе, когда есть выборъ лишь между анархіей или чужеземной силой. Въ Акрабатенѣ, молодой и храбрый партизанъ, Симонъ, сынъ Гіора грабилъ и пыталъ богатыхъ. Въ Галилеѣ, Іосифъ старался всѣми силами удержать порядокъ, но нѣкто Іоаннъ Гишальскій, хитрый и смѣлый агитаторъ, соединявшій въ себѣ непоколебимую волю съ крайнимъ фанатизмомъ, во всемъ противодѣйствовалъ ему. Іосифъ принужденъ былъ, по всегдашнему восточному обычаю, составлять изъ разбойниковъ правильные отряды и платить имъ жалованье, какъ дань страны.

Веспасіанъ приготовился къ трудной кампаніи, которая была ему поручена. Его планъ заключался въ томъ, чтобы атаковать возстаніе съ сѣвера, подавить его сначала въ Галилеѣ, потомъ въ Іудеѣ, сосредоточить его въ Іерусалимѣ, и когда всѣ силы возстанія сконцентрируются такимъ образомъ въ этомъ центральномъ

пунктъ, гдѣ тѣснота, голодъ, раздоры должны были неизбежно, привести къ ужаснымъ сценамъ,—выжидать или, если-бы это оказалось недостаточно, покончить съ возстаніемъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Онъ прежде всего отправился въ Антиохію, гдѣ Агриппа II присоединился къ нему со всѣми своими силами. Въ Антиохіи до тѣхъ поръ не было еще рѣзни евреевъ, вѣроятно потому, что тамъ было множество грековъ, принявшихъ еврейскую вѣру, что ослабляло ненависть. Но въ эту минуту гроза вспыхнула: безумное обвиненіе въ томъ, что евреи вознамѣрились сжечь городъ вызвало убійства и преслѣдованія.

Экспедиція выступила въ мартѣ 67 года по обыкновенной дорогѣ вдоль морскаго берега и установила свой главный базисъ въ Птоломаидѣ (въ Акрѣ). Первый ударъ палъ на Галилею. Населеніе вело себя геройски. Маленькій городъ Іудифатъ или Іотапата, недавно укрѣпленный, сопротивлялся съ силами необыкновенными. Ни одинъ изъ защитниковъ не хотѣлъ пережить паденіе города; очутившись въ безвыходномъ положеніи они перерѣзали другъ друга. Съ тѣхъ поръ слово «галилеянинъ» сдѣлалось синонимомъ крайняго фанатика, ищущаго точно нарочно смерти съ какимъ-то бессмысленнымъ упорствомъ. Тиверіада, Тарихея, Гамала были взяты только послѣ страшныхъ кровопролитій. Въ исторіи мало встрѣтятся другихъ примѣровъ, чтобы цѣлый народъ такъ страшно былъ раздавленъ. Даже волны того мирнаго озера, на берегу котораго Іисусъ мечталъ о царствѣ божьемъ, были запятнаны кровью. Берегъ, покрылся гніющими трупами, воздухъ былъ зараженъ; цѣлыя толпы евреевъ искали убѣжища на баркахъ; Веспасіанъ всѣхъ приказалъ топить и убивать. Остальная часть здороваго насе-

ленія была продана; шесть тысячъ плѣнныхъ были от-
правлены къ Нерону въ Ахайю для самыхъ трудныхъ ра-
ботъ на прорытіе коринесскаго перешейка; всѣ старики
были умерщвлены. Только одинъ человекъ спасся: Ио-
сифъ, который, впрочемъ, догадывался объ исходѣ войны;
онъ сдался римлянамъ и вскорѣ попалъ въ милость Вес-
пасіана и Тита. Вся его ловкость писателя не могла
смыть съ него пятна такого поведенія.

Лѣто 67 года было употреблено на эту истребитель-
ную войну. Галилея никогда съ тѣхъ поръ не поправи-
лась; находившіеся тамъ христіане, вѣроятно, искали
убѣжища—за озеромъ; съ тѣхъ поръ имя родины Исуса
не появится болѣе въ исторіи христіанства. Гишала,
державшаяся дольше другихъ, была взята въ ноябрѣ или
декабрѣ. Иоаннъ Гишальскій, защищавшій ее, спасся и
убѣжалъ въ Іудею. Веспасіанъ и Титъ остановились на
зиму въ Кесаріи, готовясь на слѣдующій годъ приступить
къ осадѣ Іерусалима.

Порокъ всѣхъ временныхъ правительствъ, организо-
ванныхъ спеціально въ виду народной обороны, заклю-
чается въ невозможности перенести пораженіе. Постоянно
подкапываемыя крайними партіями, эти правительства па-
даютъ въ тотъ день, когда не даютъ поверхностной толпѣ
того, въ виду чего были установлены — побѣды. Иоаннъ
Гишальскій и Галилейскіе бѣглецы, ежедневно появляв-
шіеся въ Іерусалимѣ, съ бѣшенствомъ въ душѣ только уси-
ливали горячку, въ которой находилась революціонная
партія. «Мы не побѣждены, говорили они; но ищемъ луч-
шаго мѣста; зачѣмъ расходовать силу въ Галелеѣ и дру-
гихъ захолустьяхъ, когда мы должны защищать родной
городъ?»—Я видѣлъ, говорилъ Иоаннъ Гишальскій, —какъ
военныя машины съ трескомъ разбивались о стѣны Гали-

лейскихъ деревень; если у нихъ не выростутъ крылья, онѣ ни за что не проникнутъ за укрѣпленія Іерусалима». Всѣ молодые люди высказались за войну до послѣдней возможности. Отряды волонтеровъ легко прибѣгаютъ къ грабежу; фанатическія шайки, — религіозныя или политическія, — всегда нѣсколько похожи на разбойниковъ. Нужно жить, а какъ могутъ жить военные отряды, не прибѣгая къ грабежу населенія? Вотъ почему разбойникъ и герой, въ этихъ народныхъ кризисахъ почти всегда — синонимы. Военная партія всегда тиранична; умѣренность никогда еще не спасала отечества, ибо первый принципъ умѣренности состоитъ въ томъ, чтобы уступить въ виду событій, и героизмъ, обыкновенно, выражается въ томъ, чтобы никогда не слушать совѣтовъ благоразумія. Іосифъ, человекъ порядка, вѣроятно, правъ, когда представляетъ рѣшеніе не отступать, или фактъ не большаго числа бунтующихся, увлекающихъ за собой насильно мирныхъ буржуа, готовыхъ подчиниться римлянамъ. Въ дѣйствительности такъ бываетъ по большей части; народныя жертвы не приобрѣтаются безъ террора. Масса по существу робка, но робость въ революціонныя эпохи не бываетъ силой. Фанатики всегда бываютъ малочисленны, но они становятся необходимы, дѣлая невозможной всякую уступчивость.

Въ виду этой горячки, усиливающейся съ каждымъ днемъ, положеніе умѣренной партіи было невозможно. Шайки грабителей, раззоривъ окрестности, появились въ Іерусалимѣ; тѣ которые бѣжали отъ римской войны, въ свою очередь скрывались въ городѣ. Дѣйствительной власти не было; зелоты господствовали; всѣ заподозрѣнные въ умѣренности безжалостно умерщвлены. До тѣхъ поръ война и крайности останавливались у входа въ

храмъ. Теперь же зелоты и разбойники поселяются въ священномъ мѣстѣ; всѣ правила законной чистоты забыты; паперть запятнана кровью, входятъ съ запачканными ногами. Въ глазахъ священниковъ нѣтъ болѣе ужаснаго преступленія. Зелоты, какъ и всѣ воинствующие фанатики, не обращали вниманія на обрядность и подчинили ее священному дѣлу по преимуществу, — борьбѣ. Они совершили не менѣе важное покушеніе, измѣняя порядокъ первосвященничества. Не принимая во вниманіе привилегій семей, изъ среды которыхъ обыкновенно избирались первосвященники, они выбрали мало уважаемую вѣтвь священническаго рода и прибѣгли къ демократическому средству жребія. Жребій, само собой разумѣется, далъ нелѣпый результатъ; онъ палъ на болвана, котораго пришлось насильно тащить въ Иерусалимъ и насильно облечь въ священническія одежды; священничество было такимъ образомъ профанировано пошлыми сценами. Всѣ серьезные люди, фарисеи, саддукеи, Сименъ бенъ Гамаліель, Іосифъ бенъ Горіонъ были оскорблены въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ.

Всѣ эти излишества заставили наконецъ саддукейскую, аристократическую партію испробовать реакцію. Съ болѣею ловкостью и храбростью Анна попробовалъ соединить честную буржуазію и все, что было поблагоразумнѣе, чтобы опрокинуть уродливый союзъ фанатизма съ нечестьемъ. Зелоты были прижаты и принуждены были искать убѣжища въ храмѣ, превратившемся въ мѣсто для раненыхъ. Для спасенія революціи они прибѣгли къ крайнему средству, — призвали въ городъ идумейцевъ, т. е. шайки разбойниковъ, привыкшихъ ко всякимъ насиліямъ, шатавшихся въ окрестностяхъ Иерусалима. Вступленіе идумейцевъ ознаменовалось настоя-

щей рѣзней. Всѣ члены священнической касты, какіе имѣлись, были умерщвлены. Анна и Иисусъ, сынъ Гамала подверглись страшнымъ насиліямъ; ихъ тѣла были лишены могилы, — самое ужасное оскорбленіе у евреевъ.

Такимъ образомъ погибъ сынъ главнаго виновника смерти Иисуса. Бенъ-Анны до конца остались вѣрны своей роли и, если можно такъ выразиться, своему долгу. Подобно большинству тѣхъ, которые стараются положить преграду сектамъ и фанатизму, — они были унесены волной, но погибли благородно. Послѣдній изъ дома Анны былъ, какъ кажется, человѣкъ большихъ достоинствъ; онъ почти два года боролся съ анархіей. Это былъ истинный аристократъ, по временамъ тяжелый, но серьезный, проникнутый истиннымъ чувствомъ общественности, уважаемый. Иосифъ не сомнѣвается въ томъ, что если-бы онъ жилъ, то достигъ бы приличнаго соглашенія между римлянами и евреями и день его смерти онъ считаетъ моментомъ, когда Іерусалимъ и еврейская республика были безповоротно осуждены судьбой. Во всякомъ случаѣ это была окончательная гибель саддукейской партіи, часто надменной, эгоистичной, жестокой, но представлявшей тѣмъ не менѣе единственное разумное мнѣніе, способное спасти страну.

Вмѣстѣ съ Анной (первые дни 68 года) погибло старое еврейское священничество, укоренившееся въ значительнѣйшихъ саддукейскихъ семьяхъ, такъ сильно сопротивлявшееся рождающемуся христіанству. Велико было впечатлѣніе, когда народъ увидѣлъ брошенными за стѣны города, преданными на съѣденіе собакъ, и тигровъ этихъ столь уважаемыхъ аристократовъ, которыхъ прежде видѣли въ ихъ блестящихъ священническихъ

одеждахъ, во главѣ торжественныхъ процессій, окруженныхъ почтеніемъ богомольцевъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ міра въ Іерусалимъ. Казалось, что съ ними исчезалъ цѣлый міръ. Демократическое священничество, установленное фанатиками, было эфемерно. Священничеству, какъ и храму, не было предназначено судьбою быть сущностью іудаизма. Сущность іудаизма это — энтузіастъ, пророкъ, зелоть, посланецъ бога. Пророкъ убилъ царство; энтузіастъ, страстный сектаторъ убилъ священничество. Остался фанатикъ, который втеченіи еще двухъ лѣтъ будетъ бороться съ судьбою. Когда и фанатикъ будетъ раздавленъ въ свою очередь, останется раввинъ, объяснитель Торы. Священникъ и царь никогда болѣе не воскреснуть.

Было, однакожь, очевидно, что лишенный всякаго консервативнаго балласта, отданный по произволъ бѣшеннаго экипажа, корабль неизбежно пойдетъ ко дну. Послѣ того, какъ были вырѣзаны саддукеи, терроръ въ Іерусалимѣ сталъ царствовать безъ всякаго сопротивленія. Ужасъ былъ такъ великъ, что никто не осмѣливался открыто оплакивать и хоронить мертвыхъ. Состраданіе сдѣлалось преступленіемъ. Насчитываютъ до двѣнадцати тысячъ число подозрительныхъ изъ высшихъ классовъ, которыя погибли, благодаря жестокости фанатиковъ. Конечно, нельзя въ этомъ вполнѣ довѣряться Іосифу. Разсказъ этого историка о господствѣ зелотовъ отзывается несообразностью; порочные люди не погибли бы такой смертью, какъ они погибли. Вѣрнѣе будетъ предположить, что народныя возстанія, будучи дѣломъ темной совѣсти, не освѣщенной разумомъ, гибнуть вслѣдствіе своего же собственнаго торжества. По закону всѣхъ движеній этого рода, іерусалимская революція

стремилась къ своему собственному уничтоженію. Лучшіе патріоты, тѣ, которые наиболѣе способствовали успѣху 66-го года, Горіонъ, Нигеръ-Перантъ, были умерщвлены. Погибло все зажиточное сословіе. Въ особенности народное воображеніе было поражено смертью нѣкотораго Захарія, сына Баруха, честнѣйшаго человѣка, весьма любимаго всѣми. Онъ былъ отданъ на революціонный судъ, который единогласно его оправдалъ; но зелоты умертвили его посреди храма.

Смерть Нерона.

Въ самомъ началѣ весны 68 года, Веспасіанъ возобновилъ кампанію. Его планъ, какъ мы уже сказали, заключался въ томъ, чтобы давить іудаизмъ шагъ за шагомъ, наступая съ сѣвера и запада къ югу и востоку и принуждая бѣглецовъ искать убѣжища въ Іерусалимѣ и тамъ истребить ихъ безъ всякаго милосердія. Такимъ образомъ онъ подвигался до самаго Эммауса, въ 14 верстахъ отъ Іерусалима, — у подножья большаго подъема, который ведетъ отъ поляны Лидды до священнаго города. Веспасіанъ полагалъ, что ненаступило еще время приступить къ атакѣ города; онъ опустошалъ Идумею, потомъ Самарію и 3 іюня установилъ свою главную квартиру въ Іерихо, откуда онъ отправилъ отряды произвести рѣзню евреевъ въ Переѣ. Іерусалимъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Веспасіанъ возвратился въ Кесарію, чтобы собрать всѣ свои силы. Тамъ онъ узналъ новость, которая вдругъ его остановила, и слѣдствіемъ которой было то, что сопротивленіе и революція въ Іерусалимѣ продлились еще два года.

Неронъ умеръ 9 іюня. Въ теченіи іудейской войны, которую мы только что рассказали, онъ продолжалъ въ

Греціи свою жизнь актера; въ Римъ онъ возвратился только въ концѣ 67 года. Онъ никогда еще такъ не наслаждался; для него соединили всѣ игры въ одинъ годъ, всѣ города поднесли ему свои преміи; ежедневно въ нему являлись депутаціи просить его пѣть у нихъ. Этотъ большой ребенокъ, розиня (или можетъ быть, себѣ на умѣ), былъ внѣ себя отъ радости: «Одни только греки достойны меня и моего таланта». Онъ надѣлилъ ихъ различными привиллегіями, провозгласилъ свободу Греціи на истмическихъ играхъ, щедро платилъ пророкамъ, пророчествовавшимъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, устранялъ тѣхъ, которыми остался недоволенъ и, какъ говорятъ, приказалъ задушить одного пѣвца, который не достаточно скверно пѣлъ, для того, чтобы его голосъ выдавался. Гелій, одинъ изъ мерзавцевъ, которому, при отъздѣ, онъ поручилъ всю власть надъ Римомъ, торопиль его возвратомъ; выставялъ самыя серьезныя политическія симптомы. Неронъ отвѣчалъ, что главная его забота есть забота о его репутаціи, что онъ принужденъ позаботиться о томъ времени, когда у него не будетъ имперіи. И дѣйствительно, постоянной его заботой было то, чтобы существовать искусствомъ, если по волѣ фортуны онъ потеряетъ Имперію, и когда ему замѣчали, что онъ слишкомъ утомляетъ себя, онъ отвѣчалъ, что занятія, которыя теперь составляютъ для него лишь развлеченіе, будутъ можетъ быть современемъ средствомъ существованія. Для людей обезпеченныхъ, занимающихся искусствомъ или литературой, самую пріятною мыслью бываетъ мысль, что еслибы они были бѣдны, то могли бы жить своимъ талантомъ. При всемъ томъ, его голосъ былъ слабъ, глухой, хотя для сохраненія его онъ при-

бѣгнуль къ самымъ нелѣпымъ предписаніямъ тогдашней медицины; его *phonasque* никогда не оставлялъ его и ежеминутно указывалъ ему на новыя предосторожности. Краска выступаетъ на лицо, когда подумаешь, что Греція была замарана этимъ пошлымъ шутовствомъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые города держались въ сторонѣ; злодѣи не посмѣлъ вступить въ Аѣины; онъ не былъ приглашенъ.

Однако, съ каждымъ днемъ являлись самыя тревожныя извѣстія; прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Римъ, онъ рѣшился возвратиться. Эготъ возвратъ былъ также пріятенъ, какъ и самое путешествіе. Въ каждомъ городѣ ему воздавались торжественныя почести, разбирались стѣны, чтобы онъ могъ пройти. Въ Римѣ увеселеніе было неслыханное. Онъ находился въ колесницѣ, въ которой ѣхалъ нѣкогда Августъ, рядомъ съ нимъ стоялъ музыкантъ Діодоръ; на головѣ его красовался олимпійскій вѣнокъ, справа—иоійскій вѣнокъ, передъ нимъ несли другіе вѣнки, и надписи, объяснявшіе его побѣды, имена тѣхъ, кого онъ побѣдилъ, заглавія пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ. За тѣмъ слѣдовали клаверы, изучившіе три рода аплодисментовъ, изобрѣтенныхъ имъ, наконецъ рыцари Августа, и только и было слышны, что крики: «Да здравствуетъ *olymprionice!* *ruthionice!* Августъ! Августъ! Неронъ-Геркулесъ! Неронъ! Аполлонъ! Единственный *olymprionice*, когда либо существовавшій! Августъ! Августъ! О, божественный голосъ! Какъ счастливъ тотъ, кто удостоился его слышать!» Тысяча восемьсотъ восемь вѣнковъ, полученныхъ имъ, были выставлены въ Великомъ-цирѣѣ и привѣшены къ египетскому обелиску, поставленному Августомъ.

Наконецъ совѣсть лучшихъ людей возмутилась. Востокъ за исключеніемъ Іудей, некраснѣя подчинился

этой позорной тираніи и даже благоденствовалъ, но нѣ-
ство чести жило еще на западѣ. Однако навсегда оста-
нется славой Галліи то, что паденіе такого тирана было
ея дѣломъ. Въ то время, какъ германскіе солдаты, полные
ненависти къ республиканцамъ и рабы принципа вѣр-
ности, играли при Неронѣ, какъ впрочемъ и при всѣхъ
императорахъ, роль добрыхъ швейцарцевъ и храните-
лей—крикъ возмущенія былъ поднять однимъ аквитан-
цемъ, потомкомъ прежнихъ королей этой страны. Дви-
женіе было гальское. Не обращая вниманія на послѣд-
ствія, гальскіе легіоны подняли знамя революціи съ
увлеченіемъ и знакъ былъ данъ Виндексомъ, около 15
марта 68 года. Извѣстіе объ этомъ быстро достигло Рима.
Вскорѣ стѣны украсились оскорбительными надписями:
«Пѣніемъ своимъ,—говорили шутники,—онъ разбудилъ
пѣтуховъ (gallos)». Въ началѣ Неронъ смѣялся, онъ даже
заявилъ, что очень радъ подъ этимъ предлогомъ обога-
титься грабежемъ Галліи. Онъ продолжалъ пѣть и весе-
лится до тѣхъ поръ, пока Виндексъ обнародовалъ прок-
ламаціи, гдѣ онъ былъ названъ жалкимъ комедіантомъ.
Тогда комедіантъ написалъ въ Сенатъ изъ Неополя, гдѣ
тогда находился, требуя защиты, и направился къ Риму.
Онъ дѣлалъ, однако-же, видъ, что занятъ только нѣкото-
рыми музыкальными инструментами, только что изобре-
тенными, и въ особенности извѣстнаго рода гидравличе-
скимъ органомъ, относительно котораго онъ серьезно
совѣщался съ сенатомъ и рыцарями.

Извѣстіе о пораженіи Гальбы (8 апрѣля) и присоеди-
неніи Испаніи къ Галліи,—извѣстіе, полученное имъ во
время обѣда,—было для него ударомъ грома. Онъ опро-
кинулъ столъ, на которомъ обѣдалъ, разорвалъ письмо,
разбилъ отъ злости двѣ большія вазы, чрезвычайно до-

рогія, изъ которыхъ имѣлъ привычку пить. Въ нелѣпнѣхъ приготовленіяхъ, начатыхъ имъ къ побѣгу, его главная забота сосредоточивалась на его инструментахъ, на его театральныхъ костюмахъ, на его женщинахъ, которыхъ онъ приказалъ одѣть амазонками, со щитами, топорами и лошадьми съ гладко обстриженной гривой. Тутъ странно обнаружились попеременно: упадокъ духа и мрачное шутство, которое не знаешь къ чему причислить: къ серьезной ли заботѣ о себѣ или къ симптомамъ сумасшествия, тѣмъ болѣе, что всѣ поступки Нерона были смѣсю гадкой злобы жестокаго идіота и насмѣшки человѣка пресыщеннаго всѣмъ. Все, что ему приходило въ голову, было нелѣпо. Мнимый міръ искусства, въ которомъ онъ жилъ, сдѣлалъ его совершеннымъ идіотомъ. По временамъ онъ не столько думалъ о томъ, чтобы бороться, сколько о томъ, чтобы отправиться безоружнымъ къ своимъ врагамъ и плакать,—надѣясь такимъ образомъ тронуть ихъ; онъ даже сочинилъ ерѣсіумъ, который онъ долженъ былъ снѣть съ ними на другой день послѣ примиренія; затѣмъ, ему вдругъ приходило въ голову вырѣзать весь сенатъ, сжечь Римъ вторично и во время пожара выпустить изъ амфитеатра на городъ дикихъ звѣрей. Въ особенности галлы приводили его въ бѣшенство; онъ говорилъ о томъ, что всѣхъ галловъ, находившихся въ Римѣ, онъ перерѣжетъ, какъ соучастниковъ ихъ соплеменниковъ и какъ подозрѣваемыхъ въ томъ, что они готовы пристать къ нимъ. По временамъ, онъ проектировалъ перемѣнить столицу имперіи и поселиться въ Александріи; онъ вспомнилъ, что пророки обѣщали ему имперію Востока и въ особенности царство Іерусалимское; онъ былъ увѣренъ, что его музыкальный талантъ дастъ ему средства къ жизни и эта возможность, которая бу-

деть лучшимъ доказательствомъ его таланта, причиняла ему тайную радость. Потомъ, онъ утѣшалъ себя, такъ сказать, литературными соображеніями: онъ обращалъ вниманіе на то, какъ много въ его положеніи было страннаго: все, что съ нимъ случалось, было невѣроятно; никогда еще живой монархъ не терялъ такой громадной имперіи. Даже въ дни самыхъ сильныхъ опасеній, онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ привычекъ; онъ больше говорилъ о литературѣ, чѣмъ о дѣлахъ въ Галліи; пѣлъ, острилъ, отправлялся въ театръ инкогнито, писалъ актеру который ему нравился: «Удержать человѣка такого занятаго! Какая пошлость!»

Несогласіе въ гальской арміи, смерть Виндекса, слабость Гальбы, можетъ быть, отодвинули бы на продолжительное время освобожденіе міра, если бы римская армія, въ свою очередь, не пристала къ движенію. Преторіанцы взбунтовались и провозгласили императоромъ Гальбу 8-го іюня. Неронъ увидалъ, что все было потеряно. Его фальшиво направленный умъ подсказывалъ ему лишь самыя нелѣпыя идеи; напялить на себя траурныя одежды, отправиться увѣщевать народъ въ такомъ видѣ, пустить въ ходъ все свое сценическое могущество, чтобы возбудить состраданіе и такимъ образомъ получить прощеніе, или же въ крайнемъ случаѣ, префектуру Египта. Онъ написалъ свою рѣчь, но ему замѣтили, что прежде, чѣмъ онъ достигнетъ Форума, его разорвутъ въ клочки. Онъ отправился спать; ночью, проснувшись, онъ увидѣлъ, что около него нѣтъ хранителей: его комнату уже грабили. Онъ выходитъ, стучится въ разныя двери, никто не отвѣчаетъ. Онъ возвращается, хочетъ умереть, и требуетъ мармиллона Спикула, блестящаго убивателя, знаменитость амфитеатра. Все отступаетъ. Онъ снова

выходить, блуждаетъ по улицамъ, хочетъ броситься въ Тибръ, снова возвращается. Мiръ точно образовалъ пустоту вокругъ него. Тогда Фаонъ, освобожденный имъ рабъ, предложилъ ему убѣжищемъ свою виллу на Via Salaria и на Via Nomentane, близъ четвертаго военнаго столба (около пяти верстъ). Несчастный, почти neodѣтый, покрытый старымъ плащемъ, верхомъ на какой-то клячѣ, съ закрытымъ лицомъ, чтобы его не узнали, отправился туда въ сопровожденіи трехъ или четырехъ освобожденныхъ имъ рабовъ, между которыми былъ Фаонъ, Споръ, Эпафродитъ, его секретарь. Еще не свѣтало; выходя изъ города, онъ услышалъ въ лагерѣ преторіанцевъ, около котораго онъ проходилъ, крики солдатъ, проклинавшихъ его и провозглавшихъ Гальбу. Прижокъ его лошади, вызванный запахомъ трупа, лежавшаго на дорогѣ, обратилъ на него вниманіе; онъ, однако, успѣлъ добраться до виллы Фаона, ползкомъ карабкаясь между кустарниками и прячась въ тростникѣ.

Его шутовской умъ, его уличный жаргонъ не оставляли его. Его хотѣли спрятать въ яму. Это послужило ему предлогомъ къ эффектному выраженію: «Какая судьба! — сказалъ онъ, — жить подъ землей!» Все его размышленія состояли изъ классическихъ цитатъ, смѣшанныхъ съ тяжелыми шутками провинившагося скомороха. На каждое обстоятельство онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи литературную реминисценцію, сухую антитезу: «Тотъ, который прежде гордился своей многочисленной святой, не имѣетъ теперь и трехъ рабовъ». По временамъ, лица его жертвъ вспоминались ему, но все дѣло кончалось риторикой и не доходило до раскаянія. Комедіантъ оставался въ немъ до конца. Его положеніе было для него лишней драмой, которую онъ

репетировалъ. Вспоминая роли, въ которыхъ онъ бражалъ отцеубійцъ, монарховъ, сдѣлавшихся нищими, онъ замѣчалъ, что теперь онъ все это играетъ въ дѣйствительности и напѣвалъ стихъ, — вложенный однимъ авторомъ въ уста Эдипа: «Моя жена, моя мать, мой отецъ приговариваютъ меня къ смерти». Не будучи въ состояніи быть серьезнымъ, онъ хотѣлъ, чтобъ его могилу копали по мѣркѣ его тѣла, приказалъ принести куски мрамора, воды, дерева для похоронъ; и все это рыдая и восклицая: «Какой художникъ умираетъ»!

Посланецъ Фаона, однако, приноситъ депешу; Неронъ вырываетъ ее у него. Онъ читаетъ, что сенатъ объявилъ его общественнымъ врагомъ и приговорилъ его къ наказанію «по старинному обычаю». — «Какой это обычай»? спрашиваетъ онъ. — Ему отвѣчаютъ, что голова наказуемаго вкладывается въ колодку и затѣмъ засѣкаютъ его до смерти, и послѣ смерти тѣло бросаютъ въ Тибръ. Онъ содрогается отъ ужаса, беретъ два кинжала, бывшіе при немъ, пробуетъ лезвіе, прячетъ ихъ, говоря: «что роковой часъ не насталъ еще». Онъ приглашаетъ Спора присгупить къ пѣнію погребальной пѣсни, снова пробуетъ себя убить, но не можетъ. Его неловкость, нѣчто въ родѣ таланта, присущаго ему, заставлятъ звучать фальшиво струны сердца, — смѣхъ въ одно и тоже время глупый и мрачный, претенціозная тупость, сдѣлавшая всю его жизнь похожею на шутовство, — достигли крайнихъ предѣловъ. Онъ никакъ не могъ убить себя, «Не найдется-ли здѣсь когонибудь, — спросилъ онъ, — чтобы показать мнѣ примѣръ»? И снова онъ принимался за классическія цитаты, декламировалъ по гречески, сочинялъ стишки. Вдругъ, услышавъ

шумъ всадниковъ, явившихся убить его. «Топотъ тяжелыхъ лошадей достигаетъ моего уха» (Илліада)—сказалъ онъ. Тогда Епафродитъ налегъ на кинжалъ и вонзилъ его въ горло. Центуріонъ появляется почти въ ту-же минуту, хочетъ остановить кровь, говоря, что онъ является спасти его. «Слишкомъ поздно! отвѣчаетъ умирающій, котораго глаза выкатились страшно».

«Такъ вотъ гдѣ вѣрность!» — прибавилъ онъ, умирая. Это было его лучшей комической чертой. Неронъ, испускающій меланхолическую жалобу на злобу своего вѣка, на исчезновеніе добродѣтели и вѣрности!.. Похлопаемъ. Драма закончилась. Никогда еще природа не создавала актера болѣе достойнаго подобной роли.

Онъ очень заботился о томъ, чтобы голова его не была отдана на оскорбленія толпы и чтобы его сожгли цѣликомъ. Его двѣ мамы и Актеа, которыя любили его еще, похоронили его тайно, завернувъ въ богатый, бѣлый саванъ, шитый золотомъ, съ роскошью, которую онъ любилъ, пепель былъ положенъ въ гробницу Домаціевъ, — большой мавзолей, находившійся на холмѣ садовъ (Pincio). Оттуда его призракъ пугалъ среднія вѣка; — чтобы прекратить эти появленія, пугавшіе жителей квартала, была выстроена церковь Santa Maria del popolo.

Такъ погибъ на тридцать первомъ году отъ рожденія, послѣ тринадцатилѣтняго царствованія, монархъ, не самый бѣшеный и злой, но самый тщеславный и недѣльный, когда либо выдвинутый случаемъ на первый планъ исторіи. Неронъ есть по преимуществу продуктъ литературной порчи. Онъ далеко не былъ лишенъ таланта, честности, —этотъ бѣдный молодой человѣкъ, опьяненный скверной литературой, отуманенный декламацией, забывавшій свою имперію при Терпносѣ, не

оставившій спектакля, когда онъ узналъ о галльскомъ возмущеніи, продолжавшій восхищаться атлетомъ и думавшій въ теченіе нѣсколькихъ дней только о своей лирѣ и своемъ голосѣ. Наиболѣе виновнымъ во всемъ этомъ оказался народъ, жадный до наслажденій, требовавшій прежде всего, чтобы монархъ забавлялъ его, — а также виновенъ былъ вкусъ времени, перевернувшій всѣ понятія о величій и слишкомъ цѣнившій художника и поэта. Опасность чисто-литературнаго воспитанія заключается въ томъ, что такое воспитаніе развиваетъ неумѣренную жажду славы, не всегда внушая нравственную серьезность, устанавливающую смыслъ истинной славы. Было опредѣлено судьбой, что натура тщеславная, изысканная, стремящаяся къ безконечному, громадному, но безъ малѣйшаго благоразумія, — печально погибнетъ. Даже его положительныя качества, напримѣръ его отвращеніе къ войнѣ, оказались вредными, заставляя его пристращаться къ тому, кто позволялъ ему блестять. Не будучи Маркомъ-Авреліемъ, слишкомъ опасно быть выше предразсудковъ своей касты и своего положенія. Монархъ — воинъ; великій монархъ можетъ и долженъ покровительствовать искусству и литературѣ, но не долженъ быть ни художникомъ, ни поэтомъ. Людовикъ XIV, шествующій во главѣ блестящаго умственнаго развитія, является, послѣ такихъ городовъ, какъ Аѳины и Флоренція, — самымъ возвышеннымъ зрѣлищемъ въ исторіи; Неронъ, Хильперикъ, король Людовикъ Баварскій — не болѣе, какъ каррикатуры. По отношенію къ Нерону, безграничность императорской власти и грубость римскихъ нравовъ сдѣлали то, что карриатура была нарисована точно кровью.

Желая указать на неизлечимую безнравственность

толпы, часто повторяють, что Неронъ былъ популярнѣе. Истина заключается въ томъ, что по отношеніи къ нему, существовали два противоположныя теченія. Все, что было серіознаго и честнаго—ненавидѣло его; простой народъ любилъ его, — одни наивно, вслѣдствіе неясно сознаваемаго чувства, заставляющаго бѣднаго плебея любить монарха съ блестящей виѣшностью; другіе—потому, что онъ опьянялъ ихъ зрѣлищами. Во время этихъ зрѣлищъ, онъ смѣшивался съ толпой, былъ въ театрѣ, среди толпы. И къ тому-же, развѣ онъ не ненавидѣлъ сенатъ, римское дворянство, котораго характеръ былъ такъ суровъ, такъ мало популярнѣе? Шелопан, окружавшіе его, были, по крайней мѣрѣ, любезны и веселы. Отрядъ хранителей точно также любилъ его. Долгое время послѣ его смерти, его могила украшалась свѣжими цвѣтами. Причина успѣха Отона заключалась въ томъ, что онъ былъ его наперсникомъ и подражалъ его манерамъ. Вителлій, желая понравиться Риму, дѣлалъ видъ, что беретъ Нерона за образецъ и слѣдуетъ его политикѣ. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя, всѣ сожалѣли о его смерти.

Эта популярность, которой въ сущности не слѣдуетъ удивляться, имѣла въ дѣйствительности престранное слѣдствіе. Распространился слухъ, что предметъ столькихъ сожалѣній не умеръ. Еще при жизни Нерона, возникла, среди приближенныхъ императора, мысль, что онъ потеряетъ римскій престолъ, но что тогда-то и начнется для него новое царствованіе,—царствованіе восточное, почти мессіаническое. Народъ всегда съ трудомъ примиряется съ мыслью, что люди, долгое время обращавшіе на себя вниманіе міра, — окончательно исчезли. Смерть Нерона въ виллѣ Фаона, при маломъ количествѣ свидѣтелей, не имѣла публичнаго характера; все, что

касалось его погребенія, было совершенно тремя женщинами, преданными ему; почти одинъ лишь Ицелій видѣлъ трупъ; несомнѣннаго отъ него ничего не осталось. Одни, утверждали, что тѣло не было найдено; другіе говорили, что рана, которую онъ себѣ сдѣлалъ, была перевязана и излечена. Почти всѣ были увѣрены, что, по предложенію кареянскаго посланника въ Римѣ, онъ отыскалъ убѣжище у Арсакидовъ, его союзниковъ, вѣчныхъ враговъ римлянъ, или у армянскаго царя Тиридата, котораго путешествіе въ Римъ въ 66-мъ году сопровождалось блестящими празднествами, поразившими народъ. Тамъ онъ, будто-бы, приготовлялъ погибель имперіи; его скоро увидятъ возвращающимся во главѣ восточныхъ всадниковъ, чтобы отомстить тѣмъ, которые ему измѣнили. Его приверженцы жили этими надеждами; они возстановляли его статуи и распространяли подложные эдикты съ его подписью. Христіане, напротивъ того, считавшіе его уродомъ, — слушая подобные слухи, которымъ они вѣрили, какъ и большинство народа, приходили въ ужасъ. Это возбужденіе длилось долго и, согласно тому, что почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, появилось нѣсколько лже-Нероновъ.

Необычайность зрѣлища поколебала здравый смыслъ почти у всѣхъ. Природа человѣческая пережила страшный кризисъ; въ мозгу образовалась пустота, слѣдующая всегда за припадками горячки; вездѣ — призраки, кровавыя видѣнія. Рассказывали, что въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ воротъ Рима и направлялся къ виллѣ Фаона, молнія освѣтила его, произошло землетрясеніе, земля какъ будто раскрылась и души всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ умертвилъ, бросились на него. Въ воздухѣ была какъ бы жажда мщенія...

Воцареніе Флавіевъ.

Мы уже сказали, что зрѣлище, представляемое міромъ, было ужасно. Режимъ государственныхъ переворотовъ приносилъ свои плоды. Политика перешла въ лагерь и имперія переходила въ руки того, кто больше дастъ. У Нерона случались собранія, на которыхъ можно было видѣть семь будущихъ императоровъ и отца восьмого (Гальбу, Отона, Вителія, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нерву и Траяна-отца). Истинный республиканецъ Виргилій, желавшій имперіи для сената и народа,—былъ не болѣе, какъ мечтатель. Гальба, старый, честный воинъ, отказывающійся потворствовать этой солдатской оргіи,—быстро гибнетъ. Солдаты имѣли даже мысль умертвить всѣхъ сенаторовъ, чтобы упростить правительство. Единство римское, казалось, готово было разлетѣться въ дребезги. Такое трагическое положеніе не однимъ христіанамъ внушало мрачныя предсказанія. Въ Римѣ распространили слухъ о ребенкѣ о трехъ головахъ, родившемся въ 68-мъ году въ Сиракузѣ и въ этомъ явленіи видѣли символъ трехъ императоровъ, которые вступятъ на престолъ менѣе, чѣмъ въ теченіи одного года и которые даже будутъ императорами разомъ втеченіи нѣсколькихъ часовъ.

Гальба былъ убитъ и Отонъ провозглашенъ 15 января 69 года. Это было какъ бы воскресеніемъ Нерона. Серьезный, экономный, непріятный,—Гальба во всемъ этомъ былъ контрастомъ Нерона. Если бы ему удалось заставить сенатъ принять себя въ наслѣдники Нерона, то серія императоровъ-филосовъ возникла бы раньше, чѣмъ за тридцать лѣтъ; но школа Нерона восторжествовала. Отонъ былъ похожъ на этого урода, солдаты и всѣ, любившіе Нерона, видѣли въ немъ своего идола. Его не разъ видали рядомъ съ покойнымъ императоромъ, игравшаго роль его фаворита, соперничавшаго съ нимъ въ безумныхъ оргіяхъ, порокахъ, нелѣпой расточительности. Простой народъ съ перваго-же дня называлъ его Нерономъ и кажется, что и самъ онъ подписывался этимъ именемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ. Во всякомъ случаѣ, онъ позволилъ ставить статуи Нерону; онъ возвратилъ высшія должности приближеннымъ Нерона и громко заявилъ, что намѣренъ продолжать принципы, введенные послѣднимъ царствованіемъ. И прежде всего онъ приступилъ къ окончанію постройки Золотога Дома.

Печальнѣе всего было то, что политическое положеніе, къ которому пришло ирравительство, не приносило съ собою безопасности. Гнусный Вителлій былъ провозглашенъ нѣсколькими днями раньше Отона (2 января) въ Германіи. Онъ не отказался. Страшная междоусобная война, какой не было со временъ войны Августа съ Антоніемъ, казалась неизбѣжной; общественное мнѣніе было сильно возбуждено, вездѣ чудились страшныя предзнаменованія; преступленія солдатской лиги вездѣ вызывали ужасъ. Никогда еще міръ не переживалъ такого года; міръ, казалось, точилъ изъ себя кровь. Пер-

вое бедріакское сраженіе, оставившее одному Вителлію имперію (около 15 апрѣля) стоило жизни восьмидесяти тысячамъ человѣкъ. Разстроенные легіоны грабили страну и дрались между собой; къ этимъ дракамъ приставалъ и народъ. Въ то-же время, вездѣ пользовались вниманіемъ всякаго рода шарлатаны: Римъ точно поступилъ въ ихъ собственность; здравый смыслъ, казалось путался въ виду этого множества преступленій и безумствъ. Нѣкоторыя выраженія Іисуса (Еванг. отъ Маттея, XXIV, 6—7) повторяемыя тайно христіанами, держали ихъ какъ бы въ постоянной лихорадкѣ; въ особенности судьба Іерусалима сильно ихъ озабочивала.

И дѣйствительно, Востокъ переживалъ такой-же кризисъ какъ и западъ. Мы уже знаемъ, что начиная съ іюня 68 года военныя дѣйствія римлянъ противъ Іерусалима были пріостановлены. Но отъ этого среди евреевъ не уменьшались ни анархія, ни фанатизмъ. Жестокости Іоанна Гишальскаго и zelотовъ продолжались по прежнему. Власть Іоанна главнымъ образомъ опиралось на отрядъ галилейцевъ, производившихъ только рядъ безчинствъ. Наконецъ іерусалимцы возмутились и заставили Іоанна съ его наемниками искать убѣжища во храмѣ; но его до такой степени боялись, что считали нужнымъ противопоставить ему соперника. Симонъ, изъ Герасы, отличившійся съ самаго начала войны, грабилъ Идумею. Ему уже приходилось имѣть дѣло съ zelотами и два раза онъ грозилъ Іерусалиму. Онъ подступалъ къ Іерусалиму въ третій разъ, когда народъ призвалъ его, полагая, что этимъ способомъ онъ будетъ огражденъ отъ возврата Іоанна. Этотъ новый повелитель вступилъ въ Іерусалимъ въ мартѣ 69 года, Іоаннъ Гишальскій остался господиномъ храма. Оба предводители

соперничали въ жестокостяхъ. Еврей — жестоко, когда можетъ быть имъ безнаказанно. Въ этомъ народѣ всегда существовало достойное самаго высокаго уваженія меньшинство, — въ этомъ его величье; но въ то-же время, никогда еще не было видно въ массѣ людей столько зависти, столько потребности другъ друга уничтожить. Достигнувъ извѣстной степени отчаянiя, еврей способенъ на все, даже противъ собственной своей вѣры. Объ этомъ народѣ можно быть самаго хорошаго и самаго дурнаго мнѣнiя, не боясь ошибиться, ибо, — какъ мы уже сказали, — хорошiй еврей есть чудеснѣйшiй человѣкъ, и скверный еврей есть человѣкъ самый ужасный. Это-то обстоятельство и объясняетъ явленiе, на первый взглядъ непонятное, — что евангельская идиллiя и ужасы, рассказываемыя Иосифомъ — были дѣйствительностью въ одной и той-же странѣ, у одного и того-же народа и почти въ одно и то-же время.

Веспасiанъ, втеченіи этого времени, оставался недѣятельнымъ, въ Кесареѣ. Его сынъ Титъ успѣлъ заутать его въ цѣлую сѣть интригъ, ловко задуманныхъ. Въ царствованіе Гальбы, Титъ надѣялся, что будетъ сдѣланъ наслѣдникомъ стараго императора. Послѣ смерти Гальбы, онъ понялъ, что можетъ достигъ имперiи, только какъ наслѣдникъ своего отца. Съ ловкостью искуснаго политика онъ устроилъ такъ, что шансы оказались въ пользу война серьезнаго, честнаго, неблестящаго, безъ личнаго честолюбiя, ничего не дѣлавшаго для своего собственнаго возвышенiя. Весь Востокъ споспѣшествовалъ этому. Муцій и сирійскіе легіоны бѣсились, что западные легіоны одни распоряжались имперiей; и имъ въ свою очередь захотѣлось сдѣлать своего императора; но Муцій, нѣчто въ родѣ скептика, болѣе расположеннаго

располагать властью, чѣмъ управлять ею, не хотѣлъ быть императоромъ. Такимъ образомъ выступилъ кандидатомъ Веспасіанъ, не смотря на свою старость, на свое буржуазное происхожденіе и на неблестящія способности. Къ тому же, Титъ, будучи двадцати восьми лѣтъ отъ роду, дополнялъ своими заслугами, ловкостью, дѣятельностью то, что въ его отцѣ было посредственнымъ. Послѣ смерти Отона, восточные легіоны не особенно охотно принесли присягу Вителію. Нахальство германскихъ солдатъ возмущало ихъ. Ихъ увѣрили, что Вителій намѣревался отправить свои любимые легіоны въ Сирію и перевести на берега Рейна легіоны сирійскіе, любимые на востокѣ.

Къ тому же Неронъ, хотя и мертвый, продолжалъ вліять на дѣла человѣческія и сказка объ его воскресеніи имѣла свою долю метафорической истины. Его партія пережила его. Вителій, послѣ Отона, афишировалъ себя, къ великой радости простаго народа, какъ явный поклонникъ, какъ подражатель, какъ мститель Нерона. Онъ утверждалъ, что по его мнѣнію Неронъ былъ образцомъ республиканскаго правителя. Онъ сдѣлалъ ему торжественныя похороны, приказалъ играть его музыку и при первой же нотѣ, всталъ восхищенный и началъ аплодировать. Люди серьезные и благоразумные, утомленные этой пошлой пародіей мерзкаго царствованія, желали возникновенія сильной реакціи противъ Нерона, противъ его партіи; они въ особенности требовали реабилитаціи благородныхъ жертвъ его тираніи. Знали, что Флавіи эту роль будутъ играть добросовѣстно. Наконецъ туземные владѣтели Сиріи рѣзко высказались въ пользу главы, въ которомъ они видѣли покровителя противъ фанатизма взбунтовавшихся евреевъ. Агранпа II и

Береника, его сестра, душой и тѣломъ принадлежали двумъ римскимъ военачальникамъ. Береника, хотя и сорока лѣтъ отъ роду, привлекала къ себѣ Тита тайнами, противъ которыхъ молодой, честолюбивый человѣкъ, мало знакомый съ свѣтомъ, исключительно занятый до тѣхъ поръ своимъ возвышеніемъ, не въ состояніи былъ уберечься; она даже привлекла на свою сторону стараго Веспасіана своими любезностями и подарками. Оба воина скромнаго происхожденія, до тѣхъ поръ бѣдные и простые, поддались аристократическому обаянію женщины чрезвычайно красивой. Страсть, внушенная Титу Береникой, ни въ чемъ не вредила его собственнымъ замысламъ; напротивъ того, все заставляетъ предполагать, что онъ нашель въ этой женщинѣ, отлично знакомой съ восточной интригой, самаго полезнаго агента. Благодаря ей маленькіе царьки, союзники Иродовъ и всѣ болѣе или менѣ исповѣдавшіе іудаизмъ, — пристали къ заговору. Еврей-рenegатъ, Тиверій-Александръ, префектъ Египта, тоже присталь. Даже Парөяне объявили, что готовы поддержать его.

Страннѣе всего то, что умиранные евреи, въ родѣ Іосифа, тоже одобряли заговоръ и хотѣли всѣми силами примѣнить къ римскому военачальнику озабочивавшія ихъ идеи. Мы видали, что евреи, окружавшіе Нерона успѣли убѣдить его, что потерявъ престолъ въ Римѣ, онъ найдетъ въ Іерусалимѣ новое царство, которое сдѣлаетъ его самымъ могущественнымъ повелителемъ земнаго шара. Іосифъ утверждаетъ, что еще въ 67 году, сейчасъ же послѣ того, когда онъ сдѣлался плѣнникомъ римлянъ, онъ предсказалъ Веспасіану ожидавшую его судьбу, на основаніи нѣкоторыхъ текстовъ, заключенныхъ въ Священномъ Писаніи. Постоянно повторяя свои

предсказанія, евреи убѣдили очень многихъ лицъ, вовсе и не принадлежавшихъ къ ихъ сектѣ, что востокъ восторжествуетъ и что повелитель міра выйдетъ вскорѣ изъ Іудеи. Уже Виргилій успокоилъ печальныя представленія своего воображенія, примѣняя къ своему времени выраженіе *Simoisum saigmen*, которое какъ будто вмѣетъ нѣкоторое родство съ пророчествомъ втораго Исаія. Маги, халдеи, астрологи точно также эксплуатировали вѣру въ восточную звѣзду, посланницу еврейскаго царя, которому суждено было занять высокое положеніе. Предсказаніе имѣло два смысла, какъ и всѣ оракулы, но достаточно было бы оправдано, еслибы представители сирійскихъ легионовъ, стоявшихъ невдалекѣ отъ Іерусалима, достигли имперіи въ Сиріи, благодаря сирійскому движенію. Веспасіанъ и Титъ, окруженные евреями, прислушивались къ этимъ рѣчамъ, которыя были имъ пріятны. Продолжая дѣйствовать противъ іерусалимскихъ фанатиковъ, оба военачальника склонялись къ іудаизму, оказывали почтеніе еврейскимъ книгамъ. Іосифъ, благодаря своему мягкому, пріятному, вкрадчивому характеру, сдѣлался близкимъ ихъ человекомъ, въ особенности былъ близокъ къ Титу. Онъ хвалилъ имъ еврейскій законъ, рассказывалъ имъ старинныя библейскія исторіи, которыя онъ передѣлывалъ на греческій ладъ, говорилъ о пророчествахъ. Другіе евреи играли тѣже роли и уговорили Веспасіана играть нѣчто въ родѣ мессіанической роли. Къ этому присоединились и чудеса; говорили о чудесныхъ излеченіяхъ, будто бы совершенныхъ Веспасіаномъ...

Языческіе жрецы Финикіи не захотѣли остаться позади въ этой лести. Оракулы Паѳосы и Кармеля утверждали, что они первые возвѣстили впередъ судьбу Фла-

вievъ. Послѣдствія всего этого обнаружались въ послѣдствіи. Достигнувъ престола благодаря поддержкѣ Сиріи, флавійскіе императоры гораздо болѣе благопріятствовали сирійскимъ идеямъ, чѣмъ презрительные цезари. Даже христіанство позднѣе проникаетъ въ эту семью, находитъ въ ней приверженцевъ и благодаря ей, войдетъ въ совершенно новый фазисъ своего развитія.

Въ концѣ весны 69 года, Веспасіанъ, казалось, намѣревался выйти изъ своей военной недѣятельности, въ которой удерживала его политика и 29 апрѣля онъ двинулся впередъ представъ со своими всадниками передъ Іерусалимомъ. Въ то-же время, одинъ изъ его подчиненныхъ, сжегъ Гебронъ, вся Іудея подчинилась римлянамъ, за исключеніемъ Іерусалима и трехъ замковъ Масады, Геродиума и Махеро, занятыхъ фанатиками. Эти четыре пункта требовали правильной и трудной осады. Веспасіанъ и Титъ не рѣшались приступить къ этому въ томъ положеніи, въ какомъ они были,—наканунѣ новой междоусобной войны, когда они могли нуждаться во всѣхъ своихъ силахъ. Такимъ образомъ революція, державшая втеченіи уже трехъ лѣтъ Іерусалимъ въ состояніи кризиса, котораго исторія не запомнитъ,—была продолжена еще на одинъ годъ.

Перваго іюля, Тиверій Александръ провозгласилъ Веспасіана въ Александріи и привелъ войска къ присягѣ; третьяго, іудейская армія привѣтствовала его титуломъ Августа въ Кесарей: Муціенъ въ Антіохіи заставилъ сирійскіе войска провозгласить его, а пятнадцатаго, весь востокъ призналъ его императоромъ. Въ Бейрутѣ былъ собранъ конгрессъ, на которомъ было рѣшено, что Муціенъ пойдетъ съ войскомъ на Италію, въ то время какъ Титъ будетъ продолжать еврейскую войну, а Веспасіанъ

будеть выжидать послѣдствій въ Александріи. Послѣ кровопролитной междоусобной войны (третьей въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ) власть окончательно осталась за Флавіями. Такимъ образомъ династія мѣщанскаго происхожденія, дѣловая, умѣренная, не имѣвшая силы дома Цезарей, но лишенная также и ихъ заблужденій, заняла мѣсто наслѣдниковъ титула, созданнаго Августомъ. Расточители и безумцы до такой степени злоупотребили своими привилегіями, что народъ съ радостію привѣтствовалъ воцареніе порядочнаго человѣка, безъ особенныхъ дарованій, съ трудомъ подымавшагося, благодаря своимъ заслугамъ, не смотря на его смѣшныя стороны, его невзрачный видъ и недостатокъ въ обхожденіи. На дѣлѣ оказалось, что новая династія управляла дѣлами втеченіи десяти лѣтъ благоразумно, толково, спасла римское единство и окончательно обличила во лжи всѣ предсказанія евреевъ, видѣвшихъ уже имперію разчлененною и Римъ уничтоженнымъ.—Пожаръ Капитолія 19 декабря и страшная рѣзня, вспыхнувшая въ Римѣ на другой день, могли, конечно, на минуту увѣрить ихъ, что великій день наконецъ наступилъ, но утвержденіе безъ особенныхъ затрудненій Веспасіана на престолѣ (съ 20 декабря) показалъ имъ, что имъ приходится выжидать по прежнему осуществленія ихъ надеждъ.

Мудрый Веспасіанъ, менѣе взволнованный чѣмъ тѣ, которые дрались, чтобъ доставить ему имперію, проводилъ время въ Александріи при Тиверіи Александрѣ. Онъ явился въ Римъ не раньше іюля 70 года не задолго до окончательнаго разоренія Іерусалима. Титъ, вмѣсто того, чтобъ вести войну въ Іудеѣ, послѣдовалъ за отцомъ въ Египетъ; тутъ онъ оставался до начала марта.

Раздоры въ Іерусалимѣ усложнялись. Фанатическія

движеніа не исключаютъ у принимающихъ въ нихъ участіе—ненависти, зависти, недовѣрія; соединенные вмѣстѣ, люди очень убѣжденные и очень страстные, обыкновенно, не довѣряютъ другъ другу и въ этомъ ихъ сила, ибо взаимное недовѣріе образуетъ между ними терроръ, соединяетъ ихъ какъ бы желѣзною цѣпью, останавливаетъ отступленіе, временной упадокъ духа. Одна лишь искусственная фальшивая политика прикрывается внѣшностью согласія. Кружки образуются интересами; разладъ создается принципами, прибѣгающими къ убійствамъ, изгнаніямъ. Тѣ, которые судятъ человѣческія дѣла на основаніи мѣщанскихъ идей, полагаютъ, что революція на краю пропасти, когда революціонеры <поѣдаютъ другъ друга>. Но въ этомъ-то именно и заключается доказательство, что въ революціи сохранилась вся ея энергія, что безличная страстность управляетъ ею. Это положеніе никогда не было доказано яснѣе, какъ въ страшной іерусалимской драмѣ. Актеры, точно, заключили между собой союзъ смерти. Подобно тѣмъ бѣсовскимъ пляскамъ, въ которыхъ, по повѣрію среднихъ вѣковъ, сатана, образуя хороводъ, увлекаетъ въ фантастическую пропасть ряды людей пляшущихъ и держащихся за руки,—такъ и революція никому не позволяетъ выходить изъ круга, образованнаго ею. Терроръ сторожитъ марьонетокъ; попеременно возбуждая однихъ и возбуждаемые другими, они приближаются къ пропасти; никто не можетъ отступить, потому что за каждымъ существуетъ скрытый мечъ, который, въ ту минуту когда онъ хочетъ остановиться, заставляетъ его подвигаться впередъ.

Симонъ распорядился городомъ; Іоаннъ Гишальскій съ своими убійцами былъ повелителемъ храма. Образо-

валась третья партія подъ предводительствомъ Элеазара, сына Симона, изъ священнической семьи, который привлекъ на свою сторону часть zelотовъ Иоанна Гишальскаго и поселился внутри самого храма, живя припасами, которыя тамъ находились. Эти три партіи враждовали постоянно; приходилось идти по грудамъ труповъ; мертвыхъ не хоронили болѣе. Были сдѣланы огромные запасы хлѣба, которыя бы позволяли держаться годами. Иоаннъ и Симонъ сожгли ихъ, желая захватить ихъ каждый для себя. Положеніе жителей было ужасно; мирные люди только и мечтали о томъ, чтобы спокойствіе было восстановлено римлянами; но всѣ выходы были заняты террористами, — нельзя было бѣжать. Но странное дѣло, — въ Иерусалимъ по прежнему стекались изъ отдаленныхъ странъ. Иоаннъ и Элеазаръ принимали прозелитовъ и пользовались ихъ приношеніями. Часто случалось, что благочестивые богомольцы были убиваемы во время ихъ жертвоприношеній, вмѣстѣ съ священниками, совершавшими богослуженіе, камнями машинъ Иоанна. Взбунтовавшіе энергично дѣйствовали за Евфратомъ, желая имѣть помощь или отъ евреевъ, или отъ пареянскаго царя. Они вообразили себѣ, что всѣ евреи возстанутъ. Междоусобицы Рима внушали или самыя странныя надежды; подобно христіанамъ, они были убѣждены, что имперія скоро разчленится. Иисусъ, сынъ Анны, могъ сколько было ему угодно бѣгать по городу, призывая на погибель его всѣ четыре вѣтра неба; наканунѣ своей собственной погибели, фанатики провозглашали Иерусалимъ столицей міра, совершенно также, какъ на нашихъ глазахъ Парижъ, осажденный, голодный, все еще утверждалъ что міръ принадлежитъ ему, работаетъ въ его пользу, страдаетъ изъ-за него.

Страннѣ всего то, что фанатики не совсѣмъ заблуждались. Иерусалимскіе фанатики утверждавшіе, что Иерусалимъ вѣченъ, въ то время, какъ онъ горѣлъ, были ближе къ истинѣ, чѣмъ люди, видѣвшіе въ нихъ только убійцъ. Они ошибались относительно военного вопроса но не относительно отдаленнаго религіознаго результата. И дѣйствительно эти дни смуты указывали на минуту, когда Иерусалимъ сдѣлается духовной столицей міра. Апокалипсисъ, страстное выраженіе любви, внушаемой Иерусалимомъ, занялъ мѣсто между религіозными писаніями человѣчества и осыятилъ въ нихъ образъ «любимаго града».

Разгромъ Іерусалима.

Наконецъ желѣзное кольцо сжалось окончательно во-
кругъ проклятого города. Какъ только позволило время,
Титъ выѣхалъ изъ Александріи, достигъ Кесарей и, изъ
этого города, во главѣ громадной арміи, направился къ
Іерусалиму. Съ нимъ было четыре легіона — 5-й Маке-
донскій, 10-й Фретензисъ, 12-й Фульминатъ, 15-й Апол-
линарисъ, не говоря о многочисленныхъ добавочныхъ
отрядахъ, доставленныхъ ему его сирійскими союзниками
и множествомъ арабовъ, явившихся съ цѣлью грабежа.
Всѣ евреи, союзники Агриппы, Тиверій Александръ,
сдѣланный префектомъ преторіи, Іосифъ, будущій исто-
рикъ сопровождали его; Береника, по всей вѣроятности,
ожидала результата въ Кесаріи. Военныя качества пред-
водителей отвѣчали силѣ арміи. Титъ былъ замѣчатель-
нымъ и въ особенности извѣстнымъ инженеромъ, къ
тому же человѣкъ большаго практическаго ума, глубокой
политикъ и, принимая въ соображеніе жестокость нра-
вовъ того времени, — человѣкъ гуманный. Вспасіанъ,
взбѣшенный радостью, обнаруживаемой евреями при
видѣ междоусобныхъ войнъ и усиліями, которые они дѣ-
лали, чтобы вызвать участіе къ себѣ пареанъ, — совѣто-

валъ большую строгость. Мягкость, по его мнѣнію, всегда объясняется какъ признакъ слабости этими кичливыми народами, увѣренными, что они борются для Бога и съ его благословенія.

Римская армія достигла до Габаатъ-Сауль, верстахъ въ пяти отъ Іерусалима, въ первыхъ числахъ апрѣля. Вскорѣ должны были наступить праздники Пасхи; огромное количество евреевъ изъ разныхъ странъ находились въ городѣ. Іосифъ считаетъ число тѣхъ, которые погибли во время осады до мильона сто тысячъ; казалось, что вся нація собралась въ одинъ пунктъ. Около десятаго апрѣля Титъ расположился лагеремъ на углу башни Псеѣины (нынѣшній Касръ-Джалудъ). Нѣсколько мелкихъ успѣховъ, добытыхъ случайно и серьезная рана, полученная Титомъ, придали евреямъ преувеличенную вѣру въ ихъ силу и указали римлянамъ, что они должны дѣйствовать чрезвычайно осторожно въ этой бѣшеной войнѣ.

Городъ могъ считаться самымъ сильнымъ укрѣпленнымъ городомъ въ мірѣ. Стѣны были превосходнымъ типомъ тѣхъ громаднхъ построекъ, которыя всегда любила Сирія; внутри, стѣна храма, стѣна высокаго города, стѣна Акры составляли какъ бы простѣнки и были тоже укрѣпленіями. Число защищающихъ было чрезвычайно велико; припасы, хотя и уменьшенные пожарами, находились еще въ достаточномъ количествѣ. Партія внутри города продолжали драться, но онѣ соединились для защиты. Съ праздника Пасхи, партія Элеазара почти совершенно исчезла и слилась съ партіей Іоанна. Титъ велъ осаду въ совершенствѣ; никогда еще римляне не обнаружили болѣе полнаго знанія поліоцертики. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, римляне овладѣли первой стѣной со стороны сѣвера и вступили въ сѣверную часть

города. Спустя пять дней, вторая стѣна, стѣна Аврн была взята. Такимъ образомъ половина города оказалась во власти римлянъ. Двѣнадцатаго мая они атаковали Антонинскую крѣпость. Обруженный евреями, которые всё, за исключеніемъ можетъ быть Тиверія Александра, желали сохраненія города, находясь подъ вліяніемъ Береники, которая, какъ кажется, была благочестивой еврейской и преданной народу, — Титъ, какъ увѣряютъ, искалъ средства соглашенія, предложилъ приличныя условія, но все было напрасно. Осажденные отвѣчали на предложенія побѣдителя насмѣшками.

Тогда осада приняла характеръ страшной жестокости. Римляне принялись за самыя ужасныя пытки; безумія евреевъ увеличивались, 27 и 29 мая они сожгли машины римлянъ и атаковали ихъ лагерь; упадокъ духа обнаружился у осаждающихъ, многіе увѣрили себя, что евреи говорятъ правду, что Іерусалимъ неприступенъ; начались побѣги. Титъ, отчаявшись взять городъ силой, сталъ его блокировать. Контраваллаціонная стѣна, быстро воздвигнутая (въ началѣ іюня) и подкрѣпленная со стороны Переи линіей castella, увѣнчивавшей Голгоѳу, совершенно изолировала городъ. До тѣхъ поръ овощи доставлялись изъ окрестностей; теперь насталъ голодъ. Фанатики, лишённые необходимаго, не много объ этомъ заботились; строгіе розыскы, сопровождаемые пытками, дѣлались, чтобы открыть скрытый хлѣбъ. Всякій, имѣвшій здоровый цвѣтъ лица, обвинялся въ укрываніи припасовъ. На улицахъ прохожіе вырывали другъ у друга изо-рта куски хлѣба. Самыя ужасныя болѣзни обнаруживались въ средѣ этой сгущенной, ослабленной массы. Ходили ужасныя рассказы и увеличивали терроръ.

Съ этой минуты, голодъ, бѣшенство, отчаяніе, безуміе

поселились въ Іерусалимѣ. Это была точно клѣтка съ бѣшенными сумасшедшими, городъ канибаловъ, адъ. Титъ, съ своей стороны, былъ дико-жестокъ; ежедневно болѣе пятисотъ несчастныхъ распинались на крестѣ въ виду города, съ утонченною жестокостью; не хватало дерева для крестовъ, не хватало мѣста для нихъ.

Въ этомъ избыткѣ ужасовъ, вѣра и фанатизмъ евреевъ обнаруживались энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Храмъ считался неистребимымъ. Многіе полагали, что городъ, будучи подъ особымъ покровительствомъ Предвѣчнаго, нельзя было взять. Пророки увѣряли народъ, что вскорѣ придетъ помощь. Вѣра въ этомъ отношеніи была такъ велика, что многіе, имѣвшія средства и возможность бѣжать, оставались въ городѣ, желая увидать чудо Іеговы. Фанатики, однако, безгранично властвовали. Убивали всѣхъ тѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ совѣтахъ сдать. Такъ погибъ, по повелѣнію Симона, первосвященникъ Матіасъ, принявшій этого разбойника въ городъ. Его три сына были казнены на его глазахъ. Множество самыхъ достойныхъ лицъ точно также погибли. Было запрещено дѣлать какія бы то ни было сборища; плакать вмѣстѣ было преступленіемъ. Іосифъ, находясь въ римскомъ лагерѣ, безъ всякаго успѣха старался завести сношенія съ городомъ: ему не довѣряли ни евреи, ни римляне. Положеніе достигло до того пункта, когда здравый смыслъ и умѣренность не имѣютъ никакихъ шансовъ на вліяніе.

Титу, однако, надоѣло такъ долго ждать; онъ мечталъ о Римѣ, его роскоши и о его удовольствіяхъ. Городъ, взятый голодомъ, казался ему подвигомъ недостаточнымъ для блестящаго водворенія династіи. Поэтому, онъ приказалъ построить четыре новыя aggeres для ат-

таки. Деревья садовъ іерусалимскихъ предмѣстій были вырублены на пространствѣ четырехъ верстѣ. Въ двадцать одинъ день все было готово. Перваго іюля евреи испробовали операцію, которая имъ удалась уже однажды: они сдѣлали вылазку, чтобы сжечь деревянныя башни; но попытка окончательно не удалась. Втораго іюля, римляне начали разбивать и подкапывать Антонинскую башню. Пятаго іюля, Титъ овладѣлъ ею и почти совершенно ее уничтожилъ, чтобы открыть широкій проходъ для кавалеріи и машинамъ къ пунету, куда направлены были всѣ его усилія и гдѣ должна была произойти окончательная борьба.

Храмъ, какъ мы уже сказали, благодаря особенностямъ своей постройки, былъ чрезвычайно сильной крѣпостью. Евреи, засѣвшіе тамъ съ Іоанномъ Гишальскимъ, приготовились къ битвѣ. Даже священники были вооружены. Семнадцатаго постоянныя жертвоприношенія прекратились по недостатку священниковъ. Это произвело сильное впечатлѣніе на народъ. Объ этомъ узнали и внѣ города. Перерывъ въ жертвоприношеніяхъ былъ для евреевъ такимъ же необычайнымъ явленіемъ, какимъ оказался бы перерывъ въ движеніи вселенной. Іосифъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы снова убѣдить Іоанна не сопротивляться. Антонинская башня находилась отъ храма на разстояніи всего семидесяти аршинъ. Съ бруствера башни Іосифъ крикнулъ по еврейски, по приказанію Тита (если, однако, вѣренъ рассказъ «Еврейской войны»), что Іоанну будетъ предоставлено право выйти съ такимъ количествомъ его людей, какое онъ захочетъ, что Титъ обязуется продолжать законныя жертвоприношенія, что онъ даже предоставляетъ Іоанну право назначать тѣхъ, кто долженъ совершать эти жертво-

приношенія. Іоаннъ отказался отъ переговоровъ, которыхъ не ослѣплялъ фанатизмъ, перешли къ римлянамъ. Всѣ оставшіеся избрали смерть.

Двѣнадцатаго іюля Титъ началъ подступы противъ храма. Борьба была самая ожесточенная. 28-го римляне овладѣли всей сѣверной галлереей, начиная съ Антонинской башни и кончая Кедронской долиной. Тогда началась атака самаго храма; 2-го августа самыя сильныя машины стали пробивать стѣны; результатъ былъ едва замѣтенъ, но 8-го августа римлянамъ удалось поджечь ворота. Удивленіе евреевъ было необычайно; — они не допускали, чтобы это было возможно, — при видѣ пламени, охватившаго ворота, они осыпали римлянъ проклятіями.

Девятаго августа Титъ далъ приказъ потушить огонь и собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ Тиверій Александръ и главные военачальники. Вопросъ состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли сжечь храмъ? Многіе высказали мнѣніе, что до тѣхъ поръ, пока храмъ останется цѣль, евреи не успокоятся. Чго же касается Тита, то трудно знать, какого онъ былъ мнѣнія, потому что относительно этого пункта мы имѣемъ два противоположные разсказа. По мнѣнію Іосифа, Титъ былъ того мнѣнія, что необходимо спасти такое великолѣпное зданіе, котораго сохраненіе сдѣлаетъ честь новому царствованію и докажетъ умѣренность римлянъ. По мнѣнію же Тацита*), Титъ, будто бы, настаивалъ на необходимости уничтожить зданіе, съ которымъ были сопряжены два одинаково вредныхъ предразсудка, — предразсудокъ евреевъ и предраз-

*) Вернаисъ доказалъ, („Ueber die chronik des Sulpicius Severus“) что мѣсто изъ Сульпиція Севера (II, XXX, 6—7) взято почти цѣликомъ изъ той части „Исторіи“ Тацита, которая потеряна.

судокъ христіанъ. «Эти два предразсудка, — прибавлялъ онъ, — хотя враждебные другъ другу, имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ».

Трудно склониться въ пользу того или другаго толкованія, ибо, если мнѣніе, приписанное Титу Іосифомъ, можетъ быть разсматриваемо какъ выдумка этого историка, желавшаго убѣдить въ симпатіяхъ своего патрона къ іудаизму, облечь его въ глазахъ евреевъ отъ преступленія и удовлетворить желанію Тита прослыть человекомъ очень умѣреннымъ, — то нельзя отрицать, что краткая рѣчь, вложенная Тацитомъ въ уста побѣдоноснаго военачальника, не только по стилю, но и по идеямъ, есть точное воспроизведеніе чувствъ самого Тацита. Мы вправѣ заключить, что римскій историкъ, полный къ евреямъ и христіанамъ того презрѣнія, которое характеризуетъ эпоху Траяна и Антониновъ, заставилъ говорить Тита, какъ бы говорилъ римскій аристократъ его времени, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, мѣщанинъ Титъ былъ болѣе благопріятенъ къ восточнымъ предразсудкамъ, чѣмъ аристократія, возникшая послѣ Флавіевъ. Живя втеченіи трехъ лѣтъ среди евреевъ, восхвалявшихъ ему храмъ, какъ всемірное чудо, обольщенный Іосифомъ, Агриппой и въ особенности Береникой, онъ могъ желать сохраненія святилища, котораго культъ былъ представленъ ему какъ самый мирный его приближенными. Поэтому, вѣроятно, какъ рассказываетъ Іосифъ, отданъ былъ приказъ потушить огонь и чтобы были приняты мѣры противъ пожара, въ особенности изъ боязни страшнаго замѣшательства, которое произойдетъ вслѣдствіе пожара. Въ характерѣ Тита, рядомъ съ несомнѣнной добротой, было много желанія позировать, онъ былъ лицемѣренъ. Истина, вѣроятнѣе всего заключается въ

томъ, что онъ не приказывалъ произвести пожаръ, — какъ говоритъ Тацитъ, что онъ, съ другой стороны, не запретилъ его, какъ говоритъ Иосифъ, — но что онъ на это смотрѣлъ сквозь пальцы такъ, чтобы могъ выбрать то объясненіе, которое онъ сочтетъ наиболѣе для себя полезнымъ. Какъ бы то ни было, но на совѣтѣ была рѣшена общая атака противъ зданія, уже лишеннаго воротъ. Для опытныхъ военныхъ, то, что оставалось сдѣлать было, можетъ быть, кровавымъ усиліемъ, но не внушавшимъ никакихъ сомнѣній въ своемъ исходѣ.

Евреи предупредили атаку. Десятаго августа, утромъ, они открыли бѣшенную, но безуспѣшную борьбу. Титъ заключилъ въ Антонинской башнѣ, чтобы отдохнуть и приготовиться къ атакѣ. Былъ оставленъ отрядъ, для того, чтобы помѣшать возобновленію пожара. Тогда-то, по разсказу Иосифа, случилось обстоятельство, которое привело къ уничтоженію священнаго зданія. Евреи съ бѣшенствомъ набросились на отрядъ, оставленный римлянами; римляне отбросили ихъ и въ безпорядкѣ вошли въ храмъ вмѣстѣ съ бѣглецами. Бѣшенство римлянъ дошло до крайнихъ предѣловъ. Одинъ солдатъ, «безъ всякаго приказанія и какъ бы толкаемый сверхъестественной силой», схватилъ зажженное бревно и поднятый однимъ изъ своихъ товарищей, бросилъ бревно черезъ окно, выходившее на экседры сѣверной стороны. Пламя и дымъ быстро поднялись. Титъ въ это время спалъ въ своей палаткѣ. Его разбудили и рассказали въ чемъ дѣло. Тогда, если вѣрить Иосифу, между нимъ и его солдатами возникло нѣчто въ родѣ борьбы. Титъ голосомъ и жестомъ приказывалъ потушить огонь, но безпорядокъ былъ такъ великъ, что никто его не исполнилъ; тѣ, которые не могли сомнѣваться въ его намѣреніяхъ, при-

творились, что не слышать, что онъ говоритъ. Вместо того, чтобы тушить пожаръ, легіоны разжигали его еще больше. Увлеченный наплывомъ, самъ Титъ очутился въ храмѣ. Пламя не достигло центрального зданія. Онъ увидѣлъ нетронутымъ то святилище, о которомъ ему рассказывали съ такимъ восторгомъ Агриппа, Иосифъ, Береника, и нашелъ его еще болѣе совершеннымъ, чѣмъ всѣ рассказы объ немъ. Титъ удвоилъ усилія, приказалъ очистить внутренность зданія и далъ даже приказаніе Либералису, одному изъ его центуріоновъ, бить тѣхъ, которые не будутъ слушаться. Вдругъ, пламя и дымъ поднимаются изъ воротъ храма. Во время беспорядочнаго отступленія одинъ солдатъ поджогъ внутреннее зданіе. Пламя охватило зданіе со всѣхъ сторонъ; все было потеряно; Титъ удалился.

Этотъ рассказъ Иосифа заключаетъ въ себѣ много неправдоподобностей. Трудно повѣрить, чтобы римскіе легіоны оказали такое непослушаніе побѣдоносному предводителю. Діонъ Кассій, напротивъ того, утверждаетъ, что Титъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы заставить солдатъ войти въ мѣсто, окруженное ужасомъ, и котораго хулители, какъ рассказывали, были поражаемы смертью. Одно лишь несомнѣнно: Титъ, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ очень доволенъ, что среди евреевъ передавали фактъ такъ, какъ это дѣлаетъ Иосифъ, и что пожаръ храма объяснился непослушаніемъ солдатъ или, вѣрнѣе, сверхъестественнымъ движеніемъ какого-нибудь солдата, который былъ орудіемъ высшей воли. «Исторія еврейской войны» была написана въ концѣ царствованія Веспасіана, въ 76 году, не раньше, въ то время какъ Титъ уже мечталъ сдѣлаться «отрадой рода человѣческаго» и хотѣлъ прослыть образцомъ мягкости и доброты. Нѣсколь-

кими годами раньше и въ другой, не еврейской средѣ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, выслушивалъ похвалы совершенно другаго порядка. Среди картинъ, которыя носились во время триумфальнаго шествія въ 71 году, было изображеніе «пожара храмовъ» и, безъ всякаго сомнѣнія, такой пожаръ представлялся самымъ славнымъ подвигомъ. Около того-же времени поэтъ Валерій Флаккъ предлагаетъ Домиціану, какъ лучшее употребленіе его поэтическаго таланта, воспѣть еврейскую войну и изобразить его брата повсюду разбрасывающаго зажженные факелы:

....Solymo nigrantem pulvere fratrem,
Spargentemque faces et in omni turre furentem.

Въ то время, какъ все это происходило, борьба разгоралась во дворахъ и на паперти. Страшная рѣзня происходила вокругъ алтаря, имѣвшаго видъ усѣченной пирамиды, надъ которой возвышалась платформа; трупы тѣхъ, кого убивали на платформѣ, по ступенямъ падали къ подножью алтаря. Со всѣхъ сторонъ текли ручьи крови; были слышны только раздирающіе крики тѣхъ, которыхъ рѣзали и которые умирали, проклиная небо. Было еще время искать убѣжища въ высокомъ городѣ; многіе предпочли умереть, считая завиднымъ умирать за святылице; другіе бросались въ огонь; третьи бросались на римскіе мечи; четвертые или сами закалывали себя или закалывали другъ друга. Священники, успѣвшіе взобраться на кровлю храма, вырывали остроконечія, находившіяся тамъ, вмѣстѣ со свинцомъ и бросали ихъ на римлянъ; они продолжали такъ до тѣхъ поръ, пока пламя не охватило ихъ. Множество евреевъ собралось вокругъ святаго мѣста на голосъ одного пророка, который увѣ-

рилъ ихъ, что это-то именно и есть моментъ, когда Богъ обнаружить для нихъ признакъ спасенія. Галлерей, гдѣ находилось шесть тысячъ этихъ несчастныхъ (почти все женщины и дѣти) была сожжена. Двѣ двери храма и часть, отведенная для женщинъ, были пощажены на время. Римляне водрузили свои знамена на мѣстѣ, гдѣ было святилище, и совершили обычное жертвоприношеніе.

Оставался старыи Сіонъ, высокій городъ, лучше другихъ укрѣпленная часть города, имѣвшая свои стѣны, еще не тронутыя, куда спаслись Іоаннъ Гизальскій, Симонъ и множество сражавшихся, успѣвшихъ открыть себѣ путь сквозь ряды побѣдителей. Это убѣжище фанатиковъ потребовало новой осады. Іоаннъ и Симонъ установили центръ сопротивленія во дворцѣ Иродовъ, находившемся на мѣстѣ нынѣшней іерусалимской крѣпости, и прикрываемомъ тремя громадными башнями Гипника, Фасаэла и Маріаммы. Римляне, чтобы овладѣть этимъ послѣднимъ убѣжищемъ еврейскаго упрямства, построилиaggeres противъ западной стѣны города, напротивъ дворца. Четыре легіона занимались этой постройкой въ теченіе восемнадцати дней (съ 20-го августа по 6-е сентября). Въ это время Титъ жогъ тѣ части города, которыя находились въ его власти. Въ особенности нижній городъ и Офель до Силоама были истреблены систематически. Много евреевъ изъ средняго сословія имѣли возможность спастись. Что-же касается простаго народа, то онъ былъ проданъ за безцѣнокъ. Таково было происхожденіе той массы рабовъ-евреевъ, которые, побросавшись на Италію и на побережья Средиземнаго моря, внесли туда элементы новой, страстной пропаганды. Іосифъ считаетъ ихъ до восьмидесяти тысячъ. Титъ помиловаль ихъ по

просьбѣ Адіобенскихъ царей. Священническія облаченія, драгоценности, столы, чаши, канделябры были доставлены ему. Онъ приказалъ беречь ихъ, чтобы они украшали триумфальное шествіе, которое онъ себѣ готовилъ и которому онъ хотѣлъ придать особенный блескъ чужеземнаго характера, выставляя богатые предметы еврейскаго культа.

Aggeres были окончены; римляне начали пробивать стѣну высокаго города; при первой-же атакѣ (7-го сентября) они опрокинули часть ее, а также и башни. Изнуренные голодомъ, бѣшенствомъ, лихорадкой, — защитники были похожи на скелеты. Легіоны вступили безъ затрудненія. До сумерекъ солдаты жгли и убивали. Большинство домовъ, куда они входили для грабежа, были полны трупами. Несчастные, которые могли спастись, искали убѣжища въ Акрѣ, которую римляне почти очистили, и въ тѣхъ огромныхъ подземныхъ пещерахъ, которыя находятся подъ Іерусалимомъ. Іоаннъ и Симонъ тогда упали духомъ. Въ ихъ власти находились еще башни Гиппика, Фасаэла и Маріаммы, самыя удивительныя постройки древней военной архитектуры. Тараны были бы безсильны противъ этихъ громаднхъ глыбъ, собранныхъ съ удивительнымъ совершенствомъ и соединенныхъ желѣзными скобами. Потерявшіеся, Іоаннъ и Симонъ, бросили эти неприступныя башни и намѣревались овладѣть контраваллаціонной линіей со стороны Силоама. Не достигнувъ этого, они присоединились къ тѣмъ изъ своихъ приверженцевъ, которые скрывались въ пещерахъ.

Восьмага всякое сопротивление прекратилось. Солдаты устали. Убили искалѣченныхъ, не бывшихъ въ состояніи ходить. Все остальное — женщины, дѣти, — были впихнуты, подобно стаду, въ храмъ и заключены во вну-

треннемъ его дворѣ, который не могъ избѣгнуть пожара. Въ этой толпѣ, осужденной на смерть или на рабство, различались категоріи. Всѣ захваченные съ оружіемъ были умерщвлены. Семьсотъ молодыхъ людей, самыхъ красивыхъ и здоровыхъ, были отдѣлены для триумфальнаго шествія Тита. Изъ другихъ, тѣ, которымъ было болѣе семнадцати лѣтъ, были отправлены въ Египетъ, въ цѣляхъ, на каторжныя работы или-же распределены по провинціямъ для рѣзни въ амфитеатрахъ. Тѣ, которымъ было менѣе семнадцати лѣтъ, были проданы. Это распределение плѣнныхъ длилось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ умирали, какъ увѣряють, тысячи; одни — потому что имъ не давали пищи, другіе — потому что отказались ее принимать.

Слѣдующіе дни были употреблены римлянами на то, чтобы истребить пожаромъ остальную часть города, уничтожить стѣны, осматривать подземныя пещеры. Тамъ они нашли огромныя богатства, много бунтовщиковъ еще живыхъ, которые немедленно и были казнены, и болѣе двухъ тысячъ труповъ, не говоря о нѣкоторыхъ плѣнникахъ, которыхъ тамъ заключили террористы. Іоаннъ Гипальскій, принужденный вслѣдствіе голода выйти, просилъ пощады у побѣдителей и былъ осужденъ на вѣчное заключеніе. Симонъ, имѣвшій запасъ пищи, скрывался до конца октября. Тогда, лишенный пищи, онъ рѣшился на странную вещь. Одѣтый въ бѣлый полукафтанъ, съ краснымъ плащомъ, онъ вышелъ внезапно изъ-подъ земли, въ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ. Этимъ онъ думалъ испугать римлянъ, устроить нѣчто въ родѣ искусственнаго воскресенія, можетъ быть, даже выдать себя за Мессію. Солдаты, дѣйствительно, вначалѣ были нѣсколько удивлены; Симонъ объявилъ, что скажетъ свое имя только

ихъ начальнику Теренцію Руфу. Этотъ послѣдній весьма обрадовался находкѣ, извѣстилъ объ этомъ Тита, бывшаго тогда въ Панае, и отправилъ плѣнника въ Кесарію.

Храмъ и большія постройки были истреблены до основанія. Фундаментъ храма былъ, однако, сохраненъ и образуетъ то, что теперъ называется Харамъ-Эшъ-Шерифъ. Титъ хотѣлъ также сохранить три башни Гиппика, Фасаэля и Маріаммы, чтобы потомство знало, съ какими стѣнами онъ имѣлъ дѣло. Стѣна западной стороны была сохранена для защиты лагеря легіона 10-го Фретензисъ, который былъ назначенъ содержать гарнизонъ на развалинахъ взятаго города. Наконецъ, нѣсколько зданій горы Сіона избѣжали истребленія и остались въ видѣ отдѣльныхъ развалинъ. Все остальное исчезло. По крайней мѣрѣ въ промежутокъ времени съ сентября 70 года до конца 122 г., когда Адріанъ возстановилъ Іерусалимъ подъ названіемъ Aelia Capitolina, онъ представлялъ собою громадную развалину, въ одномъ углу которой пріютился легіонъ. Боялись, что огонь, все еще тлѣющій подъ этими сожженными камнями, снова вспыхнетъ; трепетали, чтобы жизнь не возвратилась этимъ трупамъ, которые, казалось, изъ своей могилы подымали руки и объявляли, что они обладаютъ обѣщаніями вѣчности.

Послѣдствія разрушенія Іерусалима.

По всей вѣроятности, въ окрестностяхъ Іерусалима Титъ остался около мѣсяца, принося жертвоприношенія и вознаграждая своихъ солдатъ. Добыча и плѣнные были отправлены въ Кесарію. Холодная пора года не позволила молодому герою отправиться въ Римъ. Зимой онъ воспользовался, чтобы побывать въ различныхъ городахъ востока и устраивать тамъ празднества. Съ собою онъ таскалъ цѣлыя толпы еврейскихъ плѣнниковъ, которыхъ отдавали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, сожигали или же заставляли сражаться между собой. Въ Панеа, 24-го октября, въ день рожденія его брата Домиціана, болѣе двухъ тысячъ пятсотъ евреевъ погибли въ огнѣ или въ ужасныхъ играхъ. Въ Бейрутѣ, 17-го ноября, столько-же евреевъ погибло во время празднества дня рожденія Веспасіана. Ненависть къ евреямъ была преобладающее чувство сирійскихъ городовъ. Ужаснѣе всего то, что Іосифъ и Агриппа во все это время не покидали Тита и были свидѣтелями этихъ ужасовъ.

Затѣмъ Титъ сдѣлалъ большое путешествіе по Сиріи до самаго Евфрата. Въ Антіохіи онъ встрѣтилъ населеніе, чрезвычайно возбужденное противъ евреевъ. Ихъ

обвиняли въ пожарѣ, который чуть было не уничтожилъ городъ. Титъ ограничился тѣмъ, что приказалъ уничтожить бронзовыя доски, на которыхъ были перечислены ихъ привилегіи. Онъ подарилъ городу Антиохіи крылатыхъ херувимовъ, которые прикрывали ковчегъ. Этотъ странный трофей былъ поставленъ передъ большими западными воротами города, которыя вслѣдствіе этого были названы херувимскими воротами. Тутъ-же онъ посвятилъ Лунѣ квадригу за помощь, оказанную ею ему во время осады. Въ Дафнѣ онъ приказалъ построить театръ на мѣстѣ синагоги; надпись указывала, что этотъ памятникъ былъ построенъ изъ добычи, сдѣланной въ Іудеѣ.

Изъ Антиохіи Титъ вернулся въ Іерусалимъ. Тамъ онъ нашелъ 10-й Фретензисъ подъ начальствомъ Теренція Руфа, по прежнему занятому изслѣдованіемъ пещеръ уничтоженнаго города. Появленіе Симона, вышедшаго изъ пещеръ, когда думали, что тамъ уже нѣтъ никого, заставило возобновить исканія; и дѣйствительно, ежедневно открывали какого-нибудь несчастнаго и новыя сокровища. Видя опустошеніе, которое онъ произвелъ, Титъ, говорятъ, не могъ удержаться отъ сострадательнаго движенія. Евреи, окружавшіе его, все больше и больше оказывали на него вліяніе; фантазмагорія восточной имперіи, которую изображали передъ глазами Нерона и Веспасіана, воскресала вокругъ него и даже начинала внушать подозрѣнія въ Римѣ. Агриппа, Береника, Іосифъ, Тиверій-Александръ были въ милости больше, чѣмъ когда-либо, и многіе пророчили Береникѣ роль новой Клеопатры. На другой день послѣ цораженія бунтовщиковъ, странно было видѣть людей того-же рода въ почестяхъ, всемогущихъ. Что-же касается Тита, то онъ все больше и больше примирялся съ мыслью, что онъ выполнилъ

роль предъуказанной мисси; онъ съ удовольствіемъ слушала цитаты изъ пророковъ, въ которыхъ, какъ его увѣряли, рѣчь шла объ немъ. Іосифъ увѣряетъ, что онъ приписалъ Богу свою побѣду и призналъ, что былъ предметомъ особаго благоволенія. Поразительнѣе всего то, что Филостратъ, сто двадцать лѣтъ спустя, вполнѣ принимаетъ эти положенія и пользуется этимъ, чтобы сочинить апокрифную переписку между Титомъ и его Аполоніемъ. Если вѣрить ему, Титъ отказался отъ принятія вѣнковъ, подносимыхъ ему, говоря, что не онъ взялъ Іерусалимъ, что онъ исполнилъ лишь волю разгнѣваннаго Бога. Невѣроятно, чтобы Филострату было извѣстно сочиненіе Іосифа. Онъ пользовался легендой, сдѣлавшейся популярной, объ умѣренности Тита.

Титъ возвратился въ Римъ въ маѣ или въ іюнѣ 71 года. Онъ приписывалъ большое значеніе такому триумфальному шествію, которое своею роскошью превзошло бы все видѣнное до тѣхъ поръ. Простота, серьезность, нѣсколько вульгарныя манеры Веспасіана, — все это не могло придать ему престижъ въ глазахъ населенія, привыкшаго, прежде всего, видѣть расточительность, роскошь, аристократизмъ. Титъ былъ увѣренъ, что торжественное вступленіе произведетъ прекрасный эффектъ и убѣдилъ въ этомъ своего стараго отца. Церемонія была организована со всею ловкостью римскихъ декораторовъ того времени; она отличалась заботой о мѣстномъ колоритѣ и исторической истинѣ. Кромѣ того были воспроизведены простые обряды римскаго культа какъ-бы для контраста съ побѣжденной религіей. Въ началѣ церемоніи Веспасіанъ фигурировалъ въ качествѣ первосвященника, съ головой болѣе чѣмъ на половину скрытой въ тогѣ, и произнесъ торжественную молитву; послѣ чего

Титъ молился такимъ-же точно образомъ. Шествіе было великолѣпно; тутъ фигурировали всѣ священные предметы, замѣчательныя произведенія восточнаго искусства; казалось, что на другой день послѣ самой большой опасности, которой подвергалась имперія, захотѣли обнаружить всѣ ея богатства. Подвижные эшафодажи, вышиной болѣе чѣмъ на три или четыре этажа, производили всеобщій восторгъ; тутъ были представлены всѣ эпизоды войны; каждая серія картинъ заканчивалась живымъ изображеніемъ страннаго появленія Симона и его взятія. Съ блѣдными лицами и блуждающими глазами плѣнные шествовали въ роскошныхъ костюмахъ. Среди нихъ былъ Симонъ, веденный торжественно на казнь. Затѣмъ слѣдовали предметы, взятые въ храмъ: золотой столъ, золотой подсвѣчникъ о семи развѣтвленіяхъ, пурпурный покровъ Святаго святыхъ и, въ заключеніе серія трофеевъ, Тора, — самый важный плѣнникъ и побѣжденный, самый важный преступникъ. Триумфаторы заключали шествіе. Веспасіанъ и Титъ находились на двухъ различныхъ колесницахъ. Титъ былъ въ восторгѣ; что-же касается Веспасіана, который во всемъ этомъ видѣлъ лишь бесполезно проведенный день, то онъ скучалъ, не старался замаскировать свою невзрачную фигуру дѣловаго человѣка, выражалъ нетерпѣніе, что процессія идетъ слишкомъ медленно и бормоталъ въ полъ-голоса: «Такъ оно и надо!.. Я заслужилъ это!.. Каеъ я былъ глупъ!.. Въ мои лѣта!..» Домиціанъ въ роскошномъ костюмѣ, верхомъ на великолѣпномъ конѣ, красовался около своего отца и своего старшаго брата.

Такимъ образомъ процессія достигла храма Юпитера Капитолійскаго, — обыеновенная цѣль триумфальнаго шествія. У подножья *clivus capitolinus* процессія пріоста-

новилась, чтобы покончить съ самой печальной частью церемоніи, — преданіе смерти главныхъ плѣнныхъ. Этотъ жестокой обычай былъ выполненъ во всей точности. Симонъ, изъятый изъ толпы плѣнныхъ, былъ поведенъ съ веревкой на шеѣ, при унижительныхъ оскорбленіяхъ, на Торпейскую скалу и казненъ. Когда возгласъ показалъ, что врагъ Рима уже не существуетъ, начались жертвоприношенія. Послѣ обычныхъ молитвъ принцы удалились на Палатинъ; остальная часть дня прошла для города въ ликованіи и празднествахъ.

Томъ Торы и занавѣсъ святилища были отнесены въ императорскій дворецъ; золотые предметы и въ особенности столъ хлѣбовъ и подсвѣчникъ были помѣщены въ большомъ зданіи, которое Веспасіанъ приказалъ построить противъ Палатина, по другой сторонѣ Священной Дороги, подъ названіемъ Храма Мира, и которое было какъ-бы музеемъ дома Флавіевъ. Триумфальная арка изъ пентеликскаго мрамора, существующая и теперь еще, является памятникомъ этого чрезвычайнаго торжества и сохранила изображеніе главныхъ предметовъ, фигурировавшихъ въ этомъ торжествѣ. Отецъ и сынъ, при этомъ случаѣ, присвоили себѣ титулъ императоровъ, но не захотѣли прибавить къ нему эпитетъ: іудайскихъ, потому-ли, что со словомъ *judaei* связано понятіе о чемъ-то презрительномъ и смѣшномъ, или съ цѣлью показать, что эта іудейская война была войной не противъ иностраннаго народа, или-же, наконецъ, вслѣдствіе какого-либо тайнаго соображенія, похожаго на то, выраженіе котораго дошло до насъ отъ Іосифа и Филострата. Вновь отчеканенныя монеты, на которыхъ была изображена Іудея въ цѣпяхъ, плачущая подъ пальмовымъ деревомъ, съ подписью: *«Iudea capta. Iudea devicta»*, сохранили вос-

поминаніе объ этомъ главномъ подвигѣ династіи Флавіевъ. Подобныя монеты чеканились даже при Домиціанѣ.

И дѣйствительно, побѣда была полная. Военачальникъ нашей расы, нашей крови, родственникъ намъ чело-вѣкъ, во главѣ легионовъ, въ рядахъ которыхъ мы-бы встрѣтили, если-бы сохранились указанія, множество нашихъ предковъ, уничтожилъ семитизмъ, нанесъ самое страшное пораженіе теократіи, этому врагу цивилизаціи. Это было торжество римскаго права, или, вѣрнѣе, права рациональнаго, — созданіе чисто философское, безъ всякаго откровенія, — надъ еврейскою Торой. Это право, корни котораго были отчасти греческіе, но въ которомъ гений латинской расы участвовалъ въ такой значительной степени, — было превосходнѣйшимъ даромъ, который Римъ несъ побѣжденнымъ взамѣнъ ихъ независимости. Каждая побѣда Рима была прогрессомъ разума; Римъ вносилъ въ міръ во многомъ лучшій принципъ, чѣмъ принципъ еврейскій, — я говорю о свѣтскомъ государствѣ, основанномъ на чисто гражданской идеѣ общества. Всякое патріотическое усиліе достойно уваженія, но zeloty были не только патріоты, это были фанатики невыносимой тираніи. Они хотѣли укрѣпленіе Крובהго Закона, позволяющаго уничтожать мысль. Они отрицали право общее, свѣтское, либеральное, не заботящееся о вѣрованіяхъ частныхъ лицъ. Свобода совѣсти, въ концѣ концовъ, должна была возникнуть изъ римскаго права, между тѣмъ какъ она-бы никогда не возникла изъ іудаизма. Изъ іудаизма могла возникнуть только или синагога, или церковь, — цензура нравовъ, обязательная нравственность, монастырь, міръ въ родѣ V столѣтія, въ которомъ чело-вѣчество потеряло-бы всю свою энергію и силу, если-бы варвары не пришли на поддержку. И дѣйствительно,

предпочтительнѣе господство война, чѣмъ господство духовной касты, потому что воинъ не стѣсняетъ разумъ; при его господствѣ мысль свободна, между тѣмъ какъ духовная каста требуетъ отъ своихъ подданныхъ невозможнаго, т. е. она требуетъ вѣры въ извѣстные предметы.

И такъ, торжество Рима, въ извѣстномъ смыслѣ, было законно. Иерусалимъ сдѣлался невозможностью; предложенные самимъ себѣ, евреи сами уничтожили-бы его. Но большой пробѣлъ долженъ былъ сдѣлать эту побѣду Тита бесплодною. Наши западныя расы, несмотря на все ихъ превосходство, всегда обнаруживали чрезвычайную бѣдность религіозной концепціи. Извлечь изъ греческой и гальской религіи что-либо подобное церкви было дѣломъ невозможнымъ. А всякая побѣда надъ религіею бесполезна, если ее не замѣнить другою, по крайней мѣрѣ, настолько-же удовлетворяющей потребности сердца. Иерусалимъ отомститъ за свое поражение; онъ побѣдитъ Римъ христіанствомъ, Персію — исламизмомъ, уничтожить античное отечество, сдѣлается для лучшихъ душъ градомъ сердца. Самая опасная тенденція Торы, законъ въ одно и то-же время гражданскій и нравственный, выдвигающій на первый планъ вопросы общественныя надъ вопросами военными и политическими, будетъ господствовать въ церкви. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, личность, подъ присмотромъ общины, будетъ трепетать проповѣди, будетъ страшиться отлученія и это будетъ справедливымъ возвратомъ послѣ нравственнаго индифферентизма языческихъ обществъ, протестомъ противъ римскихъ учрежденій улучшить челоуѣка. Конечно, ужасенъ принципъ, дающій право принужденія религіознымъ общинамъ, — нѣтъ ужаснѣе заблужденія, какъ мысль, что существуетъ единственно хорошая религія, ибо для cadaго индиви-

дуума та религія хороша, которая дѣлаеть его мягкимъ, справедливымъ, скромнымъ; но вопросъ управленія чело-вѣчествомъ—труденъ; на всякомъ шагу мы встрѣчаемъ безуміе, глупость, страсть. Древніе мудрецы приобрѣтали авторитетъ лишь однимъ обманомъ, который, за недо-статкомъ матеріальной силы, давалъ имъ воображаемую власть. Что сталося-бы съ цивилизаціей, если-бы люди, въ теченіе многихъ вѣковъ, не вѣровали, что брах-манъ можетъ уничтожить однимъ своимъ взглядомъ, если-бы варвары не вѣровали въ страшную мечь святаго Мартина Турскаго? Человѣкъ нуждается въ нравствен-ной педагогіи, на которую не способны заботы семьи и государства.

Въ опьяненіи успѣхомъ, Римъ почти забылъ, что ев-рейское возстаніе еще жило въ бассейнѣ Мертваго моря. Три замка: Геродіумъ, Махеро и Масада по прежнему находились въ рукахъ евреевъ. Нужно было рѣшительно и намѣренно закрыть глаза, чтобы сохранить какую-либо надежду послѣ взятія Іерусалима. Бунтовщики защища-лись съ такимъ-же упорствомъ, какъ будто-бы борьба лишь начиналась. Геродіумъ былъ лишь укрѣпленнымъ замкомъ; онъ былъ взятъ безъ особенныхъ усилій Луци-ліемъ Бассомъ. Махеро представлялъ много затрудненій; ужась, бойня, продажа цѣлыхъ толпъ евреевъ—возобно-вились. Масада оказала одну изъ самыхъ героическихъ сопротивленій, извѣстныхъ въ военной исторіи. Элезаръ, сынъ Іаиры, внукъ Іоанна Гишальскаго, овладѣлъ этой крѣпостью съ первыхъ-же дней возстанія и сдѣлалъ ее убѣжищемъ zelotovъ. Масада занимаетъ площадь огром-ной скалы, болѣе шестисотъ пятидесяти аршинъ высоты, на берегу Мертваго моря. Чтобы овладѣть такимъ пунк-томъ, Фульвій Сильва принужденъ былъ прибѣгнуть къ

настоящимъ чудесамъ. Отчаяніе евреевъ было безгранично, когда было взято послѣднее ихъ убѣжище, которое они считали недоступнымъ. По предложенію Элеазара, они перерѣзали другъ друга и подожгли замокъ. Такимъ образомъ погибло девятьсотъ шестьдесятъ чело-вѣкъ 15-го апрѣля 72 года.

Вслѣдствіе этихъ событій Иудея пришла въ страшное запустѣніе. Веспасіанъ приказалъ продать всѣ земли, которыя перестали быть частной собственностью, по причинѣ смерти или рабства своихъ владѣльцевъ. Ему предложили, какъ кажется, мысль, которая потомъ пришла Адриану, возстановить Иерусалимъ подъ другимъ названіемъ и основать тамъ колонію. Онъ не захотѣлъ этого сдѣлать и присоединилъ всю страну къ личнымъ владѣніямъ императора. Онъ только подарилъ восьмистамъ ветеранамъ Эмаусъ, около Иерусалима, и устроилъ тамъ маленькую колонію, которой слѣдъ сохранился до нашего времени въ названіи красивой деревеньки Кулоніе. Спеціальная дань (fiscus) была наложена на евреевъ. Во всей имперіи они должны были платить ежегодно въ Капитолій двѣ драхмы, сумму, которую они имѣли обыкновеніе платить іерусалимскому храму. Небольшой кружокъ примирившихся съ имперіей евреевъ, — Иосифъ, Агриппа, Береника, Тиверій-Александръ, — поселился въ Римѣ. Этотъ кружокъ долгое время продолжалъ играть тамъ значительную роль: или облегчая участь іудаизма, или преслѣдуемый ненавистью фанатиковъ, или-же мечтавшій о новомъ блескѣ іудаизма, въ особенности тогда, когда Береника чуть-чуть не стала супругой Тита.

Обратившись въ пустыню, Иудея замолчала; но страшное потрясеніе, котораго театромъ она была, продолжало отъ времени до времени отзываться въ сосѣднихъ стра-

нахъ. Броженіе іудаизма продолжалось до конца 73 года. Зелоты, избѣгшіе смерти, волонтеры осады, всѣ іерусалимскіе безумцы разсѣялись по Египту и Киренаикѣ. Общины этихъ странъ, богатя, консервативныя, далеко не расположенныя къ палестинскому фанатизму, почувствовали опасность, приносимую имъ этими фанатиками. Они сами позаботились о томъ, чтобы задержать ихъ и отдать въ руки Римлянъ. Многіе убѣжали даже въ Высшій Египетъ, гдѣ за ними устраивали облавы, какъ за дикими звѣрями. Въ Киренѣ, зелоть, по имени Іонаанъ, тѣачъ по профессіи, игралъ роль пророка и, подобно всѣмъ лжепророкамъ убѣдилъ двѣ тысячи эбіонимъ или нищихъ слѣдовать за нимъ въ пустыню, гдѣ по его обѣщанію они увидятъ чудеса. Здравомыслящіе евреи донесли на него Катулу, управителю страны, но Іонаанъ отмстилъ доносами, которыя вызвали безконечныя преслѣдованія. Почти все еврейство Кирены, самое цвѣтущее во всемъ мірѣ, было уничтожено; его богатства были конфискованы именемъ императора. Катуль, бывшій въ этомъ дѣлѣ очень жестокимъ, не былъ одобренъ императоромъ; онъ умеръ въ страшныхъ галлюцинаціяхъ, которыя, если вѣрить нѣкоторымъ предположеніямъ, дали матеріаль одной театральной пьесѣ съ фантастическими декораціями, подъ названіемъ «Призракъ Катула».

Невѣроятная вещь! Эта продолжительная, ужасная агонія не сейчасъ-же окончилась смертію. Въ царствованіе Траяна и Адриана мы опять увидимъ національный іудаизмъ возставшимъ и возобновившимъ кровавыя сцены, но для всѣхъ было очевидно, что роль его сыграна: зелоты были безвозвратно побѣждены. Путь, указанный Іисусомъ, понятый представителями іерусалимской церкви, поселившимися въ Пиреѣ, рѣшительно становился

истиннымъ путемъ Израиля. Свѣтское царство евреевъ было отвратительно, грубо, жестоко; эпоха Асмонеевъ, когда они пользовались независимостью, была самымъ печальнымъ ихъ временемъ. Слѣдовало-ли жалѣть продіаниззмъ, саддукеизмъ, этотъ позорный союзъ принциповъ безъ величья со священничествомъ? Конечно, нѣтъ; не въ этомъ заключалась цѣль «народа божья». Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что идеальныя учрежденія, преслѣдуемая Израилемъ, не согласны съ національной независимостью. Эти учрежденія, неспособныя создать армію, могли существовать лишь въ вассальности большой имперіи, оставлявшей много свободы своимъ подданнымъ, избавлявшей ихъ отъ политики и не требовавшей отъ нихъ воинской повинности. Ахеменидское господство вполнѣ удовлетворяло этимъ условіямъ еврейской жизни; впоследствии, Калифатъ, оттоманская имперія будутъ точно также удовлетворять имъ и разовьютъ свободныя общины, въ родѣ общинъ Армянъ, Грековъ, — націй безъ отечества, общинъ, какъ бы замѣнившихъ дипломатическую и высшую автономію автономіей собора и церкви.

Римская имперія не была настолько гибка, чтобы такимъ образомъ подчиниться требованіямъ общинъ, поглощенныхъ ею. Изъ всѣхъ четырехъ имперій, — она была, по мнѣнію евреевъ, — самая тяжелая и самая северная. Какъ Антиохій-Епифанъ, римская имперія заставила еврейскій народъ уклониться отъ его дѣйствительнаго призванія, принуждая его, по закону реакціи, образовать царство или отдѣльное государство. Эта тенденція рѣшительно не лежала въ духѣ представителей этой расы. Эти послѣдніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предпочитали римлянъ. Идея еврейской національности съ каждымъ днемъ

становилась все больше и больше запоздалой, — идеей бешенных и фанатиковъ, противъ которой благочестивые люди не стѣснялись призывать на помощь покровительство побѣдителей. Истинный еврей, привязанный къ Торѣ, находившій въ священныхъ книгахъ правила своей жизни, точно также какъ и христіанинъ, поглощенный надеждой царствія божія, все больше и больше отказывался отъ всякой земной національности. Принципы Іуды Галонита, бывшіе душой возстанія, принципы анархическіе, на основаніи которыхъ Богъ будучи единственнымъ повелителемъ, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права присвоивать себѣ этотъ титулъ, — подобныя принципы могли создавать только фанатиковъ, подобныхъ шайкамъ индипендентовъ временъ Кромвелля, но не могли создать что-либо прочное. Эти лихорадочныя вспышки были симптомами глубокаго внутренняго броженія, переживаемаго Израилемъ, которое должно было по необходимости привести его къ гибели въ страшныхъ судорогахъ.

И дѣйствительно, народы принуждены сдѣлать выборъ между продолжительною, темною, мирною жизнью того, кто живетъ лишь для себя и между бурною жизнью того, кто живетъ для чловѣчества. Народъ, разрабатывающій вопросы соціальныя и религіозныя почти всегда слабъ, какъ народъ. Всякая страна, мечтающая о царствіи божіемъ, живущая общими идеями, преслѣдующая дѣло всемірное, этимъ самымъ жертвуетъ своими частными дѣлами, ослабляетъ и уничтожаетъ свою роль, какъ земнаго отечества. Такъ было съ Іудеей, Греціей, Италіей; такъ будетъ, можетъ быть, съ Франціей. Нельзя безнаказанно носить въ своемъ сердцѣ искру божью. Іерусалимъ, какъ городъ мирныхъ буржуа, могъ бы продолжать очень долго свою мирную исторію. Онъ сталъ

жертвою Іоанна Гишальскаго, Симона, — на первый взглядъ язвы родины, въ дѣйствительности орудія его апоѳеоза, — потому что имѣлъ несравненную часть быть колыбелью христіанства. Эти zeloty, которыхъ Іосифъ ругаетъ разбойниками и убійцами, были прескверные политики, негодные солдаты, но они геройски погубили отечество, которое не могло существовать. Они потеряли матеріальный городъ, но открыли царство духовнаго Іерусалима, болѣе славнаго, чѣмъ былъ домъ Ирода и Соломона.

Чего желали въ дѣйствительности консерваторы и саддукеи? Они желали чего-то мизернаго: существованія города, подчиненнаго священнической власти, подобно Эмезу, Туану, Коману. И конечно, они не ошибались, когда говорили, что возстаніе фанатиковъ будетъ гибелью націи. Революція и мессіаниззмъ губили національное существованіе еврейскаго народа; но революція и мессіаниззмъ были истиннымъ призваніемъ этого народа, — тѣмъ, чѣмъ они участвовали во всемірной цивилизаціи. Точно также мы не ошибаемся, когда говоримъ Франціи: «Откажись отъ революціи или ты погибла», но если какая-либо будущность принадлежитъ идеямъ, вырабатывающимся въ сердцѣ народа, то Франція восторжествуетъ именно тѣмъ, что было ея слабостью и несчастіемъ въ 1870 и 1871 году. Наши французскіе Симоны и Іоанны Гишальскіе никогда не будутъ великими гражданами, но и ихъ доля будетъ возвышена и тогда можетъ быть мы увидимъ, что они глубже проникли въ тайну судебъ, чѣмъ самые благоразумные люди.

Какимъ образомъ совершится преобразование іудаизма, лишеннаго своего священнаго города и своего храма? Какимъ образомъ талмудизмъ возникнетъ изъ положенія, которое было создано событіями? На это мы

отвѣтимъ въ послѣдствіи. Съ извѣстной точки зрѣнія, послѣ созданія христіанства, іудаизмъ не имѣлъ уже смысла. Съ той минуты жизнь оставила Іерусалимъ. Израиль все отдалъ своему наслѣднику и въ этихъ родахъ истощился. Элохимы, которые, какъ казалось, шептали въ святилищѣ: «Уйдемъ отсюда! Уйдемъ отсюда!» говорили правду. Законъ великихъ созданій состоитъ въ томъ, что создатель виртуально умираетъ, передавая жизнь другому: послѣ полной передачи жизни тому, кто долженъ ее продолжать, инициаторъ — не болѣе какъ сухая вѣтвь, существо истощенное. Рѣдко, однакожь, этотъ законъ природы обнаруживается немедленно. Міръ полонъ этими двигающимися скелетами, переживающими приговоръ, произнесенный противъ нихъ. Іудаизмъ принадлежитъ къ ихъ числу. Въ исторіи нѣтъ зрѣлища болѣе страннаго, какъ зрѣлище этого народа, превратившагося въ привидѣніе, народа, который вотъ уже около тысячи лѣтъ, потерялъ сознаніе факта, не написалъ мало-мальски понятной страницы, не передалъ намъ хотя сколько-нибудь поучительнаго сообщенія. Слѣдуетъ ли удивляться, что такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ, внѣ свободной человѣческой атмосферы, какъ бы въ погребѣ, онъ выходитъ оттуда блѣдный, ошеломленный свѣтомъ, исковерканный?

Траянъ и Великіе императоры *).

Послѣ долгихъ, жестокихъ испытаній, пережитыхъ Римскою имперіей, избраніе Траяна на престолъ римскихъ императоровъ обезпечивало цивилизованному человѣчеству того времени цѣлое столѣтіе благополучной жизни. Римская имперія была спасена. Дышавшія ненавистью предсказанія были всецѣло опровергнуты. Человѣческій міръ древности хотѣлъ еще жить. Не взирая на паденіе Юліевъ и Флавіевъ, имперія нашла въ своей могучей военной организаціи такіе жизненные ресурсы, которыхъ поверхностные провинціалы и не подозрѣвали. Траянъ, избраніе котораго Нервой поставило во главѣ имперіи, былъ, дѣйствительно, великій человѣкъ, настоящій римлянинъ, вполнѣ владѣвшій собой, хладнокровный въ начальствованіи надъ массами, серьезный и достойный. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обладалъ меньшимъ политическимъ гениемъ, нежели Цезарь, нежели Августъ, нежели Тиверій, — но онъ былъ за то выше ихъ по своей справедливости и добротѣ. Въ отношеніи же военныхъ талантовъ онъ уступалъ только Цезарю. Философією — онъ не

* Изъ „Les évangiles“, — книги, составляющей V томъ „Les origines du christianisme“ Ренана.

занимался подобно Марку-Аврелію, но онъ былъ равенъ ему своею практическою мудростью и своею благосклонностью. Его твердая вѣра въ либеральныя идеи ни разу не поколебалась; онъ явилъ собою блистательный примѣръ, доказавшій, что положеніе героическаго оптимизма, требующее отъ него признанія людей абсолютно добродѣтельными пока не существуетъ доказательствъ противоположнаго, вполнѣ совмѣстимо съ твердою волею монарха. Удивительно, что этотъ міръ идеологовъ и людей нравственной оппозиціи, ставшій у кормила власти съ воцареніемъ Домиціана, оказался способнымъ къ управленію. Онъ откровенно примирился съ жизненною необходимостью и доказалъ, какая превосходная вещь монархія — созданная обращенными республиканцами. Старый Вергиній Руфъ, — этотъ великій гражданинъ, всю жизнь мечтавшій о республикѣ и сдѣлавшій, съ своей стороны, все, что только было возможно, чтобъ она была провозглашена послѣ смерти Нерона, — какъ она была провозглашена послѣ смерти Калигулы, — этотъ Вергиній, извѣстный тѣмъ, что неоднократно отказывался признать имперію, — присоединился вполнѣ къ новому режиму Траяна и служилъ центромъ тогдашняго избраннаго общества. Партія радикаловъ, отказавшись отъ своихъ химерическихъ мечтаній, готова была признать, что если принципатъ и свобода были до сихъ поръ элементами непримиримыми, то для блага человечества, эту чудо сдѣлалось теперь возможнымъ.

Гальба былъ первый, который предусмотрѣлъ моментъ такой возможной комбинаціи элементовъ, повидимому другъ другу противорѣчащихъ. Нерва и Траянъ осуществили эту комбинацію. Съ ними имперія стала республиканскою, или вѣрнѣе сказать, императоръ сдѣлался, благодаря имъ, первымъ и единственнымъ республиканцемъ въ

имперіи. Великіе люди, которыми гордились въ обществѣ, окружавшемъ государя, были Тразеасъ, Гельвидій, Сенеціонъ, Катонъ, Брутъ, все герои греческіе, славные изгнаніемъ тирановъ изъ своей родины. Въ этомъ-то и заключается объясненіе того факта, что, начиная съ 98 г., не слышно болѣе ни о какихъ протестахъ противъ принцепата. Философы, которые составляли до тѣхъ поръ въ нѣкоторомъ родѣ душу радикальной оппозиціи и положеніе которыхъ было всегда столь враждебно во времена Флавіевъ, вдругъ совершенно смолкли; они были удовлетворены. Тѣсный союзъ царилъ между новымъ режимомъ и философіею. Слѣдуетъ сказать, что никогда еще не доводилось видѣть во главѣ управленія группы людей болѣе достойной занимать подобное главенствующее положеніе. Это были: Плиній Тацитъ, Вергиній Руфъ, Ювіусъ Маурикусъ, Гратилла, Фаннія, благородные мужи, честныя жены, тѣ, которыхъ преслѣдовалъ Домиціанъ, и изъ которыхъ каждый оплакивалъ либо своего родственника, либо друга — жертвъ гнуснаго царствованія.

Вѣкъ чудовищей-монстровъ кануль. Великая раса Юліева и семействъ, съ ними родственно связанныхъ, развернула передъ цѣлымъ міромъ самое странное зрѣлище безумнаго, грандіознаго и извращеннаго. Казалось, что отнышѣ римская кровь утратила всю свою ѣдкость. Римъ, какъ будто, извергнулъ изъ себя всю имѣвшуюся въ немъ злость. Это неизбежно должно было случиться съ такой аристократіей, которая прожила свою жизнь необузданнымъ образомъ и на склонѣ своихъ старческихъ дней обратилась къ жизни правильной, чистой до пуризма. Римское дворянство, самое ужасное какое когда-либо существовало, отличалось теперь самою крайнею утонченностью добродѣтели, скромности и щепетильности.

Превращеніе это было, преимущественно, дѣломъ Греціи. Цѣною вынесеннаго презрѣнія, отвращенія и грубостей со стороны римскаго дворянства къ вещамъ духовнымъ, греческій педагогъ, наконецъ успѣлъ-таки заставить принять себя въ ея среду. Уже со времени Юлія Цезаря, Секстій-отець принесъ въ Римъ изъ Аѳинъ горделивую, нравственную дисциплину стоицизма, духъ строгаго самосознанія, греческій аскетизмъ, любовь къ воздержанію и къ бѣдности. Послѣ-же него Секстій-сынъ, Соцій александрійскій, Атталь, Деметрій — циникъ Метронаксъ, Кларанусъ, Фабіанусъ, Сенека являютъ собой образъ дѣятельной и практической философіи, и для распространенія въ обществѣ добродѣтели, употребляютъ всевозможныя средства: проповѣдь, руководство умами. Благородная борьба философовъ съ Нерономъ и Домиціаномъ, затѣмъ ихъ изгнанія, ихъ казни — все это привело, наконецъ, къ тому, что они сдѣлались дороги лучшей части римскаго общества. Вплоть до Марка-Аврелія вліяніе ихъ растетъ, постоянно увеличиваясь, и въ царствованіе его они достигаютъ, наконецъ, власти. Сила каждой партіи — пропорціональна числу мучениковъ, имѣющихъ въ ея рядахъ. Философія имѣла такихъ; она страдала, какъ страдало все благородное, благодаря отвратительнымъ правительственнымъ режимамъ, которые приходилось переживать; и когда чрезмѣрность зла вызвала нравственную реакцію, прибыль оказалась на ея сторонѣ. Тогда-то родилась мысль, столь любезная риторамъ: всякій тиранъ — врожденный врагъ философіи, всякій философъ — врожденный врагъ тирана. Всѣ учителя Антониновъ насквозь пропитаны этимъ ученіемъ. Благодушный Маркъ-Аврелій всю свою юность провелъ, вооружаясь противъ тирановъ; отвра-

щеніе къ Нерону и къ тѣмъ императорамъ, которыхъ Плиній Старшій зоветъ «зажигательными головнями рода человѣческаго», наполняетъ всю литературу того времени. Къ философамъ Траянъ относился постоянно съ величайшимъ уваженіемъ и съ самою изысканною внимательностью. Между греческою дисциплиною, такимъ образомъ, и римскою гордостью установился союзъ наитѣснѣйшій. «Жить, какъ подобаеть римлянину, какъ человѣку» — составляетъ мечту каждаго сколько-нибудь себя уважающаго: Маркъ-Аврелій, хотя еще и не существуетъ на свѣтѣ, но его нравственно можно считать уже родившимся; духовная мастерская, изъ которой онъ долженъ выйти, была уже совершенно готова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что древняя философія имѣла на своемъ вѣку дни величайшей оригинальности; еще никогда она не проникала такъ глубоко въ жизнь и общество человѣческія. Различія, существовавшія между многообразными философскими школами, сгладились почти совсѣмъ; общія системы были совершенно покинуты; самый поверхностный эклектизмъ подобный эклектизму, нравящемуся свѣтскимъ людямъ, которые любятъ дѣлать все хорошо — былъ въ модѣ. Философія принимала направленіе, преимущественно ораторское, литературное, проповѣдническое, стремясь болѣе къ нравственному облагораживанію человѣка, нежели къ удовлетворенію пытливой любознательности. Массы людей почерпали изъ нея житейскія правила и даже создавали на основаніи философскихъ положеній законы для строя своей внѣшней жизни. Музоній Руфъ и Артемидоръ были настоящіе исповѣдники подобной философіи, истинные герои стоической добродѣтели. Евфратъ Тирскій представлялъ идеаль философа свѣтскаго человѣка; вся

его фигура обладала замѣчательною прелестью, манера его—рѣдкимъ отличіемъ. Діонъ Хризостомъ создалъ особый типъ бесѣдъ, весьма близкій по характеру своему къ проповѣдямъ и пользовался величайшимъ успѣхомъ, какого никогда не выпадало на долю самаго высокаго проповѣдническаго тона. Добродушный Плутархъ сочинилъ для будущаго «Ученіе о практической морали», въ которой разсуждалъ о здоровомъ смыслѣ, о честности, — изображая, при этомъ, античную греческую жизнь нѣжною и чадолюбивою и мало похожею на дѣйствительную (послѣдняя была блестяща по красотѣ, свободѣ и своей геніальности), но за то болѣе и лучше приспособленной къ истиннымъ потребностямъ воспитанія. Даже самъ Эпиктетъ разсуждалъ о вѣчности, какъ бы стараясь стать на ряду съ Иисусомъ, если не на золотыхъ вершинахъ Галилеи, освѣщенныхъ солнцемъ царства небеснаго, то за то въ идеальномъ мірѣ совершеннѣйшей добродѣтели. Не говоря ни слова о воскресеніи живыхъ и мертвыхъ, ни о Оаворѣ, ни о царствіи небесномъ, онъ, тѣмъ не менѣе, проповѣдывалъ необходимость жертвъ, отреченія и самоотверженія. Онъ представлялъ изъ себя ту чудесную снѣжную вершину, на которую человѣчество взирало, при появленіи ея на небосклонѣ, съ какимъ-то страннымъ чувствомъ ужаса. Роль Иисуса, явившагося среди людей въ роли бога, была болѣе любезна; улыбка, веселость и чувство всепрощенія были позволительны для него.

Литература, съ своей стороны, принявшая вдругъ характеръ серьезный и благородный, указываетъ этимъ самымъ на громадный шагъ впередъ, совершившійся въ нравахъ высшаго общества. Даже Квинтильянъ уже, въ самые скверные дни царствованія Домиціана, начерталъ

такого рода кодексъ ораторской честности, который оказался впоследствии въ самомъ совершенномъ согласіи съ требованіями нашихъ лучшихъ умовъ XVII и XVIII ст., Роллена, гг. Поръ-Ройаля; развитіе же литературной честности не совершается отдѣльно само по себѣ: только дѣйствительно серьезные вѣка могутъ имѣть дѣйствительно серьезную литературу. Тацитъ писалъ исторію, воодушевляемый такимъ высокимъ чувствомъ благороднаго патриція, которое, хотя и не спасло его отъ ошибокъ въ частностяхъ, но внушало ему зато порывы добродѣтельнаго негодованія, сдѣлавшіе изъ него на всѣ времена ужасъ всѣхъ тирановъ. Светоній посредствомъ работъ глубочайшей и серьезнѣйшей эрудиціи, приготовляла себя къ роли точнѣйшаго и безпристрастнѣйшаго біографа. Плиній, человѣкъ безукоризненно воспитанный, свободномыслящій, гуманный, благотворительный, мягкій, основываетъ школы, нубличные библіотеки; онъ точно французъ, вышедшій изъ среды самаго изящнаго общества XVIII ст. Ювеналь, человѣкъ искренній въ своихъ декламационныхъ рѣчахъ и нравственный при изображеніи порока, замѣчателенъ весьма красивыми проявленіями чувства гуманности, и, не смотря на многія сѣрыя пятна въ своей собственной жизни, хранитъ до конца чувство римской гордости. Все это было похоже на какой-то запоздалый расцвѣтъ прекраснѣйшей умственной культуры, созданный совмѣстными усилиями греческаго и итальянскаго генія. Въ основаніи своемъ эта культура была осуждена на смерть; но, прежде чѣмъ умереть, она давала изъ себя послѣдній ростъ листьевъ и цвѣтовъ.

И вотъ, наконецъ, настало время, когда міръ человѣческой будетъ управляться разумомъ. Въ теченіи ста лѣтъ философіи предстоитъ наслаждаться присущимъ

ей правомъ дѣлать народы счастливыми. Масса превосходнѣйшихъ законоположеній, составляющихъ лучшую часть всего римскаго права принадлежать этому времени. Создаются общественныя благотворительныя учрежденія; дѣти, въ особенности, составляютъ предметъ попеченія государства. Правительство воодушевлено истинно нравственнымъ чувствомъ; никогда еще, до XVIII столѣтія, не было сдѣлано столько для улучшенія судьбы человѣчества. Императоръ является богомъ, совершающимъ свое земное странствіе, и каждый шагъ его жизни знаменуется величайшими благодѣяніями.

Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что этаго рода государственный режимъ значительно отличался все таки отъ того, что мы понимаемъ подъ сущностью либеральнаго правленія. Было бы совершенно напрасно, съ нашей стороны, искать въ немъ какихъ-либо слѣдовъ парламентарныхъ или представительныхъ учрежденій; общее состояніе древняго міра не допускало у себя ничего подобнаго. По политическимъ взглядамъ того времени, власть являлась принадлежностью, въ силу какого-то естественнаго полномочія, людей честныхъ, разумныхъ и умѣренныхъ. Это есть нѣчто въ родѣ *fatum'a*; разъ онъ имѣлъ мѣсто, императоръ принималъ бразды правленія и вель имперію за собой, какъ, на примѣръ, ведетъ за собой баранъ или быкъ все свое стадо. И на ряду съ этимъ — языкъ и мысли совершенно республиканскія. Всѣ эти превосходные государи, съ наилучшею въ мірѣ вѣрою, думали возможнымъ создать государство, основанное на естественномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ, царство, построенное на уваженіи и свободѣ. Свобода, справедливость, уваженіе къ оппозиціи — были ихъ основными положеніями. Но при всемъ этомъ, эти прекрасныя слова, заимствованныя изъ

исторій греческихъ республикъ и которыми ученые вполне пропитаны, имѣли весьма мало жизненнаго смысла въ живомъ обществѣ того времени. Гражданскаго равенства не существовало. Различіе богатаго отъ бѣднаго было вписано въ законы; аристократія римская или италійская сохраняла при себѣ все свои привилегіи; возстановленный Нервою во всѣхъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ, сенатъ оставался по-прежнему, и даже болѣе, чѣмъ когда либо, замкнутымъ учрежденіемъ; *cursus honorum* составляло исключительную привилегію благородныхъ. Знатныя римскія семейства завоевали себѣ вновь исключительное преобладаніе въ политической жизни государства; все что не принадлежало къ нимъ, не проникало туда.

Политическая побѣда этихъ семействъ, нѣтъ спора, была побѣдою совершенно справедливою, такъ какъ въ гнусныя времена царствованій Нерона и Домиціана, они представляли изъ себя убѣжище, въ которомъ укрылись добродѣтель, уваженіе къ самому-себѣ, инстинктъ разумнаго управленія и истинно-прекрасное литературное и философское воспитаніе; но въ то же время, какъ это всегда случается, семейства эти образовали изъ себя міръ крайне замкнутый. Будучи дѣломъ партіи либерально-консервативной и аристократической, возведеніе на престолъ Нервы и Траяна положило конецъ двумъ вещамъ: казарменнымъ беспорядкамъ и тому значенію, которымъ пользовалась восточная партія, состоявшая изъ придворной прислуги и императорскихъ фаворитовъ. Отнынѣ уже дѣлается невозможнымъ разнымъ отпущенникамъ, выходцамъ изъ Египта и Сиріи, заставлятъ трепетать передъ собою что было только лучшаго въ Римѣ. Эти бездѣльники, цѣною своихъ преступныхъ угодничествъ достигшіе было власти въ царствованіи Калигулы, Клавдія, Нерона, сдѣ-

лавшієся даже совѣтниками и повѣренными развратныхъ оргій Тита, когда онъ еще не вступалъ на престолъ, падаютъ, наконецъ, среди общаго презрѣнія. Послѣ паденія Флавіевъ, уже не повторяется болѣе того страшнаго раздраженія, которое испытывали римляне при видѣ воздаваемыхъ почестей какому-нибудь Ироду Агриппѣ или Тиверію Александру. Власть сената растетъ все болѣе и болѣе; но за то сила провинцій умалется; всѣ попытки уничтожить это бездушіе офіціального міра сводились, въ концѣ концовъ, къ пустякамъ.

Эллинизмъ же отъ всей этой перемѣны нисколько не пострадалъ: ибо, онъ сѣумѣлъ, благодаря своей, частью, гибкости и своему, частью, высокому положенію, заставить лучшую часть римскаго общества усвоить себя. Но за то іудейство и христіанство пострадали немало. Въ 1-мъ вѣкѣ, во времена Нерона и Флавіевъ, мы встрѣчаемся дважды съ такими періодами, когда мы видимъ іудеевъ и христіанъ весьма близкими къ дому императоровъ и пользующимися тутъ весьма значительнымъ вліяніемъ. Въ періодъ времени отъ Нервы до Коммода — они удалены отъ власти на разстояніе цѣлыхъ тысячъ лье. Съ одной стороны евреи не имѣютъ уже дворянства: іудеи свѣтскіе, какъ напр., потомки Иродовъ, Тиверіевъ Александровъ — вымерли; всякій израильянинъ становится отнынѣ фанатикомъ, отдѣленнымъ отъ всего остальнаго міра цѣлою пропастью презрѣнія. Въ глазахъ людей самыхъ просвѣщенныхъ этого времени — моисейство ни болѣе, ни менѣе какъ груда нечестія, евреи кажутся въ одно и то же время суевѣрными и не религіозными, атеистами и приверженцами самыхъ грубыхъ вѣрованій. Ихъ культъ кажется какимъ-то опрокинутымъ міросозерцаніемъ, оскорбленіемъ разума, какою-то непонятною шуткою, во всемъ

противорѣчащей всѣмъ существующимъ обычаямъ другихъ народовъ. Исторія іудеевъ, передѣланная въ грубо шутовской характеръ, служить темою для безконечныхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, въ ней усматриваютъ обыкновенно одну изъ формъ поклоненія Бахусу. «Антиохій, говорилось про іудеевъ, тщетно старался облагородить эту отвратительную расу людей...» Всего убійственнѣе для нихъ было обвиненіе ихъ въ ненависти ко всему тому, что не принадлежало къ нимъ; и тѣмъ болѣе, что это обвиненіе основывалось на мотивахъ спеціальныхъ и по натурѣ своей приводило общественное мнѣніе въ заблужденіе. Еще болѣе опасною представлялась имъ идея, въ силу которой каждый новый прозелитъ, принимавшій законъ Моисея, обязывался, прежде всего, презирать всѣхъ боговъ, быть чуждымъ всякаго патріотическаго чувства, долженъ былъ забыть своихъ родныхъ, своихъ дѣтей, своихъ братьевъ. Ихъ благія дѣла, говорилось про іудеевъ, ничто иное какъ эгоизмъ; ихъ нравственность — только кажущаяся; между ними — все дозволено.

Траянъ, Адрианъ, Антонинъ, Маркъ-Аврелій держатъ себя, такимъ образомъ, въ отношеніи іудейства и христіанства съ особаго рода высокомѣрною отчужденностью. Они ихъ игнорируютъ и нисколько не заботятся, чтобы ихъ узнать и изучить. Тацитъ, пишущій свою исторію для большаго свѣта римскаго общества, когда касается іудеевъ, говорить объ нихъ какъ объ экзотическомъ курьезѣ, совершенно неизвѣстномъ тѣмъ, къ кому онъ обращается, и его ошибочныя понятія — изумляютъ насъ. Исключительная вѣра этихъ благородныхъ умовъ въ силу и могущество римской дисциплины заставляеть ихъ относиться безпечно къ ученію, которое имъ кажется страннымъ и абсурднымъ.

Только съ чувствомъ уваженія можетъ относиться исторія къ этимъ безусловно честнымъ и мужественнымъ политическимъ дѣятелямъ, вытащившимъ древній міръ изъ той грязи, въ которую ввергли его послѣдніе потомки Юлія и Флавія; имъ присущи были недостатки и несовершенства, но они вытекали, какъ естественное слѣдствіе, изъ ихъ органическихъ свойствъ. Это были, прежде всего, аристократы, люди традицій, предразсудковъ, родъ англійскихъ тори, черпавшихъ свою силу въ своихъ собственныхъ предразсудкахъ. Они были римлянами до глубины души. Глубоко убѣжденные, что тотъ кто не богатъ и происхожденія не благороднаго не можетъ быть честнымъ человекомъ, они не находили въ себѣ никакаго расположенія къ чуждымъ для нихъ доктринамъ, къ которымъ Флавіи, типъ людей по натурѣ болѣе буржуазный, не смогли преодолѣть своего влеченія. Все, что ихъ окружало, все то общество, которое достигло вмѣстѣ съ ними власти, Тацитъ, Плиній, все было проникнуто одинаковымъ презрѣніемъ къ этимъ ученіямъ варваровъ. Въ продолженіе всего II-го вѣка между официальнымъ міромъ Рима и христіанствомъ, казалось, какъ будто вырытъ громадный ровъ, раздѣляющій ихъ. Всѣ четыре великихъ и добрыхъ императора относятся къ христіанству съ самою откровенною враждебностью, и если мы встрѣчаемъ вновь «христіанъ изъ дома Цезаря», подобно тому, какъ это было во времена Клавдія, Нерона и Флавіевъ, то только въ царствованіе чудовищнаго Коммода. Недостатки этихъ четырехъ добродѣтельныхъ императоровъ тѣ же, что присущи были всѣмъ римлянамъ: излишняя вѣра въ латинскую традицію, прискорбное упорство не признавать ничего почтеннаго внѣ Рима, чрезмѣрно-гордое и суровое отношеніе ко всѣмъ малымъ, бѣднымъ, чуже-

страннымъ, къ сирійцамъ, ко всѣмъ тѣмъ, вообще, Августъ имѣлъ обыкновеніе называть пренебрежительно «Греками», и которымъ онъ дозволяетъ себѣ льстить, запрещая это, въ то же время, италійцамъ. Эти «презрѣнные» въ послѣдствіи вознаграждаютъ себя, впрочемъ, за это доказавъ, что и у нихъ тоже есть свое благородство, и что они точно также не чужды добродѣтелей.

Вопросъ о свободѣ былъ поставленъ въ это время такъ, какъ онъ не ставился никогда, ни въ одной изъ античныхъ республикъ. Древній городъ, представлявшій изъ себя умноженную семью, могъ исповѣдывать только одну религію, религію этого города; и такого рода религія почти всегда заключала въ себѣ культъ его миѣическихъ основателей, такъ сказать, идею этаго самаго города. Тотъ, кто не исповѣдывалъ ее, подвергался изгانیю изъ города. Подобная религія была совершенно логичной, когда являлась нетерпимою. И Александръ оказался безразсуднымъ, а Антиохій Елифанскій—еще въ большей степени, когда они вздумали начать преслѣдованіе въ пользу какого-то частнаго культа, такъ какъ государства ихъ, созданныя побѣдами, сложились изъ разныхъ городовъ, имѣвшихъ каждый свой собственный культъ и утратившихъ только свое политическое, независимое состояніе. Цезарь это понималъ своимъ чудеснымъ яснымъ умомъ. Затѣмъ уже узкая идея о римскомъ городѣ беретъ снова верхъ и проявляется хотя слабо и съ короткими перерывами въ 1-мъ вѣкѣ, но за то во 2-мъ вѣкѣ она сказывается съ гораздо большею послѣдовательностью. Уже, во времена Тиверія, является нѣкій Валерій Максимъ, составитель весьма посредственныхъ книженокъ, съ подкладкою довольно непорядочнаго чловѣка, и который проповѣдуетъ религію тономъ убѣжденія, вызывающимъ удивленіе. Мы видимъ также Доми-

ціана оказывающаго, съ своей стороны сильнѣйшее благоволеніе и покровительство латинскому культу и пытающагося создать нѣчто въ родѣ единенія «престола съ алтаремъ».

Все это творилось въ силу того же самаго аналогичнаго чувства, которое привязываетъ въ наши дни толпы людей къ католицизму, хотя и мало вѣрящихъ въ него, но убѣжденныхъ, что этотъ культъ есть религія всей Франціи. Марціалъ и Стацій, газетчики скандальной хроникки своего времени, которые въ глубинѣ души своей навѣрное оплакивали прекрасные былые дни Нерона, превращаются вдругъ въ людей серьезныхъ, набожныхъ, рукоплещущихъ цензурѣ нравовъ и проповѣдующихъ уваженіе къ власти. Кризисы социальныя и политическія отличаются обыкновенно, именно, тѣмъ, что вызываютъ подобнаго рода реакцію. Общество, находящееся въ опасности, привязывается къ тому, къ чему только можетъ привязаться. Міръ, которому угрожаетъ опасность, сторонится, цѣпляется; убѣжденный, что всякая новая мысль, влечетъ къ гибели, онъ дѣлается робокъ и сдерживаетъ нѣкоторымъ образомъ свое дыханіе; онъ страшится всякаго движенія, ибо боится, чтобы оно не разшатало его хрупкаго зданія, которое ему служить убѣжищемъ.

Траянъ и его переемники всячески остерегались отъ повторенія тѣхъ печальныхъ крайностей мрачнаго лицемѣрія, которое охарактеризовало царствованіе Домиціана. И однако, въ отношеніи религіи, государи эти и все, что ихъ обружало, обнаружили себя крайне консервативными. Всѣ видѣли спасеніе единственно только въ старинномъ римскомъ духѣ. Даже такой философъ, какъ Маркъ-Аврелій, нисколько не былъ свободенъ отъ этихъ суевѣрій и строжайшимъ образомъ наблюдалъ за оффиціальною религіею.

Среди салійскаго братства едва-ли нашелся бы членъ, отличающійся большею точностью въ этомъ отношеніи. Онъ всѣми силами старался походить на Нуму, отъ котораго онъ утверждалъ, что происходитъ, и поддерживалъ поэтому съ необыкновенною строгостью законы, которыми возбранялись иноземныя религіи. Благочестіе наканунѣ смерти! Тотъ день, когда люди всего болѣе начинаютъ цѣпляться за воспоминанія такого рода, есть, именно, начало капитальнѣйшаго отъ нихъ уклоненія. Не страстное ли мечтаніе о св. Людовикѣ и претензія связать себя съ Хлодвигомъ и Карломъ Великимъ — были причиною всѣхъ золъ для дома Бурбоновъ?

Къ этому сильному чувству предпочтенія, съ которымъ великіе императоры II-го вѣка бросились къ національному культу, у нихъ присоединялось еще чувство опасенія и боязни, внушаемое гетеріями, *coetus illiciti* или различными ассоціаціями, существовавшими въ городахъ, чтобъ онѣ не превратились въ тайныя, противугосударственныя сообщества. Подозрительнымъ казался въ то время простой отрядъ пожарныхъ. Слишкомъ большое присутствіе числа гостей на семейномъ праздникѣ возбуждало безпокойство среди правительственныхъ органовъ. Траянъ хотѣлъ даже, чтобъ число приглашенныхъ всегда было строго ограничено и поименно. Даже на учрежденіе ассоціацій *ad sustinendam tenuiorum inopiam* выдавалось разрѣшеніе только такимъ городамъ, которые имѣли на это право въ силу особенныхъ хартій. Въ этомъ направленіи, Траянъ былъ вѣренъ общей традиціи всѣхъ великихъ императоровъ, начиная съ Цезаря. Нельзя думать, чтобы такія мѣры могли казаться необходимыми людямъ столь крупнаго ума, еслибъ, въ дѣйствительности, онѣ не оправдывались обстоятельствами. Но

административный духъ II-го вѣка дошелъ до крайностей. вмѣсто того, чтобъ принимать на себя роль общественнаго благотворителя, какъ начало поступать государство, сколь было-бы лучше предоставить это дѣло свободнымъ ассоціациямъ! Со всѣхъ сторонъ сказывалось стремленіе къ созданію такихъ ассоціцій; государство-же относилось къ нимъ со всею строгостью и полнѣйшею несправедливостью. Оно жаждало спокойствія и отдыха, во что бы то ни стало; а между тѣмъ, когда власть основываетъ свое спокойствіе на гнетѣ частныхъ усилій, то такое спокойствіе оказывается для общества болѣе вреднымъ, нежели даже самыя смуты, предупредить которыя воображаютъ посредствомъ принесенія въ жертву всякаго проявленія свободы.

Въ этомъ заключается объяснительная причина того феноменальнаго явленія, съ виду кажущагося страннымъ, что во время мудраго управленія великихъ императоровъ II-го вѣка, положеніе христіанства оказалось, въ дѣйствительности, гораздо худшимъ, нежели тогда, когда злодѣи I-го вѣка наносили ему жестокіе удары. Насилія Нерона и Домиціана продолжались только нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ; они являлись съ ихъ стороны или актами преходящаго звѣрства или притѣсненія, — и были не болѣе, какъ плодъ сумасбродной и мрачной политики. Въ періодъ времени, истекающемъ съ самаго начала появленія христіанства до вступленія на престолъ Траяна, не встрѣчается ни одного случая, когда издавались бы противъ христіанъ законы, низводящіе ихъ на степень преступниковъ. Законоположеніе о недозволенныхъ школахъ уже существовало отчасти, но оно не примѣнялось еще съ такою строгостью, какъ это начнетъ дѣлаться впоследствии. Напротивъ того, режимъ наи-

законнѣйшій, но строго-правительственный (какъ это принято говорить теперь) императоровъ Траяна, Антонина окажется для христіанства болѣе притѣснительнымъ и давящимъ, чѣмъ злоба и ярость тирановъ. Эги великіе охранители римской жизни, не безъ основанія, должны были усмотрѣть серьезную опасность, угрожающую имперіи въ твердой вѣрѣ христіанъ въ царствіе Божіе, являющей обратной стороною жизни существовавшаго общества. Теократическій элементъ, лежащій въ основаніи іудейства и христіанства страшитъ ихъ всего болѣе. Хотя неясно, но вполнѣ вѣрно, они усматривали въ немъ то, что послѣ нихъ увидѣли съ большею очевидностью всѣ эти Деціи, Авреліаны, Діоклеціаны, реставраторы разваливающейся имперіи III-го вѣка, что имъ приходится выбирать между имперією и церковью, а полная свобода церкви, между тѣмъ, есть неизбѣжная кончина Имперіи. Они борятся, но борятся по обязанности; они допускаютъ примѣненіе жестокаго закона потому, что имъ обусловливается существованіе современнаго имъ общества. Такимъ образомъ теперь также далеко было до соглашенія съ христіанствомъ, какъ и во времена Нерона и Флавіевъ. Политическіе умы чувствовали опасность и потому держались отъ него въ сторонѣ. Стоицизмъ сталъ жестокъ; міръ уже не принадлежалъ душамъ вѣрнымъ, полнымъ женственныхъ чувствъ, подобно Виргилію. Ученикамъ Іисуса приходится теперь имѣть дѣло съ людьми твердаго, закаленнаго характера, доктринерами непоколебимыми, глубоко увѣренными въ своей правотѣ, способными быть систематически и послѣдовательно жестокими, ибо въ оправданіе своихъ дѣйствій они ссылаются исключительно на цѣли государственнаго блага и говорятъ себѣ при этомъ съ непоко-

лебимую нѣжностью: «Что бесполезно для цѣлаго роя пчель, то тѣмъ болѣе бесполезно и для каждой пчелы въ отдѣльности».

Конечно, съ точки зрѣнія присущихъ намъ идей, Траянъ, Маркъ Аврелій поступали бы гораздо лучше, еслибъ оказались вполне либеральными людьми, всецѣло допустившими свободу ассоціацій, признавъ за корпораціями право владѣнія (за исключеніемъ случаевъ схизмы), и дѣлежа между своими членами принадлежащаго корпораціи имущества, пропорціонально числу послѣдователей каждой партіи. Это послѣднее условіе было бы совершенно достаточнымъ для устраненія всякаго рода опасностей. Уже, начиная съ III-го вѣка, имперія поддерживаетъ и сохраняетъ единство организаціи церкви установленіемъ правила, въ силу котораго дѣйствительнымъ епископомъ cadaго города признается только тотъ, кто признается таковымъ епископомъ, находящимся въ Римѣ и пребываетъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. И чтобы произошло безъ этого въ IV вѣкѣ среди этихъ ужасныхъ междоусобій, вызванныхъ аріанскимъ ученіемъ? Безчисленные и непоправимые расколы и отдѣленія. Сначала императоры, а потомъ цари варваровъ, одни были въ силахъ прекращать всѣ эти споры, разрѣшая вопросъ о томъ, кого считать истинно-вѣрующимъ, кого признавать епископомъ на основаніи каноническаго права. Корпораціи, лишеныя внутренней, органической связи съ государствомъ, никогда не въ состояніи представить ему особенной опасности, когда государство остается съ ними въ дѣйствительно нейтральномъ положеніи, и когда въ спорахъ, обращенныхъ къ нему по поводу владѣнія имуществомъ, оно строго держится правила дѣлить общественный капиталъ по разверсткѣ, со-

образно числу его членовъ. Благодаря этому правилу, всѣ ассоціаціи, опасныя для общественнаго спокойствія, распадутся; дѣлежъ превратитъ ихъ въ пыль. Одна государственная власть только въ состояніи прекращать схизмы въ собраніяхъ такого рода; нейтральное отношеніе къ нимъ государства дѣлаетъ ихъ неисцѣлимыми. Либеральная система есть вѣрнѣйшій образъ дѣйствій для уничтоженія слишкомъ могущественныхъ ассоціацій людей. Насъ научилъ этому многовѣковой опытъ. Но Траянъ и Маркъ-Аврелій не могли этого знать. Ихъ ошибки въ этомъ случаѣ, какъ и въ многихъ другихъ, гдѣ мы находимъ ихъ законодательный трудъ недостаточнымъ и несовершеннымъ, были ошибками времени, избѣгать которыя возможно было только послѣдующимъ вѣкамъ.

Преслѣдованіе, какъ состояніе непрекращающееся, постоянное, — вотъ, можно сказать, резюме той новой эры, которая открывается съ этихъ поръ для христіанства. Думали даже, что существовалъ спеціальнѣйшій эдиктъ, начинавшійся такъ: «Non licet esse christianos, и который, будто-бы, служилъ основаніемъ для всѣхъ гоненій, которыя только предпринимались противъ христіанъ. Это очень возможно; но въ предположеніи такомъ нѣтъ никакой особенной надобности. По одному факту своего существованія, христіане представляли собой уже нарушеніе законовъ объ ассоціаціяхъ. Они обвинялись въ святотатствѣ, въ оскорбленіи величества, въ ночныхъ собраніяхъ. Христіане не могли воздавать императору почестей, которыя каждый вѣрный подданный обязанъ былъ ему оказывать. А оскорбленіе величества, между тѣмъ, наказывалось наихвосточайшими казнями; кто бы ни обвинялся въ этомъ преступленіи, никто не былъ

изъять отъ пытки. И, кромѣ того, еще существовала цѣлая категория, *flagitia pomini cohærentia*, темныхъ преступлений, не нуждавшихся ни въ какихъ доказательствахъ, которыхъ одно уже имя христіанина дозволяло предполагать *a priori*, и которыя влекли за собой квалификацію *hostis publicus*. Противъ этого рода преступленій каждый могъ начинать преслѣдованіе добровольно. Такимъ въ особенности обвиненіемъ было обвиненіе въ поджогѣ, безпрестанно вызывавшееся воспоминаніями о 64 г. и той настойчивостью, съ которою разные апокалипсисы распространяли мысль о всеобщемъ окончательномъ пожарищѣ. Ко всему этому присоединялось еще постоянное заподозриваніе христіанъ въ тайныхъ, скрытыхъ преступленіяхъ, въ ночныхъ сборищахъ, въ преступныхъ соблазнахъ женъ, дѣвушекъ и дѣтей. Отсюда остается одинъ уже шагъ до того, чтобы считать христіанъ способными на всякаго рода преступленія и приписывать имъ всякія дурныя дѣла, и толпа народная переступала этотъ шагъ ежедневно, съ большею ревностью, чѣмъ это дѣлала даже магистратура.

Если прибавить къ этому страшнѣйшій произволь, предоставленный судьямъ, въ особенности, въ дѣлѣ выбора наказаній, то станетъ ясно тогда, какимъ образомъ могла создаться, при отсутствіи даже исключительныхъ законовъ, какого-либо спеціальнаго законодательства, страшная картина, которую представляетъ намъ римская исторія въ свои лучшія историческія эпохи. Законъ примѣняется съ большею или меньшею строгостью; но онъ остается, все-таки закономъ. Такой порядокъ вещей продолжается, какъ легкая перемежающаяся лихорадка, въ теченіи всего II вѣка, съ интервалами, доходящими то до сильнаго ожесточенія, то до значительнаго ослаб-

ленія въ III вѣкѣ. Въ первыхъ годахъ IV вѣка, онѣ выражается вдругъ ужаснѣйшимъ взрывомъ и, наконецъ, заканчивается совершенно въ 313 г. Миланскомъ эдиктомъ. Каждое пробужденіе римскаго духа служитъ къ усиленію гоненій. Гонителями являются всѣ тѣ императоры, которые въ разные періоды III вѣка совершаютъ попытки къ поднятію имперіи. Терпимостью въ отношеніи христіанства отличаются такіе императоры, какъ Александръ Северъ, Филиппъ, въ жилахъ которыхъ течетъ не римская кровь и которые потому приносятъ въ жертву восточнаго космополитизма всѣ латинскія традиціи.

«Почитай божество, сообразно обычаямъ родины, вездѣ и во всемъ, и заставляй почитать другихъ. Презирай и наказуй сторонниковъ иноземныхъ обрядовъ, не только по чувству уваженія къ своимъ богамъ, но болѣе всего потому, что тѣ, которые пытаются вводить поклоненія новымъ божествамъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ вкусъ къ иноземнымъ обычаямъ, а это влечетъ неизбежно къ образованію преступныхъ заговоровъ, коалиціи, ассоціацій, всего того, что отнюдь не согласуется съ началами монархіи. Тѣмъ болѣе не позволяй никому исповѣдывать ни атеизмъ, ни заниматься магіей. Гаданіе есть вещь необходимая, и потому указывай на оффиціально извѣстныхъ авгуровъ и аруспиціевъ, къ которымъ могутъ обращаться тѣ, кому нужно съ ними посоветоваться; но нельзя позволять заниматься магіей каждому свободно; ибо люди, занимающіеся такимъ дѣломъ, примѣшавъ немного правды къ массѣ лжи, могутъ натолкнуть этимъ гражданъ на возмущенія. Все сказанное вполне приложимо ко многимъ изъ тѣхъ, которые называютъ себя филосогами; остерегайся ихъ; нѣтъ зла, котораго они не могли бы причинить народу и каждому частному лицу».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ резюмировалъ религиозную политику Антониновъ, государственный человѣкъ, принадлежавшій самъ къ поколѣнію современному имъ. Совершенно также, въ эпохи, болѣе близкія намъ, государство овладѣло народнымъ суевѣріемъ для его урегулированія, считая это, съ своей стороны, актомъ высшей политической ловкости. Этимъ-же самымъ правомъ пользовались по уполномочію и муниципіи. Религія была низведена на степень простаго полицейскаго дѣла. Система абсолютнаго уничтоженія, при которой всякое движеніе было подавлено, всякое проявленіе личности считалось за нѣчто опасное, — каждый изолированный индивидуумъ, не связанный съ другими людьми общими религиозными узами, представлялся-бы не болѣе, какъ какимъ-то оффиціальнымъ существомъ, поставленнымъ, съ одной стороны, между семьей, доведенной до крохотныхъ размѣровъ, и, съ другой стороны, государствомъ, которое было слишкомъ велико и обширно, чтобъ считаться родиной, быть способнымъ вліять на образованіе ума и заставлятъ биться сердце такого человѣка, — вотъ каковъ былъ идеаль, о которомъ мечтало то время. Все, что казалось способнымъ вліять на умы людей, вызывать волненія, считалось преступнымъ и предупреждалось либо казнью, либо изгнаніемъ. И вотъ такимъ-то, именно, путемъ убита была римскою имперіею античная жизнь, убита душа, убита наука, и создана цѣлая школа умовъ, тяжелыхъ и ограниченныхъ, политиковъ узкихъ, которые, воображая такимъ образомъ остановить развитіе силы суевѣрія въ массѣ, въ дѣйствительности, привели тодько къ побѣдѣ теократіи.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы вернуться къ вѣрѣ, о которой болѣе ни-

кто не помышлялъ, — было сильнѣйшее умственное ослабленіе общества. Какой-то характеръ банальности и пустоты распространился на всѣ тогдашнія вѣрованія, отнявъ у нихъ всякій серьезный смыслъ. Свободные мыслители, считавшіеся сначала безчисленными въ 1-мъ вѣкѣ, до рожденія Иисуса Христа и послѣ смерти Его, мало-помалу уменьшаются и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ. Теряется свободный тонъ рѣчи въ великой латинской литературѣ и замѣняется какимъ-то тяжелымъ легковѣріемъ. Наука гаснетъ со дня на день. Можно сказать, что со времени смерти Сенеки не остается уже болѣе ни одного ученаго, принадлежащаго вполне къ рационалистической школѣ. Старшій Плиній сохраняетъ еще любознательность, но за то лишенъ вполне критическаго анализа. Тацитъ, Плиній Младшій, Светоній избѣгаютъ высказывать свои мнѣнія по поводу безсмысленности и суетности всѣхъ этихъ смѣшныхъ измышленій. Плиній Младшій вѣритъ въ ребяческіе рассказы о привидѣніяхъ. Эпиктетъ требуетъ поклоненія установленному культу. Даже такой легкомысленный писатель, какъ Апулей, когда рѣчь заходитъ о богахъ, считаетъ для себя обязательнымъ впасть въ тонъ наистрожайшаго консерватора. Единственный только человѣкъ, жившій около середины этого столѣтія, кажется вполне свободнымъ отъ вѣры въ сверхъестественное, — это Лукіанъ. Научный умъ, являющій собою отрицаніе всего сверхъестественнаго, кажется, составляетъ въ это время принадлежность только весьма малаго числа людей; предразсудокъ наводняетъ всюду и обезсиливаетъ у всѣхъ разумъ.

Въ то самое время, какъ религія развращала философію, философія искала кажущагося примиренія съ элементомъ сверхъестественности. Глупѣйшее и пустѣйшее

теозофическое ученіе, съ примѣсю разнаго рода обмана, входитъ въ моду. Близко уже время, когда Апулей начнетъ называть философовъ «священнослужителями всѣхъ существующихъ боговъ». Александръ изъ Абонотики явится создателемъ новаго культа, окруженнаго чудесами жонглерскаго искусства. Религіозное шарлатанство и чудотворство, скрашенное фальшивымъ блескомъ философскаго ученія играетъ первую роль. Первый примѣръ этого являетъ собой Аполлоній Тианскій, хотя, въ сущности говоря, про него весьма трудно сказать, чѣмъ была эта странная личность въ дѣйствительности. Позднѣе изъ него пытались сдѣлать человѣка съ божественнымъ откровеніемъ, нѣчто въ родѣ философа-полубога. Вотъ до чего было быстро паденіе человѣческаго ума, когда какой-нибудь бездѣльный фокусникъ, который во времена Траяна могъ-бы пользоваться успѣхомъ только въ толпѣ малоазіатскихъ зѣваекъ, сто лѣтъ спустя превратился, благодаря писателямъ безъ стыда и совѣсти, пользовавшимся имъ для забавы окончательно погрязшей въ легковѣріи публики, въ личность особенную, необычайную, въ какое-то божественное воплощеніе и котораго даже осмѣливались сравнивать съ Иисусомъ.

Народное образованіе пользовалось гораздо большимъ вниманіемъ со стороны императоровъ, нежели во времена Цезаря и даже самихъ Флавіевъ; но это образованіе ограничивалось одной литературной стороною; великое же дѣло дисциплированія ума, возможное только при исключительно серьезномъ преподаваніи науки, извлекало мало пользы изъ существовавшихъ каеэдръ. Философія пользовалась спеціальнымъ покровительствомъ Антонина и Марка-Аврелія; но если понимать философію, какъ высшую цѣль жизни, какъ резюме всего существую-

щаго, то такая философская наука отнюдь не могла быть преподаваема самимъ государствомъ. Во всякомъ случаѣ, существовавшее образованіе касалось народа весьма слабо. Это было нѣчто абстрактное и настолько высокое, что превышало его уровень пониманія и, такъ какъ, съ другой стороны, храмъ, въ свою очередь, не давалъ ровно ничего въ смыслѣ того нравственнаго воспитанія, отъ котораго немного позднѣе освобождала и церковь, то изъ этого выходило, что низшіе классы народа коснѣли въ самомъ печальномъ забвеніи. Изъ всего этого еще не вытекаетъ по отношенію къ великимъ императорамъ ровно никакого упрека за то, что они не смогли осуществить успѣшно невозможную задачу: спасти древнюю цивилизацію. У нихъ не достало на то времени. Однажды вечеромъ, послѣ того, какъ Марку-Аврелію пришлось выдержать въ теченіи дня цѣлую осаду разныхъ декламаторовъ, обѣщавшихъ ему безконечную славу, если онъ только обратитъ весь міръ къ философіи, Маркъ-Аврелій занесъ на свою записную табличку слѣдующаго рода размышленіе, предназначенное лично для него самого: «Міровое дѣло есть ураганъ, увлекающій за собой все. Сколь наивны тѣ политическіе умы, которые воображаютъ, что дѣлами человѣческими можно управлять на основаніи философскихъ максимъ! Это не болѣе, какъ дѣти... Не надѣйся, чтобы когда-либо была возможна республика Платона; довольствуйся маленькими улучшеніями, и если ты успѣешь въ нихъ, не считай это малымъ дѣломъ. Кто въ силахъ по своему измѣнить внутреннее расположеніе людей? А когда нельзя переделывать сердца и убѣжденія людей, то къ чему послужить все остальное? Ты создашь только рабовъ и лицемѣровъ... Трудъ философіи — задача болѣе простая и скромная;

прочъ, поэтому, отъ насъ — эта претензiонная галитателъ.
Истинно честный человекъ!

Въ концѣ концовъ, не смотря на всѣ свои недостатки, это общество прогрессивало. Былъ упадокъ умственный, но было также улучшенiе нравственное, какое мы, на-примѣръ, видимъ, какъ кажется, въ наши дни, въ высшихъ слояхъ французскаго общества. Идеи о благотворительности, о помощи бѣднымъ, отвращенiе къ зрѣлищамъ — развивались со всѣхъ сторонъ. И до тѣхъ поръ, пока эти великiя идеи руководили судьбами имперiи, т. е. до конца смерти Марка-Аврелiя, христіанство, казалось, было сдержано въ своемъ развитiи. И напротивъ того, въ III-мъ вѣкѣ, когда были забыты великiя максимы Антониновъ, оно устремилось впередъ непреодолимымъ потокомъ. Мы сказали, что Нерва, Траянъ, Адрианъ, Антонинъ, Маркъ-Аврелiй продолжили жизнь имперiи на цѣлыхъ сто лѣтъ; можно также сказать, что они замедлили торжество христіанства на цѣлое столѣтiе. Прогрессивное развитiе, которому слѣдовало христіанство въ I-мъ и въ III-мъ вѣкѣ, это шаги гиганта, по сравненiю съ успѣхомъ, который ему выпалъ во II-мъ вѣкѣ. Во II-мъ вѣкѣ, христіанство имѣло передъ собой сильнѣйшаго конкуррента, въ образѣ практической философи, работавшей рациональнымъ образомъ надъ улучшенiемъ человѣческаго общества. Начиная уже съ Коммода, индивидуальный эгоизмъ и то, что можно назвать эгоизмомъ государственнымъ, не оставляетъ для идеальныхъ стремленiй нигдѣ болѣе мѣста, какъ только въ лонѣ церкви. Съ этихъ поръ церковь дѣлается единственнымъ убѣжищемъ для жизни сердца и души; а немного времени спустя въ ней сосредоточится, равнымъ образомъ, жизнь гражданская и жизнь политическая.

Конецъ царствованія Траяна и возстаніе евреевъ.

Траянъ, побѣдитель Даковъ, побѣдоносный триумфаторъ, достигшій самой высшей степени могущества, до какой могъ подняться только человѣкъ въ то время, не взирая на свои шестидесять лѣтъ, продолжалъ питать въ себѣ безграничныя замыслы по отношенію къ Востоку. Границы имперіи со стороны Сиріи и Малой Азіи были еще недостаточно обезпечены. Недавнее разрушеніе царства набатейцевъ отодвинуло на цѣлыя вѣка опасность, которою могли угрожать арабы. Но за то армянское царство, хотя и находившееся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ римлянамъ, безпрестанно склонялось къ союзу съ парянами. Во время войны съ даками, Арсакидія поддерживала сношенія съ Децебаломъ. Господствуя-же надъ Месопотаміей, имперія парянская угрожала Антиохіи и представляла собой вѣчную опасность для тѣхъ провинцій, которыя были не въ состояніи сами себя защитить. Военная экспедиція, поэтому, на Востокъ, съ цѣлію окончательнаго присоединенія къ имперіи Арменіи, Озроэна, Мигдонія, странъ, которыя, въ дѣйствительности, уже принадлежали ей со временъ походовъ Луціуса Вера

и Септима Севера, были видимо дѣломъ основательнымъ. Но, въ несчастію, Траянъ не имѣлъ достаточно яснаго представленія о положеніи Востока. Онъ упустилъ изъ виду, что за предѣлами Сиріи, Арменіи и сѣверной части Месопотаміи, изъ которыхъ легко могъ быть образованъ живой валъ для ограды западной цивилизаціи, — разсти-
ляется еще старый Востокъ, всегда открытый для втор-
женія номадовъ, гдѣ рядомъ съ городами живутъ безпо-
койныя племена, дѣлающія невозможнымъ установленіе
порядка на манеръ европейскій. Этотъ то Востокъ цивили-
зація никогда не была въ состояніи покорить себѣ
прочнымъ образомъ; даже Греція тутъ царствовала вре-
менно. Выкраивать, стало быть, римскія провинціи изъ
этого міра, совершенно чуждаго и по климату, и по пле-
менамъ, его населявшимъ, и по складу своей жизни отъ
того, что усвоилъ себѣ Римъ, было химерическою мечтою.
Имперія, нуждавшаяся во всѣхъ своихъ силахъ противъ
германскаго напора на берегахъ Рейна и Дуная, подго-
товляла себѣ, въ то же время, такимъ образомъ не менѣе
трудную борьбу и на берегахъ Тигра, ибо, допустивъ
даже, что Тигръ на всемъ протяженіи своемъ сдѣлался-
бы дѣйствительно пограничною рѣкою, Римъ, все-таки,
не нашель-бы за этимъ громаднымъ рвомъ опоры солид-
наго населенія Запада-галловъ и германцевъ. И вотъ
потому-то, что Траянъ не уяснилъ себѣ этого предвари-
тельно, онъ впалъ въ ошибку, совершенно подобную той,
которую совершилъ въ 1812 г. Наполеонъ. Его экспеди-
ція противъ персѣвъ вполне аналогична съ походомъ
Наполеона противъ Россіи. Превосходно скомбинирован-
ная, эта экспедиція ознаменовалась вначалѣ цѣлою серією
побѣдъ, но потомъ она превратилась въ ужасную борьбу
противъ природы и закончилась, наконецъ, отступленіемъ,

набросившимъ мрачную тѣнь на конецъ царствованія, которое было столь блестящимъ.

Въ октябрѣ 113 г., Траянъ покинулъ Италію, которую ему не суждено было уже увидать вновь. Зимніе мѣсяцы онъ провелъ въ Антиохіи и весною 114 г. онъ началъ походъ противъ Арменіи. Результатъ этого похода былъ изумителенъ: въ сентябрѣ Арменія была превращена въ римскую провинцію; границы имперіи простирались до Кавказа и Каспійскаго моря. Слѣдующую зиму Траянъ отдыхалъ также въ Антиохіи.

Результаты 115 г. оказались не менѣе необычайными. Сѣверная Месопотамія со всѣми своими маленькими княжествами, болѣе или менѣе независимыми, была покорена или подчинена: Тигръ былъ достигнутъ. Въ этихъ странахъ евреи были многочисленны. Династія Изатовъ и Монобазовъ, оставаясь вассаломъ парянъ, владѣла Низибіей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и на этотъ разъ, какъ въ 70 г., они оказали-бы отпоръ римлянамъ. Но пришлось склониться. Слѣдующую еще зиму Траянъ опять провелъ въ Антиохіи, гдѣ 13-го декабря онъ едва не погибъ жертвою ужаснѣйшаго землетрясенія, разрушившаго городъ; отъ смерти онъ спасся цѣною только страшныхъ усилій.

116 годъ былъ свидѣтелемъ настоящихъ чудесъ, такъ что можно было вообразить себя живущимъ въ эпоху Александра. Не взирая на упорное сопротивленіе, обязанное, безъ сомнѣнія, въ значительной степени еврейскому элементу, Траянъ покорилъ Адиабану, лежавшую по ту сторону Тигра. Тутъ-то и надлежало ему остановиться. Слѣдуя же своей судьбѣ до конца, Траянъ врѣзался въ самое сердце парянской имперіи. Стратегія парянъ была та же, что и у русскихъ въ 1813 г.: она заключа-

лась въ томъ, чтобы не обнаруживать сначала никакого сопротивленія. Безъ малѣйшихъ препятствій Траянъ дошелъ до Вавилона, овладѣлъ Ктезифономъ, западной столицей имперіи, оттуда спустился по Тигру до Персидскаго залива и узрѣвъ, наконецъ, тѣ далекія воды, которыя представлялись всегда воображенію римлянъ какъ обаятельная мечта, вернулся въ Вавилонъ. Тутъ уже начали собираться на горизонтѣ черныя тучи. Къ концу 116 г., находясь въ Вавилонѣ, Траянъ получилъ извѣстіе о вспыхнувшемъ позади его возстаніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этомъ возстаніи евреямъ принадлежитъ большая доля участія. Въ вавилонскомъ царствѣ они были многочисленны. Сношенія между евреями; обитавшими въ Палестинѣ и тѣми, что жили въ Вавилоніи, были постоянны; ихъ книжники переходили изъ одной страны въ другую съ большою легкостью. Обширное тайное сообщество, ускользавшее отъ всякаго наблюденія и надзора, пользовалось, такимъ образомъ, самымъ дѣятельнымъ способомъ для политической пропаганды. Подавленіе этого опаснаго движенія Траянъ поручилъ Лузію Квіэту, начальнику берберійской кавалеріи, поступившему вмѣстѣ съ своимъ *coopt*'омъ на службу къ римлянамъ и оказавшему во время этихъ парѳянскихъ войнъ величайшія имъ услуги. Квіэтъ овладѣлъ снова Низибіею, Эдессомъ, но Траянъ начиналъ уже самъ убѣждаться въ невозможности успѣха начатаго имъ предпріятія; онъ помышлялъ уже о возвращеніи.

Одно за другимъ къ нему доходили печальныя извѣстія. Евреи повсемѣстно поднимали знамя возстанія. Страшнѣйшіе ужасы, не имѣющіе даже себѣ названія, совершались въ Киренаикѣ. Озлобленіе евреевъ дошло до крайней степени, никогда невиданной до тѣхъ поръ.

Этот несчастный народъ, казалось, снова потерялъ совершенно голову. Потому-ли, что въ Африкѣ уже существовало предчувствіе, что судьба Траяна должна повернуться обратно, или потому, что еврейство киренійское, самое фанатическое изъ всѣхъ существовавшихъ, вообразило, на основаніи предсказаній какихъ-либо пророковъ, что насталъ часъ мести надъ язычниками и что приспѣло время приступить къ тѣмъ истребленіямъ, которыя должны предшествовать явленію Мессіи, но только всѣ евреи пришли въ страшнѣйшее движеніе, словно они были охвачены какою-то демоническою силою. Это было не столько возстаніе, сколько поголовное избіеніе, отличавшееся самою ужасающею жестокостью. Имѣя во главѣ нѣкоего Лукову, пользовавшагося среди своихъ сторонниковъ титуломъ царя, обѣзумѣвшіе евреи принялись за избіеніе грековъ и римлянъ, питаясь въ то же время мясомъ тѣхъ, кого они убивали, дѣлая себѣ пояса изъ ихъ кишекъ, натирая себя кровью своихъ жертвъ и сдирая съ нихъ кожу, сами облекались въ нее. Бѣшенство нѣкоторыхъ доходило до того, что они распиливали несчастныхъ пополамъ, съ головы до ногъ. Въ другихъ мѣстахъ возставшіе евреи, какъ-бы въ воспоминаніе прежде перенесенныхъ ими самими страданій, предавали язычниковъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, заставляя ихъ взаимно убивать себя, подобно гладіаторамъ. Число умерщвленныхъ такимъ образомъ киренейцевъ, высчитывается до двухъсотъ двадцати тысячъ. Это было почти все населеніе страны; провинція обратилась въ пустыню. Адріанъ, чтобы заселить ее вновь, принужденъ былъ привести колонистовъ изъ другихъ мѣстностей, но страна уже никогда не была въ состояніи вернуться къ тому цвѣтущему состоянію, которымъ она обязана была Грекамъ.

Изъ Киренаиды кровавая эпидемія убійствъ проникла въ Египетъ и на островъ Кипръ. Подъ предводительствомъ нѣкоего Артеміона, фанатики разрушили городъ Саламинъ и истребили въ немъ все населеніе цѣликомъ. Число умерщвленныхъ кипріотовъ простиралось до двухсотъ сорока тысячъ. Такъ велико было чувство озлобленія, вызванное подобными жестокостями, что кипріоты приговорили потомъ евреевъ къ вѣчному изгнанію съ острова; всякій еврей, выброшенный какою-либо несчастною судьбою на берегъ острова, немедленно предавался смертной казни.

Въ Египтѣ возстаніе евреевъ приняло размѣры настоящей войны. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ возставшихъ. Лупусъ, префектъ египетскій, долженъ былъ отступить. Тревога быстро распространялась по Александріи. Чтобы уврѣпиться, евреи разрушили храмъ Немезиды, воздвигнутый Цезаремъ въ честь Помпея. Греческое населеніе, однако, не безъ упорной борьбы, взяло, наконецъ, верхъ надъ возставшими. Всѣ Греки, населявшіе нижній Египетъ, укрылись въ городѣ вмѣстѣ съ Лупусомъ, обративъ его въ громадный уврѣпленный лагерь. И было уже пора, ибо киренейцы, предводительствуемые Луковою, приближались, для соединенія со своими александрійскими братьями, имѣя въ виду образовать съ ними вмѣстѣ одну воинственную армію. Но не встрѣтя поддержки въ своихъ александрійскихъ единовѣрцахъ, которые были всѣ или убиты или въ плѣну, киренейцы, подкрѣпляемые шайками мятежниковъ, прибывавшими къ нимъ изъ разныхъ частей Египта, рассыпались повсюду, грабя и умерщвляя все и всѣхъ, вплоть до самой Оиваиды.

Они старались всего болѣе захватывать чиновниковъ,

стремившихся укрыться въ прибрежныхъ городахъ: Александріи, Пелузѣ. Аппіанъ, будущій историкъ, тогда еще молодой человекъ, занимавшій въ Александріи, его родинѣ, муниципальную должность, едва не попалъ въ руки этихъ разсвирѣпѣвшихъ людей. Весь нижній Египетъ плавалъ въ крови. Бѣжавшіе язычники были преслѣдуемы, какъ дикіе звѣри; пустынные побережья около Суэскаго перешейка были полны скрывавшагося тамъ отъ преслѣдованія народа, пытавшагося путемъ разныхъ соглашеній съ арабами, избѣгнуть смерти.

Положеніе Траяна въ Вавилоніи становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Серьезнѣйшія затрудненія причиняли ему кочевыя племена арабовъ, заходившія глубоко въ мѣстность, лежавшую въ промежуткѣ двухъ рѣкъ. Непрístupная мѣстность Гатра, занятая однимъ воинственнымъ племенемъ, совершенно остановила его движеніе. Близъ лежащая мѣстность была пустынна, зловредна, безводна и безлѣсна, страдая отъ москитовъ и подвергалась ужаснѣйшимъ атмосферическимъ волненіямъ. Подъ вліяніемъ уязвленнаго чувства, Траянъ, безъ сомнѣнія, впалъ въ ошибку, желая уменьшить ея размеры. Онъ потерпѣлъ неудачу, подобно тому, какъ позднѣе это случилось съ Септимомъ Северомъ и Ардеширомъ Бабекомъ. Армія была ужасно истощена болѣзнями. Городъ служилъ центромъ величайшаго поклоненія солнечному культу и можно было думать, что самъ богъ вооружился для защиты своего храма; бури, неистово гремявшія надъ головами солдатъ въ минуту ихъ атакъ, распространяли ужасъ въ рядахъ арміи. Траянъ снялъ осаду, будучи самъ пораженъ болѣзнью, которая нѣсколько мѣсяцевъ спустя должна была свести его въ могилу. Отступленіе совершилось съ трудомъ и сопрово-

ждалось не малыми еще отдѣльными бѣдствіями и получіями.

Около апрѣля 117 г. императоръ уже вернулся въ Антиохію больной, опечаленный и раздраженный. Востокъ безъ борьбы побѣдилъ его. Всѣ тѣ, которые было склонили свои головы передъ побѣдителемъ, вновь ихъ подняли. Результаты трехлѣтняго похода, полного изумительной борьбы съ природой, были потеряны. Чтобы спасти свою репутацію непобѣдимаго полководца, Траянъ замышлялъ о возобновленіи похода. Какъ вдругъ полученные серьезныя извѣстія явились доказать ему, какія страшныя опасности таятся въ томъ положеніи, которое создали его послѣднія неудачи. Возстаніе евреевъ, ограничавшееся до тѣхъ поръ подъ Киренаидой и Египтомъ, грозило охватить собой и Палестину, и Сирію, и Месопотамію. Экзальтированные умы, находясь постоянно на сторожѣ желаннаго ослабленія римской имперіи, вообразили въ десятый разъ, что они видятъ передъ собой дѣйствительные признаки, предвозвѣщающіе имъ конецъ ненавистнаго надъ ними владычества. Возбуждаемые такими книгами, какъ книги Юдифъ и Апокалипсисъ Эдры, они думали, что день эдомскій, наконецъ, наступилъ. Тѣ самые крики радости, которые раздавались при извѣстіяхъ о смерти Нерона и Домиціана, раздались среди ихъ снова. Поколѣніе, совершившее великую революцію, почти совершенно уже исчезло; новое же не научилось еще ничему. Эти грубыя, упрямыя головы, но при этомъ полныя южной страстности, были совершенно неспособны расширить себѣ то узкое желѣзное кольцо, въ которое онѣ были заключены своею закоренѣлою психическою наслѣдственностью.

Что происходило въ это время въ Іудеѣ — неизвѣстно,

но не существуетъ также никакого свидѣтельства, чтобы какой-нибудь положительный актъ военнаго дѣйствія или убійства имѣлъ мѣсто въ этой странѣ. Адрианъ, правитель Сиріи, находился въ Антиохіи, гдѣ было его всегдашнее мѣстопробываніе, съ цѣлью, повидимому, поддержать порядокъ въ своей области. Книжники іабнейскіе были далеки отъ того, чтобы возбуждать умы къ возстанію; рачительнымъ соблюденіемъ Закона они указывали своимъ послѣдователямъ новый путь для достиженія душевнаго мира и спасенія. Въ ихъ рукахъ казуистика обратилась въ игрушку, которая, разумѣется, какъ всѣ игрушки, должна была сильно пріучить народъ къ терпѣнію. Что же касается Месопотаміи, то представлялось вполне естественнымъ, что среди населенія, едва только покореннаго, и которое, притомъ, годъ тому назадъ еще было возмущившимся, у котораго находились не только разсѣянные евреи, но цѣлыя вооруженныя еврейскія арміи, цѣлыя еврейскія династіи, возстаніе тотчасъ же вспыхнетъ послѣ пораженія передъ Гатрою, какъ только распространится слухъ о смерти Траяна. Кромѣ того, какъ кажется, для римлянъ было достаточно одного подозрѣнія, чтобы приступить къ жестокой расправѣ. Они опасались только того, какъ бы примѣръ Киренаиды, Египта и Кипра не оказался заразительнымъ. И прежде чѣмъ успѣли тамъ начаться избіенія, Траянъ поручилъ Луцію Квіэту изгнать всѣхъ до одного евреевъ, обитавшихъ во вновь покоренныхъ провинціяхъ. Квіэтъ выполнилъ это порученіе такъ, какъ бы ему была поручена военная экспедиція. Африканецъ этотъ, злой и неумолимо жестокосердный, при помощи своей легкой кавалеріи, состоящей изъ мавровъ, имѣвшихъ обыкновеніе носиться на своихъ коняхъ безъ сѣдла и узды, совершилъ эту рас-

праву, какъ баши-бузукъ, исполосовавъ всю страну вкривъ и ввось цѣлымъ рядомъ убійствъ. Большая часть еврейскаго народа, населявшаго Месопотамію, была уничтожена. Чтобы вознаградить Квіэта за эти услуги, Траянъ отдѣлилъ ему отъ сирійской провинціи Палестину и назначилъ его тутъ императорскимъ легатомъ, что поставило его, такимъ образомъ, на одинаковую государственную высоту съ Адріаномъ.

Возстаніе евреевъ въ Киренаидѣ, Египтѣ и на Кипрѣ все еще продолжалось. Для подавленія его Траянъ назначилъ одного изъ своихъ наиболѣе отличившихся полководцевъ, Марціуса Турбо. Въ распоряженіе его были отданы и сухопутныя и морскія силы, вмѣстѣ съ многочисленною кавалеріею. Чтобы рѣшительно покончить съ разсвирѣпѣвшими мятежниками, потребовалось вести правильную войну, дать нѣсколько сраженій. Настоящая бойня была произведена при этомъ. Всѣ примкнувшіе къ возстанію евреи, киренейскіе и египетскіе, были умерщвлены. Александрія, освобожденная отъ блокады, вздохнула, наконецъ, хотя раззореніе города было все-таки весьма значительно. Однимъ изъ первыхъ правительственныхъ актовъ Адріана, когда онъ сдѣлался императоромъ, было приступить къ возстановленію развалинъ и взяться за дѣло реставраціи.

Такимъ образомъ закончилось это плачевное движеніе, въ которомъ евреи по всему видимому были первоначальными виновниками и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, погубило ихъ окончательно во мнѣніи всего цивилизованнаго міра. Бѣдный Израиль палъ въ припадкѣ своего собственнаго бѣшенства. Всѣ эти отвратительныя жестокости, столь далекія отъ духа христіанства, еще болѣе углубили ровъ, раздѣлявшій между собой іудейство отъ

Церкви. Христіанинъ, дѣлаясь все болѣе и болѣе идеалистомъ, искалъ себѣ утѣшенія въ кротости и въ безропотномъ ожиданіи. Израиль же предпочиталъ сдѣлаться каннибаломъ, лишь бы не допустить предположенія о лживости своихъ пророковъ. Псевдо-Эзра, двадцать лѣтъ передъ этимъ, ограничившаяся нѣжными упреками, обращенными къ набожной душѣ, которая считала себя забывшею своего Бога, теперь проповѣдывала избіеніе, уничтоженіе язычниковъ, чтобы никто не могъ сказать, что Богъ измѣнилъ своему обѣщанію, данному Іакову. Всякій фанатизмъ, сколь бы онъ ни былъ великъ, при видѣ гибели своихъ завѣтныхъ надеждъ, приводитъ неизбѣжно къ крайностямъ и дѣлается опаснымъ въ отношеніи разума человѣческаго.

Какъ слѣдствіе этой нелѣпой войны, матеріальное уменьшеніе іудейства было весьма значительно. Число жертвъ, въ ней погибшихъ, было громадно. Начиная съ этого времени, еврейство киренейское и египетское почти совсѣмъ исчезаетъ. Могущественная александрійская община, составлявшая до тѣхъ поръ весьма существенный элементъ въ жизни Востока, теряетъ всякое значеніе. Грандіозная синагога Diapleuston, считавшаяся въ глазахъ евреевъ чудомъ міра, разрушена. Еврейскій кварталъ, расположенный близъ Лохіаса, превратился въ груду развалинъ и могилъ.

Жанъ Кальвинъ *).

Г. Жюль Бонне, извѣстный уже своими превосходными историческими изслѣдованіями, относящимися къ эпохѣ Реформаціи и въ особенности своей полной значительнаго интереса біографіею Олимпіи Мората**), издалъ въ двухъ томахъ собраніе французскихъ писемъ Кальвина. Эта драгоцѣнная переписка реформатора до сихъ поръ еще ни разу не появлялась въ свѣтъ въ столь полномъ видѣ. «Готовый предстать передъ лицомъ Всевышняго Творца, рассказываетъ Теодоръ де-Безъ***), Жанъ Кальвинъ, въ постоянной заботѣ о дѣлахъ и интересахъ церкви, завѣщаль мнѣ все свое богатство, т. е. громадный ворохъ

*) Статья эта написана была Ренаномъ по поводу писемъ Кальвина, изданныхъ г. Бонне (*Lettres de Jean Calvin recueillies pour la premiere fois et publiés d'après les manuscrits originaux*).

**) Олимпія Фувльвія Мората, родившаяся въ 1526 г. въ Феррарѣ, умершая въ 1555 г., была дочерью профессора Морато. Воспитанная при дворѣ герцога д'Эстэ, она много изучала классическія литературы и написала нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Увлечшись идеями реформы, она принуждена была покинуть Италію и умерла въ Гейдельбергѣ. Ея сочиненія были изданы въ Базелѣ въ 1558 году.

***) Одинъ изъ самыхъ жаркихъ послѣдователей Кальвина.

бумагъ, выразивъ при этомъ желаніе, что если среди этихъ бумагъ найдется что-либо полезное для церкви, то пусть будетъ издано». Это послѣднее желаніе умирающаго проповѣдника могло быть осуществлено въ XVI в. только отчасти. Религіозные споры, поглотившіе всю дѣятельность тогдашнихъ умовъ, разнаго рода катастрофы и волненія, послѣдовавшія вскорѣ за смертью реформатора, а всего болѣе осторожность почтительныхъ его поклонниковъ, озабоченныхъ въ то же время и особенными соображеніями, которыми они должны были руководствоваться по отношенію къ своимъ современникамъ и особеннымъ уваженіемъ къ памяти того, кто былъ для нихъ всего дороже, — все это вмѣстѣ взятое, казалось, должно было отодвинуть на неопредѣленное время исполненіе задачи, завѣщанной Кальвиномъ своимъ друзьямъ. Но намъ не приходится теперь спорить объ этомъ; молодой и трудолюбивый историкъ собралъ весь этотъ архивъ, относящійся до колыбели исповѣдываемаго имъ самимъ ученія съ набожною любовью истиннаго ученика и точностью настоящаго безпристрастнаго ученаго. И если трудъ г. Бонне оставляетъ чего-либо желать, то только одного, чтобъ собраніе латинскихъ писемъ Кальвина какъ можно скорѣе явилось дополненіемъ настоящихъ двухъ томовъ, посвященныхъ письмамъ, писаннымъ по-французски. И дѣйствительно, что можетъ быть желательнѣе возможности слить въ одну серію эти два ряда писемъ и представить читателю всю корреспонденцію реформатора въ строго хронологическомъ порядкѣ? Я понимаю соображенія, заставившія издателей послѣдовать другому плану; они думали, что французскія письма могутъ представить интересъ литературный и религіозный для лицъ, которыя не въ силахъ будутъ прочесть письма, писанныя по ла-

тнни, но такой мотивъ можетъ быть принятъ безпристрастнымъ читателемъ лишь съ трудомъ. Такъ какъ собраніе писемъ Кальвина есть, прежде всего, документъ историческій, то искать въ нихъ интересъ литературный значитъ умалять ихъ значеніе, а создавать изъ нихъ книгу для назидательнаго лишь чтенія, значитъ, искажать ее.

Характеръ Кальвина, вытекающій изъ этихъ вновь напечатанныхъ документовъ, разнится-ли замѣтнымъ образомъ отъ того, который позволительно было составить прежде на основаніи указаній исторіи и той части его корреспонденціи, которая уже была напечатана? Утверждать это значило бы вдаваться въ преувеличенія. Кальвинъ принадлежитъ къ числу характеровъ абсолютныхъ, отлитыхъ цѣликомъ изъ одной массы, и потому достаточно одного его письма, одного факта изъ его дѣяній, чтобы составить о немъ сужденіе. Въ этой непреклонной душѣ, никогда не знавшей никакихъ сомнѣній и колебаній, не существовало ни единой складки. Только природы богатая и гибкая, всегда стоявшія выше своихъ дѣяній, своей личной судьбы и даже своихъ мнѣній, только эти природы сохраняютъ для исторіи какіе-либо сокрытыя тайники и при каждомъ новомъ, позднѣйшемъ открытіи, представляются въ новомъ видѣ и освѣщеніи: отдавая себя міру только въ половину, онѣ не переставали утаивать въ себѣ какую-либо сокрытую сторону своего характера посредствомъ которой онѣ свободно соединяли себя съ безконечнымъ. Творецъ, предоставивъ міръ натурамъ страстнымъ и могучимъ, въ то же время почти всегда лишаетъ ихъ тѣхъ свойствъ тонкаго и остраго ума, которыя одни только въ вопросахъ спекулятивныхъ способны привести къ истинѣ. Истина заключается лишь въ оттѣнкахъ.

А для совершенія въ мірѣ чего-либо могучаго, крупнаго, нѣтъ надобности видѣть и знать эти отгѣнки; достаточно быть убѣжденнымъ, что ты правъ и что всѣ тѣ, которые думаютъ и мыслятъ иначе, — всецѣло заблуждаются. Тонкій, свободный отъ страстей умъ анализируетъ самого себя; онъ замѣчаетъ слабыя стороны своего дѣла и нерѣдко бываетъ склоненъ согласиться съ мнѣніемъ своихъ противниковъ. Напротивъ, страстный человѣкъ, абсолютный въ своихъ мнѣніяхъ, отождествляетъ свое дѣло съ дѣломъ самого Бога и дѣйствуетъ всегда съ тою смѣлостью, которая естественнымъ образомъ должна вытекать изъ такого рода сознанія. Весь міръ принадлежитъ такой натурѣ, и это совершенно справедливо, потому что міръ движется впередъ, только благодаря импульсамъ этихъ твердыхъ и сильныхъ умовъ; но за-то онъ, въ свою очередь, лишень всѣхъ наслажденій мысли; онъ никогда не видитъ истину въ ея очищенной формѣ; жертва собственного обмана, онъ умираетъ, не достигнувъ всеобъемлющей мудрости.

Этимъ свойствомъ непреклонной строгости, составляющей существенную черту характера человѣка дѣйствія, Кальвинъ обладалъ въ большей степени, чѣмъ кто-либо другой. Я даже не знаю, можно-ли найти другой, болѣе полный типъ честолюбца, столь ревниво стремившагося къ тому, чтобъ доставить господство своей мысли, потому только, что онъ считалъ ее истинною. Полное отсутствіе заботъ о богатствѣ, почестяхъ, титулахъ; полное игнорированіе всѣхъ земныхъ благъ; самая скромная жизнь и видимое смиреніе — все отдано въ жертву одной страсти: пересоздать все и всѣхъ по своему образцу. На мой взглядъ, одинъ только Игнатій Лойола былъ въ состояніи оспаривать у него пальму первенства подобнаго без-

граничнаго, страстнаго стремленія. Но Игнатій Лойола вносилъ, по крайней мѣрѣ, въ свое дѣло пылкость, присущую испанскому характеру, и увлекательность воображенія, которыя, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ, все-таки, свою прелесть; всегда и неизмѣнно Лойола оставался прежнимъ чтецомъ Амадиса, преслѣдующимъ, послѣ рыцарства земнаго, рыцарство духовное, тогда какъ Кальвинъ совмѣщалъ въ себѣ одну только грубую, жесткую страсть, не скрашенную ни малѣйшимъ энтузіазмомъ. Это былъ какой-то упорный истолкователь, присвоивавшій себѣ божественное право опредѣлять, со своей точки зрѣнія, что казалось ему христіанскимъ или анти-христіанскимъ. Вся его переписка, серьезная, сухая, надменная, совершенно лишена всякой прелести; нѣтъ въ ней ничего живаго; нигдѣ не чувствуется въ ней даже слѣда какого-либо страстнаго, внезапнаго порыва, ни единаго, малѣйшаго сердечнаго движенія. Его стиль твердъ и нервенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сухъ, тусклъ, тяжелъ, мѣстами темень, и это происходило, безъ сомнѣнія, оттого, что ужасы и давленіе тогдашняго времени заставляли его выражаться полу-словами. Говорятъ, что въ своихъ латинскихъ письмахъ онъ является значительно мягче, и это-то именно обстоятельство заставляеть, главнымъ образомъ, сожалѣть, что г. Бонне лишилъ насъ возможности прочесть послѣдовательно обѣ эти корреспонденціи. Что касается французской, то я не нахожу въ ней ничего, кромѣ суровости. Убѣжденіе серьезное, глубокое, умъ — мрачный, повсюду видящій одно грѣхопаденіе и понимающій жизнь единственно въ смыслѣ искупленія. Можно найти одинъ только моментъ, по поводу рожденія ребенка, когда онъ проявляетъ надъ собою усиліе улыбнуться, но съ тѣмъ лишь, чтобы потомъ разразиться еще болѣе страннымъ

образомъ и тотчасъ же впасть въ свое обычное мрачное настроеніе духа. «Мнѣ больно, что я не могу провести съ вами тамъ хотя бы полдня, чтобы посмѣяться вмѣстѣ съ вами, въ ожиданіи, когда начнетъ смѣяться маленькій ребенокъ».

Изумительнымъ кажется то, что такой человекъ, представляющійся намъ и по своей жизни, и по своимъ писаніямъ, столь мало симпатичнымъ, могъ быть въ свое время центромъ обширнѣйшаго движенія, и что этотъ сухой и жесткій тонъ рѣчи, которымъ говорилъ Кальвинъ, могъ дѣйствовать на умы его современниковъ съ такою обаятельною силою. Какъ могло случиться, напр., что одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ своего времени, Ренэ-де-Франсъ *), окруженная при своемъ дворѣ въ Феррарѣ лучшимъ цвѣтомъ умовъ всей Европы, могла увлечься этимъ строгимъ учителемъ и быть увлеченною имъ на путь, устѣянный столькими терніями? Да, такого рода способность увлекать за собой суровость достигается только тогда, когда она дѣйствуетъ истинною силою духа.

Не обладая живою, глубокою, симпатичною пылкостью, принадлежавшею Лютеру, въ которой скрывалась одна изъ тайныхъ причинъ его успѣха, безъ прелести и той опаснѣйшей мягкости, которыми владѣлъ Франсуа де-Саль **), — Кальвинъ все-таки преуспѣвалъ, потому что былъ самымъ христіаннѣйшимъ человекомъ своего вре-

*) Дочь Людовика XII и Анны Бретонской, жена Эрколо II, герцога Феррарскаго. Послѣ нея осталось множество писемъ, относящихся къ реформѣ, но, до сихъ поръ только нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны.

***) Женевскій епископъ, главный католическій противникъ Кальвина.

мени и потому, что принадлежалъ къ такому вѣку и та-
кой странѣ, которыя всего болѣе жаждали христіанской
реакціи. Даже въ самой мрачности и угрюмости его ха-
рактера лежало уже условіе его успѣха, потому что для
людей серьезно-религіозныхъ гораздо болѣе прелести въ
строгости, нежели въ разнузданности; имъ предпочти-
тельнѣе пути узкіе, нежели широкіе и легкіе, и самое
вѣрное средство привязать ихъ къ себѣ заключается въ
томъ, чтобъ потребовать отъ нихъ возможно болѣе, не
показывая въ то же время вида, что имъ что-либо мо-
жетъ быть уступлено. Нужно-ли прибавлять, что въ отно-
шеніи существеннѣйшихъ чертъ прямоты характера,
честности и глубины убѣжденія, напечатанная г. Бонне
корреспонденція смываетъ съ личности реформатора всѣ
тѣ клеветы, которыя взвела на него людская ненависть
и духъ партій? Два письма, сфабрикованныя неудачнымъ
поддѣльвателемъ, съ цѣлію запятнать память реформа-
тора, воспроизводимыя всѣми поверхностными истори-
ками, начиная съ самого Вольтера, побѣдоносно относят-
ся настоящимъ изслѣдованіемъ къ числу предметовъ апо-
крифическихъ. Если-бъ въ этомъ отношеніи аргумента-
ція г. Бонне могла показаться недостаточно рѣшающею,
то она находитъ за то окончательное подтвержденіе въ
новѣйшихъ изысканіяхъ по этому предмету Шарля
Рида *), изслѣдованіяхъ, основанныхъ на сравненіи
предполагаемыхъ автографовъ Кальвина съ тѣми, кото-
рыя, внѣ всякаго сомнѣнія, вышли изъ подъ его пера.

Нетерпимость была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ и
характера и положенія, занятаго Кальвиномъ. Всегда,

*) Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme fran-
çais, 4-e année 1-e cahier.

когда человекъ отдается доминирующему надъ нимъ какому-нибудь убѣжденію, которое онъ считаетъ за истину совершенную, очевидную и абсолютную, и въ такой степени, что всякій, не раздѣляющій ее, представляется, въ его глазахъ, преступнымъ или слѣпымъ, тогда онъ неизбежно и по необходимости дѣлается человекомъ нетерпимымъ. Съ перваго взгляда, конечно, можетъ показаться страннымъ противорѣчіемъ со стороны Кальвина, та горячность, съ которою онъ отстаиваетъ свободу для себя и своихъ послѣдователей, отъезывая въ то же время въ ней другимъ. Но въ сущности это понятно. Онъ вѣрилъ иначе, нежели вѣрили католики, но онъ вѣрилъ столь же абсолютно, какъ вѣрили и они. Совершенно ошибоченъ взглядъ, относящій свободу вѣры, индивидуальное право cadaго создавать себѣ символъ, въ сущности рождавшагося тогда протестантизма. XVI вѣкъ былъ еще далекъ, чтобы предвидѣть это. Нѣтъ сомнѣнія, что обращеніе церкви къ священному писанію, составлявшее душу реформаціи, должно было, въ концѣ-концовъ, оказаться полезнымъ для успѣховъ критической мысли, и въ этомъ смыслѣ первые реформаторы являются дѣйствительно настоящими родоначальниками свободы мысли. Но это произошло уже потомъ, безъ вѣдома и помимо ихъ желаній. Католики не безъ иѣ котораго основанія говорили о великой французской революціи: «Вызванная противъ насъ, она, съ Божьей помощью, обратилась въ пользу нашу»; философы могли сказать то же самое и о реформаціи. Въ исторіи намъ представляется множество примѣровъ, когда ученія извѣстной партіи людей находятся въ полнѣйшемъ противорѣчій со скрытыми тенденціями той же самой партіи. Въ томъ спорѣ, который происходилъ между іезуитами и янсени-

стами, іезуиты поддерживали ученіе, сообразованное съ принципами разума и относившееся съ большимъ уваженіемъ къ идеѣ свободы, и, однако, янсенизмъ въ основаніи своемъ былъ все-таки движеніемъ либеральнымъ, къ которому, весьма понятно, примкнули всѣ наиболѣе честные и просвѣщенные люди.

Вся корреспонденція Кальвина дышитъ однимъ могучимъ чувствомъ ревности, которое влечетъ чловѣка убѣжденнаго достигнуть спасенія души средствами самой упорной борьбы, не задумываясь при этомъ ни передъ какой свободой. Въ письмѣ своемъ къ регенту Англіи, во время бѣгства Эдуарда VI, Кальвинъ пишетъ: «Какъ я понимаю, Государь, у васъ два сорта мятежниковъ, возмущившихся противъ короля и государства: одни—это тотъ фантастическій сортъ людей, которые, подъ покровомъ Евангелія, хотѣли-бы разрушить все; другіе — это тѣ, которые борются съ суевѣріемъ римскаго Антихриста. Какъ тѣ, такъ и другіе заслуживаютъ одинаково быть обузданными мечемъ, который порученъ вамъ, ибо они посягаютъ не только на короля, но и на Бога, поставившаго васъ на королевскій престолъ и поручившаго вамъ защиту столько-же вашей личности, сколько и его святости». Образецъ, которому онъ предлагаетъ слѣдовать ему, а позднѣе и самому королю Англіи, это образецъ того святаго царя Іосіа, которому Богъ воздалъ хвалу за то, что «онъ уничтожилъ и сгребъ (gaclé) все, что только питало суевѣріе». Примѣръ, которымъ онъ ихъ страшитъ—примѣръ тѣхъ изъ царей, которые, побѣдивъ идолопоклонниковъ, не сгребли окончательно всего» и достойны порицанія за то, что «не уничтожили капищъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходило безумное поклоненіе». Подобно католикамъ, Кальвинъ требовалъ терпимости не

во имя свободы, а во имя истины. Тогда, когда онъ при глашаль гражданскія власти къ принятію строжайшихъ наказаній противъ «неисправимыхъ, презирающихъ духовныя муки и тѣхъ, кто исповѣдуетъ новыя догматы», ему ни на одну минуту не приходила въ голову мысль, что этотъ самый принципъ можетъ быть точно также обращенъ и противъ его послѣдователей и, чтобы защитить себя отъ упрека въ убійствѣ Сервэ, онъ, не поморщившись, написалъ это страшное заключеніе: «*Defensio orthodoxae fidei..., ubi ostenditur hoereticos jure gladii coercendos esse*».

Эти жестокости не удивляли тогда рѣшительно никого и входили, нѣкоторымъ образомъ, какъ-бы въ обычай общаго права: Бользекъ — насильно изгнанный изъ Женеви; Грюэ — обезглавленный; Жентились — избѣгнувшій эшафота лишь на время своимъ отреченіемъ; Сервэ, передъ глазами Фареля перенесшій свою ужаснѣйшую казнь, — все это факты не единичные. Ыдкость и угрозы сказываются подъ перомъ Кальвина какъ самое натуральное, обыкновенное чувство: «Зная отчасти, каковъ этотъ человѣкъ, — писалъ онъ м-ше де-Кани, по поводу какого-то неизвѣстнаго, — я-бы желалъ ему, чтобъ онъ сгнилъ гдѣ-нибудь въ ямѣ, еслибъ это только могло зависѣть отъ моего желанія, и приходъ его столько-же радуеть меня, какъ если-бы въ сердце мое кто-нибудь вонзилъ кинжалъ... И увѣряю васъ, сударыня, что еслибъ онъ такъ скоро не скрылся, то, чтобъ исполнить свой долгъ, я не поколебался-бы нисколько отправить его на костеръ». Въ этихъ строкахъ легко узнается ужасная откровенность того, кто относительно Сервэ написалъ: «*Si venerit, modo valeat mea auctoritas, vivum exire non patiar*», — кто сообщилъ вѣнсской инквизиціи всѣ улики, тяготѣвшія надъ

этимъ несчастнымъ, и передалъ ліонскому архіепископу листы книги, долженствовавшей зажечь его костеръ.

Даже смерть нисколько не смягчала его. Три года спустя, послѣ казни Грюэ, гдѣ-то на чердакѣ было найдено собственноручно написанное имъ сочиненіе, въ которомъ мятежный каноникъ съ яростью и какимъ-то отчаяніемъ излагалъ такія мысли, которыя во всякое другое лучшее время онъ имѣлъ-бы право изложить совершенно спокойно. Кальвину казалось сочиненіе это еще недостаточно наказаннымъ тѣмъ, что авторъ его былъ уже мертвъ; онъ приказалъ сжечь его палачу и самъ, своими руками, для этого случая, написалъ осужденіе этой книги. Въмѣсто жалости, которую заслуживали подобныя мечтанія возбужденнаго до болѣзненности мозга, онъ, раздраженный страстною рѣчью противника, не находилъ въ себѣ ничего, кромѣ суроваго гнѣва для отвѣта на возраженіе тому, что онъ называлъ «богохульствомъ, столь мерзкимъ и гнуснымъ, отъ одного выслушиванія котораго должно содрогнуться каждое человѣческое твореніе». Этотъ несчастный, котораго судьба привела къ казни, виновенъ былъ только въ томъ, что высказалъ въ XVI в., въ дурномъ литературномъ стилѣ, то, что въ XIX вѣкѣ излагается и высказывается въ прекрасной и изящной формѣ,—этотъ несчастный, въ глазахъ Кальвина, былъ «сообщникомъ зараженной секты болѣе, чѣмъ сатанинской... изливавшій такую гнусность, отъ которой у всѣхъ волосы должны были встать на головѣ, и гнусность его столь вонюча, что вся страна могла быть проклятою изъ-за него. Поэтому каждый, сохранившій въ себѣ совѣсть, долженъ молить Бога о прощеніи за то, что имя Его подверглось среди нихъ подобному кощунству».

Суровыя строгости Кальвина, относившіяся до част-

ной нравственности, изумляютъ и оскорбляютъ насъ, можетъ быть, еще болѣе, нежели все остальное, что ему было внушено заботой о сохраненіи чистоты вѣры.

Придавая слишкомъ ничтожную цѣну человѣческой свободѣ и исключительно поглощенный заботой о реформѣ правовъ своего вѣка, онъ во всемъ искажалъ понятіе о государствѣ и сдѣлалъ изъ Женевы нѣчто въ родѣ теократической республики, управлявшейся священниками, и гдѣ власть инквизиціи распространялась на всѣ сферы жизни.

Положеніе о душахъ дѣйствовало въ XVI в. въ Женевѣ также, какъ оно дѣйствуетъ еще въ наши дни въ Италіи. Ежегодная визитація, изъ дома въ домъ, была установлена для допросовъ каждого жителя по вопросамъ его вѣрованія, чтобъ, такимъ образомъ, отличить и отдѣлить невѣрующихъ и закоренѣлыхъ отъ вѣрныхъ. Противъ этой горсти либертинцевъ, проявлявшей ничтожную оппозицію его суровымъ мѣрамъ, подъ перомъ реформатора выливаются самыя горькія, ироническія выходки. «Со стороны распутныхъ людей, оказывающихся не въ состояніи выносить наложенное наказаніе, слышался кое-гдѣ ропотъ и нѣкоторыя угрозы. Даже жена того, кто вамъ писалъ изъ Берна и долженъ васъ посѣтить (Амедей Перренъ), даже она возвысила-было горделиво свой голосъ. Но ей пришлось скоро бѣжать въ полѣ, такъ какъ оставаться въ городѣ ей было не совсѣмъ удобно. Другіе-же, вмѣсто того, чтобы поднимать свои рога, добровольно склоняютъ свою голову. Есть тутъ одинъ (Грюэ), которому угрожаетъ опасность заплатить за свою сутану очень дорого. Молодымъ людямъ кажется, что я ихъ слишкомъ притѣсняю, но если не держать ихъ въ рукахъ, то плачевное зрѣлище представлятъ они.

Спасеніе слѣдуетъ доставить имъ, даже помимо воли». И въ другомъ мѣстѣ: «Правда, что діаволь имѣеть здѣсь много спичекъ, но ихъ пламя исчезнетъ также скоро, какъ пламя накли. Смертная казнь, которой подвергли одного изъ товарищей ихъ (Грюэ), побила имъ сильно рога. Что касается до вашего гостя (Амедея Перрена), то я не знаю, съ какимъ лицомъ предстанетъ онъ передъ нами, послѣ своего возвращенія. Жена его, однако, такъ тутъ бѣсовствовала, что ей пришлось бѣжать въ поля. Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ мужа нѣтъ здѣсь. По возвращеніи ему придется сильно присмирѣть».

Но, поспѣшимъ оговориться, что дѣлать заключенія по этимъ суровымъ и жестокимъ выходкамъ о характерѣ Кальвина, было-бы величайшею несправедливостью. Высочайшія добродѣтели, мягкость и терпимость, принадлежащія такимъ вѣкамъ критики, каковъ нашъ вѣкъ, отнюдь не могли быть присущи эпохѣ, въ которой господствовали страстныя и абсолютныя убѣжденія. Коль скоро убѣжденіе каждой партіи состояло въ томъ, что высшее благо заключено въ святой вѣрѣ, рядомъ съ которой земное существованіе ничто, при увѣренности въ исключительномъ обладаніи истины, — каждая изъ нихъ неизбѣжно дѣлалась неумолимой въ отношеніи всѣхъ другихъ. Отсюда, разумѣется, вытекала ужаснѣйшая взаимность отношеній. Тотъ, кто придаетъ весьма малое значеніе своему существованію и готовъ ради вѣры своей даже пожертвовать имъ, тотъ, конечно, столько-же мало цѣнитъ существованіе другихъ. Человѣческая жизнь, на которую такъ справедливо скупы эпохи умѣренныя, въ эти времена приносится въ жертву съ самою ужасающей щедростью. Отвратительныя крайности 1793 г. объясняются ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ такихъ кризисовъ,

въ которомъ, если я осмѣлюсь такъ выразиться, жизнь человѣческая падаетъ до самой низкой цѣны. Что-то въ родѣ неистоваго безумства овладѣваетъ тогда умами; съ одинаковымъ равнодушіемъ люди встрѣчаютъ тогда смерть и отправляютъ другихъ на смерть. Представимъ себѣ только возбужденное состояніе, въ которомъ долженъ былъ находиться ревностный послѣдователь реформации, когда до него доходили извѣстія изъ Парижа, изъ Ліона или Шамбери о мукахъ и пыткахъ, перетерпѣваемыхъ его единовѣрцами.

Всѣмъ этимъ ужасамъ преслѣдованій и тому отреченію, безропотному смиренію и мужеству, съ которыми переносилось это преслѣдуемыми—исторія удѣлила слишкомъ мало мѣста. А, между тѣмъ, тамъ нашлись-бы страницы, достойныя первыхъ вѣковъ христіанской церкви, и я нисколько не сомнѣваюсь, что этотъ трогательный, основанный на документахъ и перепискѣ того времени, рассказъ объ этой величественной борьбѣ, по красотѣ своей, вполне сравнялся-бы съ древнею мартирологіею. Въ эти моменты душевныхъ испытаній, голосъ Кальвина достигаетъ полноты и возвышенности, по истинѣ, великой. Письма его къ мученикамъ въ Ліонѣ, Шамбери, къ заключеннымъ въ Шателэ, кажутся какимъ-то эхомъ, откликомъ героическихъ временъ христіанства, вырванными страницами изъ посланій Тертуліана или Кипріана. Признаюсь, что только благодаря г. Бонне, познакомившему меня съ внутреннею кровавою жизнью этихъ мучениковъ, я понялъ вполне и возвышенное благородство этихъ несчастныхъ жертвъ, и всю жестокость ихъ палачей. Нѣтъ сомнѣнія, что были еще и другія преслѣдованія, болѣе смертоубійственныя: Филиппъ II пролилъ крови значительно болѣе; и какой, спрашивается, гонитель не по-

блѣднѣетъ передъ лицомъ, напрімѣръ, герцога Альби?
Но тамъ, въ Испаніи и Нидерландахъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, различіе вѣры зажигало костры и воздвигало эшафоты. Эти страшныя гекатомбы, приносившіяся въ жертву истинѣ (т. е. тому, что каждая сторона принимала за истину), представляютъ величественную картину и въ этой грандіозно-великой борьбѣ, въ которой каждый боролся за своего Бога, чувство жалости по отношенію къ тѣмъ, кто палъ въ ней, имѣетъ мѣсто лишь на половину: вѣра уничтожала однихъ также точно, какъ вѣра и поддерживала другихъ. Но, совсѣмъ другое дѣло тотъ Сарданапаль (это имя, подъ которымъ фигурируетъ въ перепискѣ Кальвина Францискъ I), который, ради своихъ политическихъ интересовъ или обезпеченія себѣ спокойнаго наслажденія удовольствіями, вдругъ принимаетъ на себя роль мстителя религіознаго вѣрованія, ему совершенно чуждаго, — вотъ что отвратительно и ужасно! Абсолютная вѣра Испаніи скрашивала нѣкотораго рода поэтичностью пламя своихъ костровъ: когда видишь человѣка-варвара, предоставленнаго всецѣло пылу своихъ инстинктовъ и отдающаго предпочтеніе вѣрѣ, а не жизни, предпочитающаго скорѣе встрѣтить смерть или казнить ради торжества абстрактной мысли, то невольно складывается высокое представленіе о благородствѣ человѣческой природы. Но совсѣмъ иное, когда вы видите въ странѣ совершенно индифферентной, находящейся въ состояніи полнѣйшей цивилизаціи, какъ сжигаютъ на кострахъ достойнѣйшихъ женщинъ, мучатъ дѣтей, отрѣзываютъ языки, какъ нѣсколько десятковъ несчастныхъ «гнѣютъ, мучаясь въ глубокихъ ямахъ Шателэ» въ ожиданіи своей казни, и когда вы видите короля, объявляющаго, чтобы доказать свою ревность, «что онъ недоволенъ верховнымъ судомъ»

парижскаго парламента» и приказывающаго объявить своихъ судей небрежными и медленными въ исполненіи своихъ обязанностей, за то, что они не достаточно быстро жгутъ на кострахъ,—о! тогда единственное чувство, васъ охватывающее, это—чувство отвращенія и негодованія, и вы невольно сомнѣваетесь въ нравственномъ значеніи страны, которая переносила и терпѣла эту отвратительную-гнусную игру съ человѣческой жизнью.

Не будемъ же удивляться, поэтому, если Кальвинъ рисуется предъ нашими глазами столь суровымъ, столь неумолимымъ въ своемъ убѣжденіи и столь нетерпимымъ къ убѣжденіямъ другихъ. Можно-ли вѣрить на половину въ то, за что подвергаешься преслѣдованію? Какую колеблющуюся вѣру не сдѣлаетъ пытка фанатическую? Наслажденіе въ страданіяхъ за свою вѣру такъ велико и сильно, что неоднократно встрѣчались примѣры, указывающіе, какъ природы страстныя примыкали къ гонимому ученію, ради наслажденія принести себя въ жертву имъ. Въ этомъ смыслѣ преслѣдованіе есть существеннѣйшее условіе всѣхъ религіозныхъ созданій. Ей присуща чудодѣйственная сила укрѣплять гонимыя идеи, изгонять всякія сомнѣнія и то, что называется (совершенно ошибочно, по моему мнѣнію) скептицизмомъ нашего времени, вполне уступило-бы, позволительно думать, передъ дѣйствіемъ этого энергичнаго лекарства. Мы нерѣшительны и робки, мы едва вѣримъ въ свои собственныя идеи и, весьма можетъ быть, что еслибъ мы сдѣлались гонимыми за нихъ, мы кончили - бы тѣмъ, что увѣровали - бы въ нихъ. Не станемъ этого желать, однако, потому что въ такомъ случаѣ, мы, въ свою очередь, сдѣлались - бы нетерпимыми и превратились-бы въ гонителей.

Что суровость характера Кальвина, составлявшая его

силу, вредна для развитія умственныхъ силъ и лишаетъ свободу ума, увлеченнаго, въ полномъ смыслѣ слова, безразсчетною страстью къ истинному и красивому, — это неоспоримо. Но сила дѣйствія приобрѣтается только этою цѣною; широта ума ничего не смогла бы основать и только узкія идеи сплачиваютъ людей. Всѣ, вообще, основатели мистическихъ ученій представляются намъ умами не особенно широкими и мало симпатичными. Пробѣгая же письма Кальвина, поражаешься прежде всего, тѣмъ, что находишь эту корреспонденцію, скорѣе принадлежащую государственному человѣку и администратору, озабоченному дѣлами и самыми ихъ мелочами, нежели перепиской мыслителя или аскета. Даже сама его теологія отличается весьма малымъ трансцендентальнымъ характеромъ: она довольно свободна отъ схоластики и болѣе юридическаго, чѣмъ богословнаго, характера. Производя свою реформу, онъ видимо слѣдуетъ не умозрительнымъ соображеніямъ, но указаніямъ практической морали. Въ его длинныхъ религіозныхъ поученіяхъ съ трудомъ можно найти нѣсколько строчекъ, которыя современная мысль могла-бы съ успѣхомъ ассимилировать; символическая же сторона въ нихъ утратила совершенно грандіозный характеръ, а философская — слаба. Фантазія и поэтичность исчезаютъ окончательно. Но останавливаться на этомъ было бы несправедливо. Что за бѣда, если Кальвинъ оказался посредственнымъ философомъ и богословомъ, если сама эта посредственность была необходима, какъ условіе для того дѣла, которое онъ долженъ былъ осуществить? Могъ-ли бы безстрастный и уединенный мыслитель поднять, какъ онъ, всю тяжесть среднихъ вѣковъ и смѣлою рукою отодвинуть человѣчество на цѣлыхъ десять вѣковъ назадъ въ исторіи христіанства?

Безъ своей могучей аристократической организаціи, безъ этой страшной опеки, которой онъ поработилъ индивидуальную совѣсть каждаго, могъ-ли бы также кальвинизмъ сопротивляться столь побѣдоносно всѣмъ до такой степени яркимъ покушеніямъ на него и сохранить во Франціи столь нетлѣнный слѣдъ? Обыкновенно сила пріобрѣтается цѣною величайшихъ жертвъ со стороны свободы, и потому позволительно думать, что лишенная своего мрачнаго и суроваго характера, попытка Кальвина, подобно столькимъ другимъ, снизошла бы до степени неудачнаго усилія освободиться отъ того необычнаго гнета католицизма, до котораго онъ достигъ надъ умами людей.

Превосходный трудъ г. Бонне будетъ считаться въ ряду тѣхъ существенно важныхъ документовъ, съ которыми каждому историку революціи XVI вѣка необходимо посоветоваться. Не взирая на свои живыя и опредѣленно высказанныя убѣжденія, г. Бонне безпристрастно признаетъ темными пятнами то, что вытекаетъ изъ жизни самого реформатора и порицаетъ его за его нетерпимость, объясняя ее, какъ и слѣдуетъ, духомъ времени. Обѣщаніе, которое дѣлаетъ въ своемъ вступленіи ученый издатель, мы можемъ принять какъ хорошее предзнаменованіе, что онъ дастъ намъ исторію Кальвина, составленную на основаніи подлинныхъ и оригинальныхъ актовъ. Что же касается другаго обязательства, даннаго г. Бонне читателямъ,—я разумѣю «Жизнеописаніе Ренэ-де-Франсъ, — то для того, чтобы терпѣливо ожидать его осуществленія, достаточно имѣть впереди надежду на появленіе столь великаго труда, какъ исторія Кальвина. Что касается меня, то я скорблю надъ этой отсрочкой потому, что она на долго отложитъ возможность ознако-

миться съ личностью одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ женщинъ своего времени и душой во все времена найдостойнѣйшей. Я понимаю хорошо соображенія, заставившія г. Бонне отдать первенство личности строгаго реформатора: руководствуясь соображеніями самыми чистыми и чуждыми всякаго разсчета, онъ желаетъ, прежде всего, убѣдить и отдаетъ вслѣдствіе этого предпочтеніе тому, что онъ считаетъ исполненіемъ своего долга, передъ тѣмъ, что отвѣчало бы болѣе его личнымъ вкусамъ и большему успѣху. Но, да позволить онъ мнѣ возразить на его рѣшеніе, что съ точки зрѣнія самаго прозелитизма наиболѣе соотвѣтствующимъ, нежели самъ Кальвинъ, апостоломъ для нашего времени является герцогиня Феррарская. Женщины простираютъ свою обаятельную силу вплоть до теологіи. Объ этихъ вещахъ онѣ могутъ имѣть какія угодно имъ мнѣнія, но страстность, которую онѣ вкладываютъ въ нихъ, придаетъ имъ особенную прелесть. Проводившая цѣлые дни въ чтеніи разныхъ трактатовъ объ обѣднѣ и ученіи о предназначеніи, съ наивною душой искавшая во всемъ этомъ истину, выносившая за свои убѣжденія самыя героическія страданія, Ренэ-де-Франсъ воплотила въ себѣ всю легенду кальвинизма. Та книга, въ которой г. Бонне изобразить эту прекрасную картину, будетъ книгой восхитительной (для этого лучшимъ доказательствомъ можетъ служить напечатанный имъ эпизодъ о Олимпіи Мората и тотъ интересъ, который онъ сумѣлъ вложить въ это гонимое ученіе), тогда какъ, не взирая на весь талантъ его и на всю любовь его, я не смѣю надѣяться, чтобъ онъ успѣлъ сдѣлать изъ личности Кальвина образъ человѣка, пріятнаго и симпатичнаго.

Магометъ и происхожденіе исламизма *).

Всякое начало бываетъ обыкновенно туманно, въ особенности начало религій. Происходя изъ самозарождающихся инстинктовъ человѣческой природы, религій также мало сохраняютъ воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, какъ юноша исторію первыхъ годовъ своей жизни и послѣдующія ступени развитія своего сознанія. Тайнственныя хризалиды, онѣ являются на свѣтъ Божій только въ полномъ развитіи своихъ формъ и происхожденіемъ своимъ походятъ на происхожденіе человѣчества. Наука говоритъ намъ, что въ извѣстный моментъ, въ силу естественныхъ законовъ, по которымъ до тѣхъ поръ совершалось развитіе всего сущаго, безъ всякаго исключенія и внѣшняго вмѣшательства, появилось существо разумное, одаренное всѣми своими способностями и совершенное въ своихъ существенныхъ органахъ; а между тѣмъ, желать объяснить появленіе человѣка на землѣ законами, управляющими всѣми явленіями нашей планеты съ того самаго момента, когда природа перестала творить,—значило-бы открыть двери такому необузданному воображенію, что

*) Статья эта заимствована изъ «Etudes d'histoire religieuse». Paris, 1864, septième édition.

ни одинъ серьезный умъ ни на минуту не согласился-бы остановиться на немъ. Безспорно также, что человекъ по естественному и самозарождающемуся развитію своихъ способностей въ данное время изобрѣлъ языкъ; между тѣмъ, ни одно представленіе, заимствованное у теперешняго состоянія человѣческаго ума, не можетъ объяснить намъ этотъ странный фактъ, кажущійся намъ теперь положительно невозможнымъ. Точно также надо отказаться отъ всякихъ объясненій, доступныхъ опыту, первобытныхъ фактовъ религій, фактовъ, не повторявшихся съ тѣхъ поръ, какъ человечество утратило свое религиозное творчество. Находясь лицомъ въ лицу съ невозможностью однимъ разсудкомъ создать вѣру и руководить ею, — какъ намъ не признать скрытой силы, которая въ нѣкоторые моменты проникаетъ и оживляетъ душу человека? Гипотеза супернауралистовъ представляетъ, быть можетъ, менѣе затрудненій, чѣмъ легкомысленныя заключенія людей, приступающихъ къ задачамъ происхожденія религій, не проникнувъ въ тайны самозарождающагося сознанія и если для того, чтобы отбросить эту гипотезу, пришлось-бы придти къ раціональному мнѣнію насчетъ столькихъ фактовъ, дѣйствительно божественныхъ, то очень мало людей имѣли бы право не вѣрить въ сверхъестественное.

Но развѣ наука принуждена была отказаться отъ объясненія происхожденія нашей планеты потому только, что явленія, приведшія ее въ то состояніе, въ которомъ мы видимъ ее теперь, болѣе не повторяются въ столь широкихъ размѣрахъ? Отказалась-ли также она отъ объясненія появленія жизни и живыхъ существъ, изъ-за того только, что современный періодъ пересталъ быть творческимъ? Отказалась-ли она отъ объясненія происхожденія

языка, потому что новые языки не возникают болѣе? отъ происхожденія религій потому, что новыя религiи не основываются? Конечно, нѣтъ. И задача науки, задача безконечно трудная и часто опасная, состоитъ, именно, въ томъ, чтобы отгадать начало по слабымъ слѣдамъ, оставленнымъ имъ послѣ себя. Размышленiе не настолько отодвинуло насъ отъ творческаго времени, чтобъ мы не могли возстановить въ себѣ чувство самозарождающейся жизни. Какъ ни скупа исторiя первобытныхъ эпохъ, но и она не совсѣмъ нѣма, и если не позволяетъ намъ прямо приступать къ вопросамъ о происхожденiи, то, по крайней мѣрѣ, позволяетъ подходить къ нимъ издалека. Затѣмъ, такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ ничего абсолютнаго и въ прошедшемъ не найдется двухъ фактовъ, которые-бы подошли подъ одну категорiю, то у насъ есть промежуточные оттѣнки для представленiя себѣ явленiй, недоступныхъ немедленному изученiю. Въ медленныхъ измѣненiяхъ состоянiя земнаго шара геологъ находитъ данныя для объясненiя прежнихъ переворотовъ. Лингвистъ, присутствуя при явленiи развитiя языковъ, продолжающемся и до нынѣ, приходитъ къ открытiю законовъ, по которымъ они образовывались. За неимѣнiемъ первоначальныхъ фактовъ, ознаменовавшихъ появленiе религiй, историкъ можетъ изучать перерожденiя, неудачныя попытки, полурелигiи, если осмѣлюсь такъ выразиться, ясно показывающiя, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, способы, посредствомъ которыхъ образовались великiе факты первобытныхъ эпохъ.

Въ этомъ отношенiи происхожденiе исламизма—фактъ единственный и, дѣйствительно, неосцѣнимый. Исламизмъ былъ послѣднимъ религiознымъ созданиемъ человѣчества и во многихъ отношенiяхъ созданиемъ наименѣе оригн-

нальнымъ. Въмѣсто тайны, которою другія религіи облекали свою колыбель, онъ появляется открыто; его корни лежать на самой поверхности земли. Жизнь его основателя намъ также хорошо извѣстна, какъ жизнь любого реформатора XVI столѣтія. Мы можемъ, изъ года въ годъ, прослѣдить теченіе его мысли, его противорѣчія, его слабости. Въ другихъ религіяхъ первоначальный зародышъ теряется въ мечтѣ, всѣ усилія самой тщательной критики едва могутъ отличить истину отъ обманчивыхъ мнѳовъ и легендъ. Напротивъ того, исламизмъ, появившійся при чрезвычайно развитомъ сознаніи, совершенно лишенъ сверхъестественности. Магометъ, Омаръ, Али — не ясновидящіе, не фанатики, не чудотворцы. Каждый изъ нихъ отлично знаетъ, что дѣлаетъ, ни одинъ не заблуждается на свой счетъ; каждый представляется анализу во всей своей наготѣ и со всѣми человѣческими слабостями.

Благодаря прекраснымъ трудамъ гг. Вейля *) и Коссенъ де-Персевала **) можно сказать, что задача происхожденія исламизма пришла въ настоящее время въ почти полному рѣшенію. Въ особенности Коссенъ де-Персеваль ввелъ въ этотъ важный вопросъ совсѣмъ новый

*) Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre, Stuttgart, 1843. Historisch-kritische Einleitung in den Koran, Bielefeld, 1844. Biblische Legenden der Muselmänner, Francfort, 1845; Geschichte der Chalifen, Mannheim, t. I, 1846; t. II, 1848; t. III, 1851.

**) Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, pendant l'époque de Mahomet et jusqu'à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane. Paris, 1848. 3 vol.

элементъ, благодаря новымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ о прошедшемъ Магомета и его предшественниковъ, на что прежде никто не обращалъ вниманія. Его прекрасный трудъ останется образцомъ эрудиціи точной, основательной, далекой отъ всякихъ догадокъ, эрудиціи, которая характеризуетъ французскую школу. Остроуміе и проникательность г. Вейля ставятъ его трудъ объ исла-мизмѣ на весьма почетное мѣсто. Но, что касается до выбора и до богатства источниковъ, то его трудъ усту-паетъ труду нашего знаменитаго соотечественника и его можно упрекнуть за слишкомъ большое довѣріе къ авторитетамъ турецкимъ и персидскимъ, имѣющимъ въ этомъ вопросѣ весьма мало значенія. Америка и Англія тоже занимались Магометомъ: извѣстный романистъ Вашингтонъ Ирвингъ *) рассказалъ его жизнь, хотя интересно, но безъ признака большаго историческаго чутья. Однако, его книга представляетъ настоящій прогрессъ, когда вспомнимъ, что еще въ 1829 г. Карль Форстеръ издалъ два большіе тома, весьма почитаемые духовенствомъ **), въ которыхъ доказывалъ, что Магометъ былъ ничто иное, какъ «маленькій рогъ козла, фигурирующаго въ VIII главѣ пророчествъ Даніила, и что большой рогъ есть

*) *Lives of Mahomet and his successors*, New-
york, 1850.

**) *Mahometism unveiled: an inquiry in which that arch-heresy, its diffusion and continuance are examined on a new principle, tending to confirm the evidences, and aid the propagation of the Christian Faith.* Это тотъ самый Карль Форстеръ, который написалъ мистификацію на счетъ надписей, въ которой онъ претендуетъ на открытіе первоначальнаго языка и письма и первоначальнаго текста книги Исхода.

папа». Форстеръ построилъ на этой остроумной параллели цѣлую философію исторіи, на основаніи которой папа представляетъ западную испорченность христіанства, а Магометъ восточную; благодаря этому, онъ натъкается на поразительное сходство между магометанствомъ и папизмомъ!

Интересно было-бы написать исторію понятій, которыя христіанскіе народы составляли себѣ о Магометѣ, начиная съ разсказовъ ложнаго Тюртена о золотомъ идолѣ Магомѣ, обожаемомъ въ Кадиксѣ, и котораго Карль - Великій не осмѣлился разрушить изъ боязни скрытаго въ немъ легіона демоновъ, до того времени, когда критика въ полной силѣ возвратила отцу исламизма его званіе пророка. Дѣвственная вѣра первой половины среднихъ вѣковъ, имѣвшая весьма неясное понятіе о религіяхъ, чуждыхъ христіанству, представляла себѣ Магомета, Бафомета и Бафюма *) какъ ложнаго Бога, которому приносили человѣческія жертвы. Только съ XII в. начали считать Могомета ложнымъ пророкомъ и серьезно заботиться о разоблаченіи его обмановъ. Переводъ Корана, сдѣланный по приказанію преподобнаго Петра, полезныя труды доминиканцевъ и Раймонда Люлля, свѣдѣнія, сообщенныя Вильгельмомъ Тирскимъ и Матѣе Пари, помогли распространенію болѣе зрѣлыхъ понятій объ исламизмѣ и его основателѣ. За идоломъ Магомомъ слѣдуетъ еретикъ Магометъ, помѣщенный Дантомъ въ довольно почетномъ углу его Ада (XVIII, 31), между сѣятелями раздоровъ, вмѣстѣ съ Фра Дольчино и Вертраномъ де-Борнѣ. Это уже было приз-

*) Отсюда бафюмерство, магомьерство, момьерство для обозначенія всѣхъ суевѣрныхъ и нечистыхъ вѣрованій.

накомъ переворота, совершавшагося въ умахъ. Когда вѣра еще сохраняетъ всю свою наивность, то вѣрующій или совсѣмъ не знаетъ о существованіи другихъ религій, или же если и знаетъ,—то онѣ ему кажутся до того нечистыми и странными, что ихъ сторонники могутъ быть въ его глазахъ или безумными, или испорченными. Какое потрясеніе для умовъ, когда становится извѣстнымъ, что рядомъ съ догматомъ, считавшимся до сихъ поръ единственнымъ, существуютъ и другіе, тоже претендующіе на свое небесное происхожденіе. Название—Три обманщика, столь занимавшее все XIII ст., и изъ котораго народное воображеніе составило цѣлую книгу, есть результатъ этого перваго невѣрія, происшедшаго отъ изученія арабской философіи и довольно точнаго знакомства съ исламомъ. Имя Магомета сдѣлалось почти синонимомъ безбожника, и когда Орканья въ Адѣ Кампо-Санто Пизы изображаетъ рядомъ съ еретиками людей, одинаково презирающихъ всѣ религій, то выбираетъ трехъ: Магомета, Аверрэса и Антихриста. Средніе вѣка никогда не доводили свой гнѣвъ до половины: Магометъ былъ мошенникомъ, гнуснымъ кутилой, воромъ верблюдовъ, кардиналомъ, который, не попавъ въ папы, выдумалъ новую религію, чтобы отмстить своимъ товарищамъ. Его біографія сдѣлалась перечнемъ всевозможныхъ преступленій, такъ что исторіи Бафомета, какъ исторіи Пилата, сдѣлались темою для самыхъ скандальныхъ анекдотовъ *). XVI и XVII вв. оказались не болѣе справедливыми: Библиандеръ, Готтингеръ, Мараччи рѣша-

*) См. Roman de Mahomet, изданный гг. Рейно и Фр. Мишелемъ (Парижъ, 1831) и Edel du Ménil, Poésies populaires latines du moyen âge (1847), стр. 367.

ются заниматься Кораномъ только для его опроверженія *).

Наконецъ, Придо и Байль взглянули на Магомета, какъ историки, а не какъ оппоненты; но недостатокъ достовѣрныхъ документовъ удержалъ ихъ на оспариваніи пустыхъ басенъ, которыя до тѣхъ поръ занимали праздное любопытство народовъ и служили предметомъ негодованія богослововъ. Честь перваго опыта біографіи Магомета, написанной по восточнымъ источникамъ, принадлежитъ Ганье. Ему пришлось справляться съ Абулфедой, и это было большимъ счастьемъ. Подлежитъ еще сомнѣнію, была-ли критика XVIII столѣтія настолько искусна; чтобы схватить разницу между рассказами арабскихъ историковъ и легендами, порожденными персидскимъ воображеніемъ. Это-то капитальное различіе, хорошо подмѣченное однимъ Коссенъ де-Персевалемъ, и составляетъ, собственно говоря, узелъ всѣхъ задачъ, относящихся къ происхожденію исламизма. Жизнь Магомета, составленная по арабскимъ источникамъ, каковы біографіи Ибнъ-Гишама и Абулфеды, проста, естественна и почти безъ всякихъ чудесъ; составленная-же по авторамъ турецкимъ и персидскимъ, та-же легенда представ-

*) Можно судить о силѣ ихъ сужденій по слѣдующему мѣсту, которое я заимствую у знаменитаго теолога Женебрара; «За-чѣмъ, о Магометъ, ты не пишешь свой законъ или свой Алькоранъ по латыни, гречески или еврейски, такъ какъ эти языки извѣстны всей римской имперіи и всѣмъ ученымъ? Онъ отвѣчаетъ, но довольно холодно, точно гугеноты, что его Алькоранъ или законы написаны имъ не для римлянъ и не для ученыхъ, такъ какъ они-бы все равно не обратились. Но дѣло было совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что онъ былъ дуракъ и ничего не зналъ ни по еврейски, ни по гречески, ни по латыни».

ляется сборищем басенъ глухихъ и чрезвычайно пошлыхъ. Хотя преданія о жизни Магомета начали приводиться въ порядокъ только при Абассидахъ, но ихъ составители ссылались уже на писанные источники, авторы которыхъ, для своего авторитета, приводили свидѣтельства самихъ товарищей пророка. Мечеть, прилегавшая къ его дому, была окружена скамейкой, на которой ютились люди безъ семьи и пристанища, жившіе на счетъ великодушія пророка и обѣдавшіе часто вмѣстѣ съ нимъ. Эти люди, называвшіеся людьми скамьи (ahl-el-soffa), должны были знать много особенностей о самомъ Магометѣ и ихъ воспоминанія породили всѣ безчисленныя сказанія или хадитъ (hadith). Даже сама мусульманская религія была испугана множествомъ документовъ, почерпнутыхъ подобнымъ образомъ; достойнымъ преданія было признано только шесть законныхъ источниковъ, и неутомимый Бокгарн сознается, что изъ собранныхъ имъ 200 тысячъ сказаній (хадитъ), только 7225 кажутся ему вполне достовѣрными. Европейская критика, не навлекая на себя упрека въ смѣлости, могла-бы произвести еще болѣе строгое сокращеніе. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что эти рассказы очень вѣрно обрисовываютъ намъ фізіономію пророка и весьма рѣзко отличаются отъ всѣхъ набожныхъ легендъ, придуманныхъ для назиданія читателей. Настоящій памятникъ первобытной исторіи исламизма—Коранъ—остается къ тому-же и абсолютно неоспоримымъ, и его одного, независимо отъ всѣхъ рассказовъ историковъ, было-бы совсѣмъ достаточно для полнаго знакомства съ Магометомъ.

Ни въ одной литературѣ я не вижу сочиненія, которое-бы могло дать полное понятіе о томъ, какъ состав-

лялся Коранъ. Это не книга, написанная поелѣдовательно; это не темный и неопредѣленный текстъ, доходящій мало-по-малу до опредѣленнаго урока; это не собраніе поученій учителя, составленное по воспоминаніямъ учениковъ; это—собраніе проповѣдей и, осмѣлюсь сказать, дневныхъ приказовъ Магомета, сохранившихъ еще число и названіе мѣстности, въ которой они появлялись, а также и слѣдъ вызвавшаго ихъ обстоятельства. Каждая изъ его частей или записывалась на кожахъ, на косяхъ барановъ, верблюдовъ, пальмовыхъ листьяхъ, сейчасъ-же послѣ того, какъ пророкъ произносилъ ее *), или сохранялась въ памяти главныхъ учениковъ, которыхъ и называли носителями Корана. И только во время калифата Абу-Бекра, послѣ битвы при Іемамѣ, въ которой погибло много старыхъ мусульманъ, вздумали собрать Коранъ между двухъ досокъ и положить одинъ за другимъ эти разбросанные отрывки, часто противорѣчащіе другъ другу. Неоспоримо, что этотъ трудъ, исполненный подъ редакціей Сеидъ-бенъ-Табета, самаго авторитетнаго изъ секретарей Магомета, былъ сдѣланъ съ полною вѣрою. Не было даже сдѣлано попытки привести въ порядокъ эти отрывки или согласовать ихъ другъ съ другомъ: сначала были помѣщены болѣе длинныя, въ концѣ болѣе короткія сюраты (главы), имѣвшіе только по нѣсколькѣ строкъ и первый экземпляръ-типъ былъ отданъ на сохраненіе Гафзѣ, дочери Омара, одной изъ вдовъ Магомета. Второе изданіе было сдѣлано во время калифата Отмана. Въ экземпляры различныхъ провинцій вкралось нѣсколько измѣненій въ орфографіи и

*) Слово Коранъ означаетъ произнесеніе и не представляетъ ничего общаго съ идеей о книгѣ (kitab) евреевъ и христіанъ.

языкъ; Отманъ собралъ комиссію подъ предсѣдательствомъ того-же Зеида, чтобы окончательно установить текстъ по меккскому нарѣчію, потомъ, чтобы положить конецъ всѣмъ спорамъ, онъ, по весьма характерному способу восточной критики, велѣлъ собрать и сжечь всѣ остальные экземпляры.

Такимъ-то образомъ, Коранъ дошелъ до насъ безъ всякихъ важныхъ измѣненій. Подобный способъ его составленія, конечно, долженъ внушить нѣкоторые сомнѣнія. Цѣлость сочиненія, на долгое время порученнаго одной лишь памяти, намъ кажется дурно сохранившеюся. Развѣ измѣненія или прибавки не могли проскользнуть при послѣдующихъ пересмотрахъ? Нѣкоторые мусульманскіе еретики предупредили на этотъ счетъ подозрѣнія современной критики.

Теперь г. Вейль утверждаетъ, что пересмотръ Отмана не былъ исключительно грамматическимъ, какъ увѣряютъ арабы, но къ нему примѣшалась и политика, въ особенности для того, чтобъ уничтожить претензіи Али. Какъ бы то ни было, Коранъ представляется намъ такъ плохо расположеннымъ, такимъ беспорядочнымъ, съ такими вопіющими противорѣчіями; каждый, составляющій его отрывокъ, носитъ такую особенную фizioномію, что, говоря вообще, невозможно заподозрить его подлинность. Такъ что мы обладаемъ самыми первыми документами по части исламизма, документами, правда, весьма сомнительными и выражающими гораздо менѣе истинность фактовъ, чѣмъ потребность минуты; но этимъ-то самымъ они и драгоцѣнны для критика, умѣющаго объяснять ихъ. Мнѣ-бы хотѣлось теперь привлечь вниманіе мыслителей на это странное зрѣлище религіи, зарождающейся открыто и вполне сознательно.

I.

Критика, вообще, должна отказаться отъ какихъ-бы то ни было достовѣрныхъ знаній характера и біографіи основателей религій, легенда о которыхъ вполне засломила исторію. Были-ли они красивы или безобразны, пошлы или возвышены? Никто этого не знаетъ. Приписываемыя имъ книги и поученія составлены, по большей части, значительно позднѣе и даютъ намъ гораздо менѣе понятія о томъ, что они изъ себя представляли, чѣмъ о томъ, какъ ихъ ученики понимали идеаль. Даже красота ихъ характера принадлежитъ не имъ, а человѣчеству, сдѣлавшему ихъ по своему образу. Даже самая безобразная куколка, преобразованная подобною непрерывно творческою силою, превратилась-бы въ самую прелестную бабочку.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ Магометъ. Легенда, составившаяся вокругъ него, слаба и не оригинальна. Магометъ, дѣйствительно, лицо историческое; мы со всѣхъ сторонъ прикасаемся къ нему. Книга съ его именемъ, оставшаяся у насъ, заключаетъ въ себѣ, почти слово въ слово произнесенныя имъ рѣчи. Въ его біографіи мы не видимъ ни чудесъ, ни преувеличеній. Ибнъ-Гишамъ и вообще всѣ самые старинные изъ его историковъ, все люди разсудительные. Тонъ ихъ почти тотъ-же, что и тонъ Жизни Святыхъ, — хотя и набожный, но разумный, и даже можно назвать множество легендъ о святыхъ, напр., о Францискѣ Ассизскомъ, которыя несравненно мистичнѣе, чѣмъ легенда основателя исламизма.

Магометъ не хотѣлъ быть чудотворцемъ: онъ хотѣлъ быть только пророкомъ и пророкомъ безъ чудесъ. Онъ безпрестанно повторяетъ, что онъ такой-же Человѣкъ,

какъ и всякій другой, такой-же смертный, подверженный грѣху и имѣющій такую-же нужду въ милосердіи Божиємъ. За нѣсколько дней до смерти, желая примириться съ своей совѣстью, онъ обращается съ такою рѣчью: «Мусульмане, если я ударилъ каго -нибудь, то вотъ спина моя, пусть и онъ меня ударитъ. Если кто-нибудь былъ оскорбленъ мною, то пусть отдастъ мнѣ оскорбленіе за оскорбленіе. Если я отнял у кого его добро, то все, что я имѣю, въ его распоряженіи». Одинъ человѣкъ всталъ и потребовалъ долгъ въ три драхмы. «Гораздо лучше,—сказалъ пророкъ,—стыдъ въ этомъ мірѣ, чѣмъ въ будущемъ», и сейчасъ - же заплатилъ долгъ.

Это чутье, этотъ чрезвычайно тонкій вкусъ, съ которымъ Магометъ понялъ свою роль пророка, внушены ему духомъ его націи. Ничто не можетъ быть неправильнѣе, какъ представлять себѣ арабовъ до Магомета, какъ народъ грубый, невѣжественный, суевѣрный: напротивъ это былъ народъ утонченный, скептическій, невѣрующій. Вотъ любопытный эпизодъ изъ первыхъ временъ миссіи Магомета, отлично характеризующій ледяное равнодушіе, встрѣчаемое имъ вокругъ себя и крайнюю сдержанность въ употребленіи чудеснаго, къ которой онъ былъ вынужденъ. Онъ сидѣлъ на паперти Каабы, въ небольшомъ разстояніи отъ кружка, состоявшаго изъ нѣсколькихъ Корейшитскихъ вождей, противниковъ его доктринъ. Отба, сынъ Ребіа, одинъ изъ нихъ, подходитъ къ нему, садится подлѣ него и говоритъ ему отъ имени остальныхъ: «Сынъ друга моего, ты человѣкъ, отличающійся и качествами, и рожденіемъ. Хотя ты поселяешь возмущеніе въ нашемъ отечествѣ, раздоръ въ семьяхъ, хотя ты оскорбляешь нашихъ боговъ, обвиняешь въ безбожіи

и заблужденіи нашихъ предковъ и мудрецовъ, но мы хотимъ пощадить тебя. Выслушай предложенія, которыя я хочу тебѣ сдѣлать, и обдумай, не принять-ли тебѣ нѣкоторыя изъ нихъ.—Говори, сказалъ Магометъ, я слушаю тебя.—Сынъ моего друга, возразилъ Отба, если цѣль твоего поведенія заключается въ накопленіи богатствъ, то мы сложимся, чтобы составить тебѣ состояніе, превышающее богатства любого изъ Корейшитовъ. Если ты доби- ваешься почестей, мы тебя сдѣлаемъ нашимъ вождемъ и не примемъ ни одного рѣшенія безъ твоего совѣта. Если явля- ющійся тебѣ духъ настолько привязался къ тебѣ и такъ овладѣлъ тобою, что ты уже не можешь освободиться изъ подъ его вліянія, то мы приведемъ къ тебѣ искусныхъ врачей и заплатимъ имъ, чтобы они вылѣчили тебя.—Я не хочу ни богатствъ, ни почестей, и не одержимъ злымъ духомъ, отвѣчалъ Магометъ. Я посланъ Аллахомъ, кото- рый открылъ мнѣ книгу и приказалъ возвѣстить вамъ ожи- дающія васъ награды или наказанія.—И такъ, Магометъ, сказали Корейшиты, такъ какъ ты не соглашаешься на наши предложенія и выдаешь себя за посланнаго Алла- хомъ, то дай намъ осязательныя доказательства твоего достоинства. Наша долина узка и бесплодна, умоли твоего Бога расширить ее и удалить другъ отъ друга эти стяги- вающія ее цѣпи горъ; пусть онъ велитъ здѣсь течь такимъ рѣкамъ, какія текутъ въ Сиріи и Иракѣ, или пусть онъ подниметъ изъ гробовъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ пред- ковъ, и между прочими Косея, сына Килоба, слова кото- раго имѣли такую силу; пусть эти знаменитые мертвецы признаютъ тебя пророкомъ, и тогда и мы признаемъ вслѣдъ за ними.—Богъ, отвѣчалъ Магометъ, послалъ меня къ вамъ не для этого: онъ послалъ меня только для того, чтобы проповѣдывать законъ его.—По крайней

мѣрѣ, возразили Корейшиты, попроси твоего Бога послать одного изъ своихъ ангеловъ, чтобы засвидѣтельствовать справедливость твоихъ рѣчей и приказать намъ вѣрить въ тебя. Попроси его также явно показать намъ, что онъ выбралъ, именно тебя, избавивъ тебя отъ необходимости ежедневно ходить на рынокъ за пищей, какъ то дѣлаетъ самый послѣдній изъ твоихъ соотечественниковъ.—Нѣтъ, сказала Магометъ, я не обращаюсь къ нему съ подобными просьбами: мой долгъ только проповѣдывать вамъ.—Ну, такъ пусть твой Богъ обрушитъ на насъ небо, что онъ можетъ сдѣлать, по твоему мнѣнью, потому, что мы не повѣримъ тебѣ!>.

Безъ всякаго сомнѣнiя какой-нибудь будда, былъ внѣ темперамента этого народа. Чрезвычайная тонкость арабскаго ума, искренняя и ясная манера, съ которой онъ относился къ внѣшнему міру, развращенность нравовъ и вѣрованій, царствовавшая въ эпоху исламизма, препятствовали новому пророку наускаться на себя важность. Въ Аравіи окончательно отсутствуетъ элементъ, порождающій мистицизмъ *) и миѳологію. Народы семитическіе по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые остались вѣрны патріархальной жизни и древнему духу своей расы, никогда не понимали въ божествѣ разнообразія, множества, пола: слово б о г и н я показалось-бы на еврейскомъ языкѣ

*) Если мнѣ укажутъ на общее стремленіе восточной философіи къ мистицизму, то я замѣчу, что только изъ заблужденія называютъ а р а б с к о й философію, которая никогда не имѣла корней на аравійскомъ полуостровѣ и появленіе которой было реакціей генія персидскаго противъ арабскаго. Эта философія была только написана по арабски, вотъ и все; въ ней нѣтъ ни стремленій арабскихъ, ни арабскаго духа.

самымъ ужаснымъ барбаризмомъ. Этимъ-то и объясняется та столь характерная черта, что у нихъ никогда не бывало ни мифологія, ни эпоса. Ихъ ясное и простое пониманіе Бога, отдѣленнаго отъ міра, не рождающаго и не бывшаго рожденнымъ, не имѣющаго себѣ подобныхъ, не допускало тѣхъ великихъ вымысловъ, тѣхъ божественныхъ поэмъ, въ которыхъ Индія, Персія, Греція развивали свою фантазію. Мифологія, изображающая религіозный пантеизмъ, возможна только въ воображеніи народа, у котораго не точно опредѣлены границы Бога, человѣчества и природы; но умъ, наиболѣе удаленный отъ пантеизма, есть, конечно, умъ семитическій. Аравія, въ частности, потеряла, или, быть можетъ, никогда не обладала даромъ сверхъестественнаго вымысла. Въ цѣлой Моаллакатъ *) и въ обширной анти-исламской поэзіи не найдется ни одной религіозной мысли. Этотъ народъ не понималъ значенія священныхъ вещей; но съ другой стороны, у него было очень живое пониманіе вещей конечныхъ и страстей человѣческаго сердца.

Вотъ почему мусульманская легенда въ Персіи осталась столь бѣдной и отчего элементъ мистическій въ ней положительно отсутствуетъ. Конечно, жизнь Магомета, какъ и всякаго великаго основателя, окружена баснями, но онѣ пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ только у шитовъ, подчинившихся вліянію персидскаго воображенія. Хотя онѣ и относятся къ сущности исламизма, но на нихъ надо смотрѣть какъ на побочныя при-

*) Моаллакатои или висяцими называли стихотворенія, получившіе премію на поэтическихъ состязаніяхъ и которые приколачивались золотыми гвоздями къ дверямъ Каабы. Изъ нихъ осталось семь, къ которымъ обыкновенно присоединяютъ двѣ или три поэмы того-же характера.

бавки, скорѣе терпимыя, чѣмъ признанныя и очень схожія съ низменной миеологіей апокрифовъ, которыхъ Церковь никогда искренно не признавала и строго не преслѣдовала. Какъ народному воображенію было не окружить чѣмъ-то чудеснымъ столь необыкновенную жизнь? Какъ дѣтству, столь выгодной темѣ для легенды, было не соблазнить сказочниковъ? По ихъ словамъ, въ ночь, когда родился пророкъ, замокъ Хозроэса былъ потрясенъ землетрясеніемъ, священный огонь маговъ потухъ, озеро Сава высохло, Тигръ разлился, и на всей землѣ идолы упали на землю. Однако, эти преданія никогда не возвышаются до освященной легенды и вообще всѣ рассказы о дѣтствѣ Магомета, не смотря на нѣсколько пятенъ, дышать прелестной граціей и естественностью. Чтобы заставить лучше оцѣнить эту умѣренность, я даю здѣсь образчикъ способа, которымъ Индія умѣетъ праздновать рожденіе своихъ героевъ *).

Когда твари узнаютъ, что долженъ родиться Будда, всѣ птицы съ Гималая слетаются ко дворцу Капила и распѣвая и махая крыльями, размѣщаются на террасахъ, балюстрадахъ, аркахъ, галереяхъ и крышахъ дворца; пруды покрываются лотусомъ; въ домахъ: ма́сло, медъ, сахаръ являются всегда въ изобиліи, какъ - бы ихъ ни употребляли. Барабаны, арфы, теорбы, цимбалы издають мелодическіе звуки, хотя къ нимъ никто и не прикасается. Боги и отшельники сбѣгаются изъ всѣхъ десяти горизонтовъ, чтобы сопровождать Будду. Будда спускается, окруженный сотнями милліоновъ божествъ. Въ ту минуту когда онъ спускается, три тысячи великихъ тысячъ сферъ міра освѣщаются громаднымъ великолѣпіемъ,

*) См. Коссенъ, т. 1, стр. 286 и слѣд.

уничтожающимъ великолѣніе боговъ. Ни одно существо не испытываетъ ни страха, ни страданія. Всѣ ощущаютъ безконечное благополучіе и имѣютъ только сердечныя и нѣжныя мысли. Сотни милліоновъ боговъ поддерживаютъ и несутъ колесницу Будды на рукахъ, плечахъ, головѣ. Сто тысячъ апсарасовъ управляютъ музыкальными хорами спереди, сзади, направо, налево отъ Будды и поютъ ему хвалу. Въ ту минуту, когда онъ долженъ выйти изъ нѣдры своей матери, всѣ цвѣты открываютъ свои чашечки, молодые деревья поднимаются съ поверхности земли и распускаютъ свои бутоны; благоуханныя воды текутъ со всѣхъ сторонъ; молодые львы, довольные и счастливые, сбѣгаются съ подошвы Гималая къ городу Капила и останавливаются у его воротъ, не причиняя никому ни малѣйшаго вреда. Пять сотъ молодыхъ бѣлыхъ слоновъ приходятъ, чтобы прикоснутся своими хоботами къ ногамъ царя, отца Будды; дѣти боговъ, убранныя поясами, появляются въ помѣщеніяхъ женщинъ и ходятъ туда и сюда; жены нагасовъ, обнаживъ половину туловища, показываются въ воздухѣ. Десять тысячъ дочерей боговъ являются съ синевы неба держа въ рукахъ опахала изъ павлиньихъ перьевъ; десять тысячъ наполненныхъ урнъ облѣтаютъ вокругъ великаго города Капила; сто тысячъ дочерей боговъ показываются съ раковинами, барабанами, тамбуринами, привѣшенными къ шеѣ и стоя неподвижно; вѣтры прекращаютъ свое духовеніе; рѣки и ручейки перестаютъ течь; солнце, луна и звѣзды останавливаютъ свое движеніе. Свѣтъ въ сто тысячъ цвѣтовъ, производящій благосостояніе въ душѣ и тѣлѣ, распространяется со всѣхъ сторонъ. Огонь не жжетъ. На галереяхъ, во дворцахъ, на террасахъ, на аркахъ воротъ являются висти жемчуга и драгоцѣн-

ныхъ камней. Вороны, коршуны, волки, шакалы перестаютъ кричать; слышатся только звуки, тихіе и пріятные. Всѣ боги лѣсовъ Салаха, высовывая наполовину свои туловища изъ листвы, неподвижно стоятъ, склонивъ головы. Большіе и маленькіе зонтики развертываются со всѣхъ сторонъ въ воздухѣ. Между тѣмъ королева подвигается по саду Лумбины. Дерево склоняется и пріѣтствуетъ ея. Королева беретъ одну изъ его вѣтвей, зѣваетъ, граціозно смотря на небо, и остается неподвижной. Будда выскакиваетъ изъ ея праваго бока, не причинивъ ей ни малѣйшей раны. Бѣлый лотусъ пробуравливаетъ землю и окрывается, чтобы принять его. Зонтикъ спускается съ неба для прикрытія его; рѣка съ холодной водой и рѣка съ теплою стекаются, чтобы обмыть его, и т. д. *).

Вотъ, что значитъ смѣло приступать къ легендѣ и не скупиться на чудеса. Аравія дошла до слишкомъ изощреннаго умственнаго развитія, чтобы тамъ могла образоваться подобная сверхъестественная легенда. Единственный разъ, когда Магометъ захотѣлъ позволить себѣ заимствованіе изъ фантазій другихъ религій въ своемъ ночномъ путешествіи въ Іерусалимъ на фантастическомъ животномъ, онъ потерпѣлъ большую неудачу: этотъ рассказъ былъ встрѣченъ градомъ насмѣшекъ, многіе изъ его учениковъ оставили его и пророкъ поснѣшилъ отказаться отъ своей несчастной мысли, объявивъ, что это чудесное путешествіе, выдаваемое сперва за настоящее, было однимъ сномъ. Вся арабская легенда о Магометѣ,

*) Мы выбираемъ эти черты между тысячами другихъ изъ Лалитавистара или легенды о Буддѣ, переводъ Эдуарда Фуко. Пар. 1848.

какова она у Абулфеды *), напримѣръ, ограничивается нѣсколькими разсказами съ весьма скромнымъ вымысломъ. Въ нихъ стараются привести его въ соприкосновеніе съ знаменитыми людьми его времени и предшествующаго поколѣнія. Заставляютъ личностей, всѣми почитаемыхъ, предсказывать его миссію. Когда онъ, погруженный въ свою идею, скитался по пустынямъ, окружающимъ Мекку, то слышалъ голоса, говорившіе ему: «Привѣтъ тебѣ, апостоль самого Бога!» Онъ оборачивался и видѣлъ только деревья и скалы. Убѣжавъ изъ Мекки, онъ укрывся въ пещеру: его враги уже готовы были проникнуть въ нее, когда замѣтили гнѣздо, въ которомъ голубка положила свои яйца, и паутину, закрывавшую дорогу. Его верблюдица была тоже вдохновлена, и когда вожди племени, желая предложить ему свое гостепріимство, намѣревались взять ее за поводъ, онъ говорилъ: «Оставь ее идти, ею руководить рука самаго Бога». Его сабля тоже дѣлаетъ чудеса. Послѣ одной битвы онъ усѣлся въ сторонѣ отъ всѣхъ, у подножія одного дерева, положивъ на колѣни оружіе, лезвее котораго было сдѣлано изъ серебра. Непрiятельскій Бедуинъ замѣтилъ его; онъ подходитъ и, притворившись, что привлеченъ простымъ любопытствомъ, говоритъ ему: «Позволишь-ли ты мнѣ разсмотрѣть свою саблю?» Магометъ, ничего не подозревая, подаетъ ее ему. Арабъ беретъ, вытаскиваетъ изъ ноженъ и хочетъ ударить его, но сабля отказывается повиноваться ему.

Всѣ чудеса его жизни также прозрачны; онъ самъ неумѣлъ выдумать ничего новаго въ этомъ родѣ. Ангелъ Гавріиль все дѣлалъ за него; онъ, кажется, и не могъ

*) См. переводъ, сдѣланный г. Ноелемъ-Деверже.

придумать ничего другаго. Одна лишь битва при Бедрѣ даетъ нѣсколько примѣровъ великаго, чудеснаго творчества, вымышленнаго на мѣстѣ. За мусульманъ сражался легіонъ ангеловъ. Одинъ арабъ, поднявшійся на сосѣднія горы увидалъ приближающееся къ нему облако и изъ центра его услышалъ ржанье лошадей и голоеъ, говорившій: «Впередъ, Гайзумъ!» (Haouzoum) (такъ звали лошадь ангела Гавріила). Масульманинъ рассказываетъ, что преслѣдуя однажды жителя Мекки съ саблею въ рукахъ, онъ видѣлъ, какъ голова бѣглеца упала прежде, чѣмъ его сабля настигла его: изъ этого онъ заключаетъ, что его предупредила рука посланнаго свыше. Другіе увѣряли, что ясно различали ангеловъ по ихъ бѣлымъ турбанамъ, одинъ конецъ которыхъ развѣвался по плечу, между тѣмъ, какъ у главы ихъ Гавріила голова была повязана желтымъ. Когда знаешь въ какомъ возбужденіи бываютъ арабы передъ битвой и во время ея, и когда подумаешь, что этотъ день былъ первымъ порывомъ мусульманскаго энтузіазма, то не только не удивляешься, что подобныя рассказы встрѣчали довѣріе, но скорѣе, что умы сражающихся при Бедрѣ создали столь умѣренныя чудеса.

Я знаю, что въ эпоху значительно позднѣйшую и подъ вліяніемъ расъ, чуждыхъ Аравіи, легенда Магомета осложнилась чудесными случаями, которые приближаютъ ее къ великимъ мифологическимъ легендамъ верхняго Востока. Персія, хотя и побѣжденная исламомъ, никогда не подчинилась вліянію семитическаго ума. Несмотря на навязанные ей религію и языкъ, она сѣумѣла заявить свои права, какъ народа индо-европейскаго и среди исламизма, создала свою философію, свою эпопею, свою мифологию. Откройте *Хіатъ-у-л-Колубъ*, сборникъ шіит-

скихъ преданій: вы тамъ увидите, что въ ночь рожденія Магомета на свѣтъ, въ раю выстроились семьдесятъ тысячъ дворцовъ изъ рубиновъ и столько-же дворцовъ жемчужныхъ и назвались они дворцами рожденья. Пророкъ родился уже обрѣзаннымъ, при чемъ присутствовали повивальныя бабки, необыкновенной красоты, явившіяся безъ всякаго предувѣдомленія. вмѣстѣ съ нимъ, изъ нѣдръ его матери выходитъ свѣтъ, блескъ котораго отразился по всей Аваріи. Едва родившись, онъ бросается на колѣни, поднимаетъ взоры къ небу, и восклицаетъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и я его пророкъ!» Богъ облакаетъ своего апостола рубашкой божественнаго довольства и платьемъ святости, повязаннымъ кушакомъ любви къ Богу. Онъ надѣваетъ сандалии почтительнаго страха, вѣнокъ первенства, и беретъ въ руки жезлъ духовной власти. Когда ему было три года, два ангела открываютъ ему бокъ, вынимаютъ сердце, извлекаютъ изъ него черныя капли грѣха и кладутъ пророческій свѣтъ. Магометъ видѣлъ сзади также хорошо, какъ и спереди, его слюна дѣлала морскую воду прѣсной, капли его пота походили на жемчугъ. Отъ его тѣла не падало тѣни ни при солнцѣ, ни при лунѣ, ни одно насѣкомое не приближалось къ нему.—Ничего не видно арабскаго въ этихъ преувеличеніяхъ, на которыхъ всецѣло отразились персидскіе вкусы: нужно совсѣмъ не знать характера легенды Магомета, чтобъ искать ее въ столь грубыхъ разсказахъ, которые также мало вредятъ первобытному арабскому преданію, какъ прѣсныя преувеличенія апокрифическихъ Евангелій вредятъ несравненной красотѣ Евангелій каноническихъ.

Легендарные элементы нарождающагося исламизма навсегда остановились на состояніи традиціи спорадиче-

ской, неизвѣстной никакого авторитета. Въсто существа таинственнаго, висящаго между небомъ и землей, безъ отца и брата на землѣ, мы видимъ араба со всѣми недостатками, свойственными его націи. Въсто высокой и недоступной строгости супернатурализма, заставляющей говорить Бого-человѣка: «Моя мать и мои братья, это всѣ слушающіе слово Божіе и исполняющіе его», мы имѣемъ здѣсь всѣ пріятныя слабости человѣческаго сердца. Въ сраженіи при Отасѣ одна плѣнница, которую мусульмане грубо тащили, вскричала: «Уважайте меня, я близка къ вашему вождю». Ее привели къ Магомету. «Пророкъ Божій, сказала она ему, я твоя молочная сестра, я Шайма, дочь Халямы, твоей кормилицы, изъ племени Бену-Садъ». — «Чѣмъ ты это мнѣ докажешь»? спросилъ Магометъ. — «Шрамомъ, оставшимся у меня на плечѣ отъ того, что ты однажды укусилъ меня, когда я носила тебя на своей спинѣ, отвѣчала она и показала шрамъ. Видъ его чрезвычайно растрогалъ пророка, напомнивъ ему первое дѣтство и заботы, которыми его окружала эта бѣдная семья бедуиновъ. На глаза его набѣжали слезы. «Да, ты моя сестра», сказалъ онъ Шаймѣ и, снявъ съ себя плащъ, онъ усадилъ ее на него и сказалъ: «Если ты хочешь теперь остаться со мною, ты будешь жить въ спокойствіи и почетѣ среди моихъ; если ты предпочитаешь возвратиться въ свое племя, я дамъ тебѣ возможность жить тамъ въ довольствѣ». Шайма сказала, что предпочитаетъ жизнь въ пустынѣ и онъ отослалъ ее съ богатыми дарами.

Тутъ ничего не скрыто: ни его слабости, ни унижительныя стороны. Онъ начинаетъ съ коробейника по Сиріи, гдѣ дѣлаетъ хорошія дѣла. Онъ не отличается ничѣмъ необыкновеннымъ, имѣетъ свое прозвище, какъ и

всякій другой: его зовутъ ель-Аминъ, вѣрный человѣкъ. Въ первой молодости, онъ дерется съ Корейшитами противъ Хавациновъ и это не мѣшаетъ Корейшитами быть изрубленными въ куски. Во время одной поѣздки, его верблюдицу перегнала верблюдица бедуина, что ему было чрезвычайно непріятно. Для возвеличенія своего пророка, Аравія не сочла себя обязанной возвышать его надъ человѣчествомъ и лишить его привязанностей племенныхъ, семейныхъ и другихъ болѣе скромныхъ. Мусульманскіе историки намъ рассказываютъ, что онъ любилъ свою лошадь и своего верблюда, что онъ обтиралъ съ нихъ потъ своимъ рукавомъ. Когда его кошка хотѣла ѣсть или пить, онъ вставалъ, чтобы отворить ей дверь и внимательно ухаживалъ за старымъ пѣтухомъ, котораго берегъ для предохраненія себя отъ дурнаго глаза. Въ своей семьѣ онъ представляется намъ какъ самый честный отецъ семейства. Часто, взявъ за руки Газану и Гозеину, родившихся отъ Али и его дочери Фатимы, онъ заставлялъ ихъ прыгать и танцовать, повторяя дѣтскія слова, которыя и сохранились *). Часто, завидя ихъ, онъ оставался на половинѣ проповѣди, шелъ обнимать ихъ, становилъ подлѣ себя на возвышеніе и послѣ нѣсколькихъ словъ въ извиненіе ихъ невинности, онъ продолжалъ свою рѣчь. Послѣ обращенія бену-теминовъ въ исламизмъ, одинъ изъ ихъ главныхъ вождей, Кайсъ, сынъ Асима, будучи въ Мединѣ, вошелъ однажды къ пророку и нашелъ его держащимъ на колѣняхъ маленькую дѣвочку, которую онъ покрывалъ поцѣлуями. «Что это за

*) Я не приписываю никакого историческаго значенія всемъ этимъ рассказамъ; я настаиваю лишь на характерѣ, которымъ рабы надѣлили своего пророка и на общемъ колоритѣ легенды.

овечка, которую ты обнюхиваешь?» спросилъ онъ. — «Это моя дочь», отвѣчалъ Магометъ. — «Богъ мой!» возразилъ Кайсъ, «и у меня было много такихъ-же дѣтей, какъ это; я ихъ всѣхъ закопалъ живыми, не обнюхивая ни одной». — «Несчастный!» вскричалъ Магометъ; «значить Богъ лишилъ твое сердце всякаго человѣческаго чувства. Ты не знаешь величайшаго наслажденія, которое дано испытать человѣку».

Его біографы также мало, какъ и онъ самъ, стараются скрыть его преобладающую страсть: «Всего двѣ вещи на свѣтѣ были для меня особенно привлекательны, говорилъ онъ, это — женщины и духи. Но чистое наслажденіе я испытываю только на молитвѣ». Это былъ единственный пунктъ, на которомъ онъ поступалъ противъ своихъ собственныхъ законовъ и требовалъ своего преимущества, какъ пророка. Вопреки всѣмъ его предписаніямъ, у него было пятнадцать женъ, другіе говорятъ — двадцать пять. Самые щекотливые эпизоды не могли не возникнуть при подобномъ семействѣ. Прибавьте къ этому, что самая сильная ревность была одною изъ чертъ его характера. Одинъ изъ стиховъ Корана даже запрещаетъ его женамъ выходить замужъ послѣ его смерти. Во время своей послѣдней болѣзни, онъ говорилъ Аишѣ: «Не желала-ли бы ты умереть ранѣе меня и знать, что я самъ заверну тебя въ саванъ, буду молиться надъ тобой и положу тебя въ могилу?» — «Я была-бы не прочь отъ этого, отвѣчала Аиша, если-бы я не думала, что, по возвращеніи съ моихъ похоронъ, ты придешь сюда искать утѣшенія въ моей потерѣ съ какой-нибудь другой изъ твоихъ женъ». Эта острота заставила улыбнуться пророка.

Эпизодъ его женитьбы на Маріи коптской — одинъ изъ самыхъ странныхъ. Простая коптка, рабыня, христіанка,

вдругъ увидѣла себя предпочтенной въ продолженіи нѣсколькихъ ночей благороднымъ дочерямъ Абу-Бекра и Омара, женщинамъ самой чистой корейшитской крови. Этотъ выборъ произвелъ настоящее возмущеніе въ гаремѣ, по поводу котораго Богъ открылъ слѣдующее: «О, пророкъ Божій, зачѣмъ, изъ желанія угодить своимъ женамъ, будешь ты отказываться отъ того, что позволяетъ тебѣ самъ Богъ? Господь благъ и милосердъ; онъ уничтожаетъ опрометчивыя клятвы. Онъ господинъ вамъ, онъ обладаетъ знаніемъ и премудростью». Получивъ такое позволеніе наказать бунтовщицъ, онъ прогналъ ихъ отъ себя на цѣлый мѣсяць, который и отдалъ всецѣло Маріи. Только благодаря горячимъ просьбамъ Абу-Бекра и Омара, онъ согласился опять принять къ себѣ ихъ дочерей, давъ имъ прежде сильный нагоняй слѣдующимъ стихомъ: «Если вы сопротивитесь пророку, то знайте, что Богъ объявляетъ себя за него. Онъ-бы могъ развестись со всѣми вами и Всевышній даль-бы ему женъ гораздо лучше васъ, хорошихъ мусульманокъ, набожныхъ, покорныхъ, преданныхъ».

Еще большій скандалъ вышелъ при женитьбѣ Магомета на Зейнабъ. Она уже была замужемъ за Зеидомъ, приемнымъ сыномъ пророка. Однажды, придя въ гости къ Зеиду, онъ нашелъ Зейнабъ одну и въ такой легкой одеждѣ, что она едва прикрывала красоту ея формъ. Его волненіе вырвалось наружу въ слѣдующихъ словахъ: «Хвала Богу, располагающему сердцами!» Затѣмъ, онъ удалился, но смыслъ этого восклицанія не ускользнулъ отъ Зейнабъ, передавшей его Зеиду. Этотъ послѣдній немедленно-же побѣжалъ къ Магомету возвѣстить ему, что онъ готовъ разлучиться съ женою. Сначала пророкъ противился его намѣренію, но Зеидъ настаивалъ. Зей-

набъ, говорилъ онъ, гордится своимъ происхожденіемъ и обходится съ нимъ съ надменностью, которая мѣшаетъ счастью ихъ союза. Несмотря на обычай, запрещающій арабамъ женитьбу на женахъ ихъ пріемныхъ сыновей, Зейнабъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вступила въ число женъ пророка. Нѣсколько стиховъ Корана прекратили ропоть строгихъ мусульманъ и услужливый Зеидъ увидѣлъ свое имя записаннымъ въ священную книгу.

Однимъ словомъ Магометъ является намъ человѣкомъ кроткимъ, чувствительнымъ, честнымъ, лишеннымъ ненависти. Его привязанности были искренни; вообще, характера весьма добродушнаго. Когда при встрѣчѣ ему жали руку, онъ привѣтливо отвѣчалъ на пожатіе и никогда первый не отнималъ своей руки. Онъ всегда здоровался съ маленькими дѣтьми и выказывалъ большую сердечную нѣжность къ женщинамъ и слабымъ. «Рай у ногъ матерей», говорилъ онъ. Ни честолюбивыя мысли, ни религиозное увлеченіе не иссушили въ немъ зародышей индивидуальныхъ чувствъ. Нѣтъ ничего общаго между нимъ и этимъ безсердечнымъ и макиавелическимъ честолюбцемъ, который объясняетъ свои намѣренія александрийскими стихами *):

Je dois regir en dieux l'univers prevenu;
Mon empire est detruit, si l'homme est reconnu.

Напротивъ того, у него человѣкъ весь наружу. Онъ сохранилъ умѣренность арабскихъ нравовъ; никакой идеи величія. Простой плащъ служилъ ему постелью, а наволочка съ финиковыми листьями—изголовьемъ. Онъ при

*) Я долженъ, какъ Богъ управлять предупрежденной вселенной. Моя власть погибла, если человѣкъ будетъ узнавъ. Изъ «Магомета», трагедіи Вольтера.

всѣхъ доилъ своихъ овецъ и сѣлся на землю, чтобы чинить свою одежду и свою обувь. Все его поведеніе опровергаетъ характеръ предприимчивый, смѣлый, который всѣ обыкновенно приписываютъ ему. Онъ выказывается обыкновенно слабымъ, нерѣшительнымъ, мало въ себѣ увѣреннымъ. Г. Вейль доходитъ даже до того, что называетъ его трусомъ; дѣйствительно, онъ подвигался впередъ весьма осторожно и всегда противился увлеченію своихъ окружающихъ. Его предосторожности во время битвъ были недостойны пророка. Онъ закрывался двумя кольчугами и носилъ на головѣ каску съ забраломъ, закрывавшимъ ему лицо. При оходскомъ пораженіи его поведеніе, какъ нельзя болѣе, неприлично для посланнаго Богомъ: опрокинутый въ ровъ, онъ обязанъ былъ жизнію только преданности ансаровъ, накрывшихъ его своими тѣлами, и поднялся весь покрытый кровью и грязью. Его крайняя осторожность видна на каждомъ шагу. Онъ охотно слушалъ совѣты и относился къ нимъ съ уваженіемъ. Часто онъ даже поддавался гнету общественнаго мнѣнія и позволялъ увлекать себя на выходки, которыя онъ же не одобрялъ. Его ученики, имѣвшіе гораздо болѣе возвышенное понятіе объ его пророческомъ дарѣ, чѣмъ онъ самъ, и вѣря въ него болѣе его самого, никакъ не могли понять этихъ колебаній и этой осторожности.

Энергія, выразившаяся при основаніи новой религіи, всецѣло принадлежитъ Омару. Омаръ—это настоящій апостоль Павелъ исламизма, ножъ рѣжущій и рѣшающій. Нельзя сомнѣваться, что сдержанный характеръ Магомета помѣшалъ-бы успѣху всего дѣла, если-бы онъ не встрѣтилъ этого пылкаго ученика, всегда готоваго обнажить саблю противъ всѣхъ, не хотѣвшихъ безъ критики принимать новую религію, которой онъ былъ самымъ го-

рячимъ преслѣдователемъ. Обращеніе Омара было рѣшительной минутой въ развитіи исламизма. До тѣхъ поръ мусульмане потихоньку исповѣдывали свою вѣру и не осмѣливались открыто признаваться въ ней. Смѣлость Омара, его непреклонное желаніе открыто признать себя мусульманиномъ, внушаемый имъ страхъ, придали ему бодрость высказаться открыто. Мнѣ кажется, что Магометъ ничего не видѣлъ за горизонтомъ Аравіи и не думалъ, что его религія можетъ понравиться не однимъ арабамъ. Завоевательный принципъ исламизма—мысль, что весь свѣтъ долженъ сдѣлаться мусульманскимъ, принадлежитъ одному Омару. По смерти Магомета мы опять таки видимъ, что въ дѣйствительности онъ управлялъ Аравією подъ именемъ слабаго Абу-Бекра и управлялъ въ ту минуту, когда едва развившееся дѣло пророка готово было погибнуть; онъ-же остановилъ отпаденіе племень и придалъ новой религіи ея характеръ неподвижности. Если пылъ необузданнаго темперамента, съ яростью привязывающагося къ догмату, долженъ называться вѣрою, то Омаръ былъ самымъ энергичнымъ изъ правовѣрныхъ. Никогда никто не вѣрилъ съ такимъ жаромъ, никто не расточалъ столько гнѣва во имя неоспоримаго. Часто случается, что потребность въ ненависти приводитъ къ религіи характеры цѣльные и безъ всякихъ оттѣнковъ, такъ какъ изъ всѣхъ поводовъ къ ненависти религія представляетъ самый безопасный.

Роль пророка всегда имѣетъ свои шиши, и Магометъ, стоя лицомъ къ лицу съ своими соотечественниками, тоже готовыми находить въ немъ недостатки, не могъ не переживать весьма тяжелыхъ минутъ. Вообще, онъ вывертывался всегда изъ нихъ съ большимъ искусствомъ, не становясь на ходули и остерегаясь заходить слишкомъ

далеко. Могло показаться удивительнымъ, что посланникъ Божій переносилъ пораженія, видѣлъ свои замыслы разрушенными, одерживалъ полу-побѣды. Въ великихъ сверхъестественныхъ легендахъ бываетъ совсѣмъ иначе. Тамъ все опредѣлено, абсолютно, какъ подобаетъ, когда въ дѣла вмѣшивается самъ Богъ. Но было уже слишкомъ поздно такъ высоко поднимать тонъ; вотъ почему, въ жизни этого послѣдняго изъ пророковъ, все совершается совсѣмъ по-человѣчески и вѣрно съ исторіей. Онъ разбитъ, онъ ошибается, отступаетъ, исправляется, противорѣчить себѣ. Мусульмане признаютъ двѣсти двадцать пять противорѣчій въ Коранѣ, т. е. двѣсти двадцать пять мѣстъ, которыя были впоследствии выкинуты въ виду переменны политики.

Что-же касается до чертъ изъ жизни Магомета, которыя могутъ казаться намъ непростительными пятнами на его нравственности, то мы должны остеречься отъ слишкомъ строгой критики. Очевидно, большая часть его поступковъ не производили ни на его современниковъ, ни на восточныхъ историковъ того-же впечатлѣнія, которое они производятъ на насъ. Нельзя, однако, отрицать, что, по свидѣтельству самихъ мусульманъ, Магометъ нѣсколько разъ дѣлалъ зло совершенно сознательно, отлично зная, что повинуется своей волѣ, а не вдохновенію свыше. Онъ дозволяетъ разбойничество; повелѣваетъ убійство; онъ жетъ и позволяетъ лгать другимъ на войнѣ изъ военной хитрости. Можно-бы привести тысячу случаевъ, когда онъ поступаетъ противъ нравственности изъ-за политической выгоды. Одинъ изъ его самыхъ странныхъ поступковъ, конечно, есть его обѣщаніе Омману прощенія всѣхъ грѣховъ, которые онъ можетъ совершить до своей смерти, въ награду за большой денеж-

ный взносъ. Въ особенности онъ былъ неумолимъ съ на-смѣшниками. Единственная женщина, въ отношеніи которой онъ выказалъ суровость при взятіи Мекки, была музыкантша Фертена, обыкновенно пѣвшая сатирическіе стихи, сочинявшіеся противъ него. Его поведеніе относительно одного изъ его секретарей тоже весьма характеристично. Этотъ человекъ, писавшій Коранъ подъ диктовку пророка, слишкомъ близко присутствовалъ при его вдохновеніи, чтобы ихъ взаимное довѣріе было очень сильно. Магометъ не любилъ его; онъ обвинялъ его въ перемѣнѣ словъ и въ изворачиваніи его мыслей, такъ что секретарь, подъ вліяніемъ страха, бѣжалъ и отказался отъ исламизма. Послѣ взятія Мекки онъ попался въ руки мусульманъ. Магометъ съ величайшимъ трудомъ согласился помиловать его и когда отступникъ вышелъ, онъ съ досадою выразилъ мусульманамъ свое недовольство за то, что они не избавили его отъ этого человека.

Было-бы также несправедливо осуждать Магомета, на основаніи нашихъ современныхъ идей о нравственности, за его поступки, которые мы теперь называемъ обманомъ. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени у мусульманъ искренность и даже благородство характера могутъ соединяться съ нѣкотораго рода плутовствомъ. Глава секты ваггабитовъ, Абдель-Ваггабъ, настоящій деистъ, Социнъ исламизма, не внушалъ-ли солдатамъ самаго слѣпago довѣрія, давая имъ, передъ битвой, пропускной листъ съ своей подписью къ казначею рая, чтобы тотъ принялъ ихъ сейчасъ-же безъ всякаго предварительнаго допроса. Всѣ основатели кгуанъ (khouan) или алжирскихъ *) ду-

*) См. любопытное сочиненіе по этому предмету капитана де-Неве, Парижъ 1846.

ховныхъ орденовъ—въ одно время и аскеты и шарлатаны. Сиди-Аисса самый необыкновенный изъ этихъ новѣйшихъ пророковъ, Сиди-Аисса, легенда о которомъ достигла почти размѣровъ легенды о Магометѣ, былъ только простой фокусникъ и показыватель животныхъ, умѣвшій ловко эксплуатировать свое ремесло, и никто изъ путешествовавшихъ по Алжиру не повѣритъ, что аисса уа придають какое-нибудь особое значеніе своимъ продѣлкамъ.

Но, конечно, было-бы крайне предосудительно сравнивать Магомета съ столь низкими плутами. Надо, однако, сознаться, что если первое условіе званія всякаго пророка заключается въ заблужденіи относительно самого себя, то Магометъ не заслуживаетъ этого титула. Вся его жизнь носитъ отпечатокъ разсудительности, разчета, политики, совѣмъ не подходящихъ къ характеру энтузіаста, осаждаемаго божественными видѣніями. Никогда не было болѣе ясной головы, никогда человѣкъ болѣе не владѣлъ своей мыслью. Было-бы слишкомъ узко и поверхностно съ нашей стороны, если-бы мы вздумали задаваться вопросомъ о томъ, вѣрилъ-ли Магометъ въ свое призваніе, потому что, съ одной стороны, одна вѣра способна поддержать новатора въ борьбѣ, которую онъ ведетъ изъ-за своей идеи; съ другой—совершенно невозможно допустить, чтобы человѣкъ такого яснаго ума могъ вѣрить, что у него между лопатками лежитъ печать пророка, и что архангелъ Михаилъ ниспосылаетъ на него вдохновеніе, всецѣло полученное имъ изъ своихъ собственныхъ страстей и преднамѣренныхъ разчетовъ. Гг. Вейль и Вашингтонъ Ирвингъ не безъ основанія полагають, что въ первой части своей пророческой дѣятельности, онъ былъ весь проникнутъ, дѣйствительно,

святымъ энтузіазмомъ, и что политическій періодъ наступилъ для него только гораздо позже, когда борьба и сознание трудностей, которыя еще надо было преодолѣть помрачили первый пылъ его вдохновенія.

Послѣдніе сураты Корана, блестящія такой поэзіей, служатъ выраженіемъ его основнаго убѣжденія, между тѣмъ, какъ первые, полные споровъ, противорѣчій, оскорбленій, — произведеніе лѣтъ практическихъ и разсудительныхъ. Нельзя отрицать, что первыя проявленія его пророческаго генія носятъ на себѣ отпечатокъ большой святости. Его видали молящимся въ полномъ уединеніи въ одной изъ пустынныхъ долинъ, окружающихъ Мекку. Али, сынъ Абу-Талиба, потихоньку отъ отца и дядей, иногда сопровождалъ его и молился съ нимъ, подражая его движеніямъ и жестамъ. Однажды Абу-Талибъ засталъ ихъ.

— Что вы дѣлаете, — спросилъ онъ, — и какую религію вы исповѣдуете?

— Религію Бога, его ангеловъ, его пророковъ, — отвѣчалъ Магометъ, — религію Авраама.

Онъ столь-же великъ въ первыхъ испытаніяхъ своего апостольства. Разъ вечеромъ, проведя весь день за проповѣдью, онъ вернулся къ себѣ, не встрѣтивъ никого, ни мужчины, ни женщины, ни свободнаго, ни раба, кто-бы не обрушивался на него съ оскорбленіями и съ презрѣніемъ, не отталкивая его увѣщаній. Убитый, обезкураженный, онъ завернулся въ плащъ и бросился на коверъ. Тогда-то Гавріиль и отерылъ ему прелестный суратъ: «О, ты, завернутый въ плащъ, встань и проповѣдуй...»

Во всякомъ случаѣ, эта святость проявляется весьма рѣдко въ его дѣятельный періодъ. Быть можетъ, онъ увидѣлъ, что нравственнаго чувства и душевной чистоты

недостаточно для борьбы съ страстями и личной выгодой, и что религіозная идея, добивающаяся послѣдователей, должна принимать приемы своихъ противниковъ, хотя часто они бываютъ далеко не изящны. По-крайней мѣрѣ, кажется, что послѣ безусловнаго довѣрія къ своему пророчеству, онъ потомъ потерялъ свою непосредственную вѣру и продолжалъ идти, направляемый размышленіемъ и волей, значительно, съ тѣхъ поръ, уменьшившимися, — точно также почти, какъ Іоанна д'Аркъ, которая превратилась въ женщину, какъ только потеряла свою первую наивность. Человѣкъ слишкомъ слабъ, чтобъ долго выносить божественное призваніе, и тѣ только оставались безгрѣшными, съ которыхъ Богъ вскорѣ снималъ бремя ихъ апостольства.

Вопросъ, быть можетъ, еще болѣе странный, но который критика обязана ставить:—до какой степени ученики Магомета вѣрили въ пророческое призваніе ихъ учителя? Можетъ показаться весьма страннымъ подвергать сомнѣнію безусловное убѣжденіе людей, которыхъ рвеніе къ своей вѣрѣ сейчасъ увлекло ихъ до границъ вселенной. Однако, здѣсь необходимо сдѣлать важныя различія. Среди самыхъ первыхъ вѣрующихъ магаджировъ и ансаровъ *) надо сознаться, что вѣра была почти абсолютна; но, если мы выйдемъ изъ этой маленькой группы, не превышавшей нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, мы найдемъ вокругъ Магомета, въ цѣлой Аравіи, только самое явное невѣріе. Антипатія меккинцевъ къ ихъ соотечественнику никогда не была вполне уничтожена. Эпику-

*) Магаджиръ были жители Мекки, сопровождавшіе Магомета въ его бѣгствѣ (hedgejra); ансары—мединцы, принявшіе его и защищавшіе противъ своихъ согражданъ.

реизмъ, распространенный среди богатыхъ корейшитовъ, легкое и вольное направлѣніе тогдашнихъ модныхъ поэтовъ, не допускали никакого глубокаго убѣжденія. Что же касается до другихъ племенъ, то, безъ сомнѣнія, они приняли исламизмъ только для формы, не заботясь о догматахъ, которымъ слѣдовало вѣрить, и не придавая имъ никакой важности. Они не видѣли большаго зла производить формулу ислама, чтобы забыть ее, какъ только не станетъ пророка. Когда Кгалидъ (Khalid) явился къ Джадгимаямъ, упрашивая ихъ принять вѣру пророка, они такъ мало знали, въ чемъ дѣло, что подумали, что имъ говорить о сабеизмѣ, и, бросивъ свое оружіе, вскричали: — Мы сабеянцы!

Гордые Тгакифы (Thakif) придумали странный способъ, чтобы скрыть позоръ своего обращенія: они согласились подчиняться новому закону съ условіемъ оставить у себя еще на три года своего идола Лата. Такъ какъ это условіе было отреггнуто, то они просили оставить у себя Лата на годъ, на шесть мѣсяцевъ, на одинъ мѣсяць. Ихъ гордость требовала уступки; наконецъ, они ограничились просьбой объ увольненіи ихъ отъ молитвы. Обращеніе темимитовъ не менѣе любопытно. Ихъ посланники явились очень гордо и, подойдя къ помѣщенію пророка и его женъ, вскричали:

— Выходи Магометъ, мы пришли предложить тебѣ борьбу славы *): мы привели съ собой нашего поэта и нашего оратора.

*) Битвой славы или м у ф а к г а р а назывались поэтическіе поединки, въ которыхъ каждое племя имѣло своимъ представителемъ поэта, которому поручалось выхваляваніе его достоинствъ и его правъ на первенство. Побѣда оставалась за племенемъ, поэтъ котораго придумалъ болѣе сильныя и счастливыя выраженія.

Магометъ вышелъ и всѣ размѣстились вокругъ спорящихъ. Ораторъ Отаридъ и поэтъ Забриканъ восхваляли преимущества своего племени одинъ въ римованной прозѣ, другой въ стихахъ. Кансъ и Гассанъ, сыновья Тгабета (Thabet), отвѣчая импровизаціей въ томъ-же размѣрѣ и съ тою-же римой, съ такой энергіей доказали преимущества мусульманъ, что темимиты признали себя побѣжденными.

Дѣйствительно, Магометъ—человѣкъ, которому покровительствуетъ само небо,—говорили они,—его ораторъ и поэтъ побѣдили нашихъ.

И они сдѣлались мусульманами.

Всѣ обращенія были въ томъ-же родѣ. Ставили условія; принимали и спускали. Старый Амиръ, сынъ Тофаила (Tofaül), придя къ Магомету, спросилъ его:

— Если я приму исламъ, то каково будетъ мое значеніе?

— Такое-же, какъ и другихъ мусульманъ,—отвѣчалъ Магометъ,—у тебя будутъ тѣ-же права и тѣ-же обязанности, какъ у всѣхъ.

— Это равенство не удовлетворяетъ меня. Объяви меня твоимъ наслѣдникомъ въ управленіи народовъ, и я присоединюсь къ твоей вѣрѣ.

— Я не могу распоряжаться управленіемъ послѣ себя; Богъ отдастъ его тому, кого ему будетъ угодно выбрать.

— Ну, такъ раздѣлимъ теперь власть: властвуй надъ городами, надъ арабами осѣдлыми, а я буду властвовать надъ бедуинами.

— Такъ какъ Магометъ не согласился на эти условія, то Амиръ отказался отъ исламизма.

Въ особенности послѣ смерти Магомета можно было видѣть, насколько было слабо убѣжденіе, соединившее

вокругъ него различныя аравійскія племена: елва не
 произошло общее отпаденіе. Одни говорили, что если-бы
 Магометъ былъ дѣйствительно посланъ самимъ Богомъ,
 то онъ не умеръ-бы; другіе полагали, что его религія
 должна была длиться только въ теченіи его жизни. Какъ
 только распространилось извѣстіе объ его близкой кон-
 чинѣ,—по всей Аравіи явилась цѣлая куча пророковъ;
 каждое племя захотѣло имѣть своего, подобно корейши-
 тамъ: примѣръ былъ заразителенъ. Почти всѣ эти про-
 роки были низкіе интриганы, совершенно лишены ре-
 лигіозной инициативы. Обращаясь къ племенамъ простымъ
 и гораздо менѣ развитымъ, чѣмъ меккинцы, они имѣли
 въ своемъ распоряженіи нѣсколько фокусовъ, которые
 выдавали за доказательство своего божественнаго при-
 званія. Одинъ изъ нихъ, Мозеилама, бѣгалъ по странѣ,
 показывая стеклянку съ узкимъ горлышкомъ, въ которую
 онъ вложилъ яйцо, по способу, перенятому имъ отъ пер-
 сидскаго фокусника. Онъ говорилъ также риѣмованныя
 фразы, которыя выдавалъ за стихи втораго Корана. Кто-
 бы повѣрилъ? этотъ низкій обманщикъ, въ продолженіи
 нѣсколькихъ лѣтъ, разстроивалъ дѣйствія всѣхъ мусуль-
 манскихъ силъ, собравшихся вокругъ Абу-Бекра, и поко-
 лебалъ судьбу Магомета. Онъ встрѣтилъ опасную сопер-
 ницу въ пророчицѣ Седжагъ (Sedjah), которой удалось
 сгруппировать вокругъ себя сильную армію темимитовъ.
 Мозеилама, тѣснимый къ Гаджрѣ, не нашелъ другаго
 средства обезоружить своего прекраснаго соперника,
 какъ предложить ему свиданіе, принятое съ радостью.
 Пророкъ и пророчица вышли женатыми. По прошествіи
 трехъ дней, отданныхъ гименею, Седжагъ вернулась въ
 свой лагерь, гдѣ солдаты начали спрашивать ее о
 результатахъ ея свиданія съ Мозеиламой.

— Я признала въ немъ настоящаго пророка, — отвѣчала она, — и я вышла за него замужь.

— Дастъ намъ Мозеилама свадебный подарокъ? — спросили темимиты.

— Онъ ничего объ этомъ не говорилъ, — возразила Седжагъ.

— Это было-бы большимъ позоромъ для тебя и для насъ, — продолжали они, еслибъ онъ женился на нашей пророчицѣ, не давъ намъ ничего. Вернись къ нему и потребуй намъ подарка.

Седжагъ отправилась къ воротамъ Геджры и, найдя ихъ запертыми, велѣла позвать своего супруга, который и явился на стѣну. Герольдъ объявилъ ему требованіе темимитовъ.

— Отлично, отвѣчалъ Мозеилама, вы будете удовлетворены. Поручаю вамъ напечатать слѣдующую прокламацію: «Мозеилама, пророкъ Божій, даетъ разрѣшеніе бену-темиманъ не читать первой и послѣдней изъ пяти молитвъ, наложенныхъ на нихъ его собратомъ Магометомъ».

Темимиты отнеслись серьезно къ этому разрѣшенію и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не читаетъ ни утренней, ни вечерней молитвы.

Изъ этихъ разсказовъ можно судить, до какой степени религіозное движеніе арабовъ было ничтожно *). Это дви-

*) Нерелигіозный характеръ кочующихъ арабовъ поражалъ всѣхъ путешественниковъ. Напр. де-Эксирака де-Латюръ Пустыни и Суданъ, стр. 340 и слѣд. Нѣкоторыя части Аравіи сдѣлались вполне мусульманскими только въ началѣ этого столѣтія вслѣдствіе ваггабитскаго движенія. Вообще, религіи легче завоевываютъ себѣ послѣдователей вдали, чѣмъ въ странѣ, бывшей ихъ колыбелью.

женіе, среди очень ограниченной группы, не имѣло ничего догматическаго. Рассказываютъ, что послѣ одной побѣды Омаръ приказалъ, чтобы часть добычи каждаго солдата соотвѣтствовала части Корана, которую онъ зналъ наизусть. Но, когда дѣло дошло до испытанія, то оказалось, что самые храбрые изъ бедуиновъ могли отвѣтить только первыя слова: «Во имя Бога благаго и мило-сердаго», что заставило много смѣяться присутствующихъ. Эти простые и сильныя натуры не понимали ничего таинственнаго. Съ другой стороны, мусульманская вѣра нашла въ богатыхъ и гордыхъ семьяхъ Мекки центръ сопротивленія, вполнѣ восторжествовать надъ которымъ она не могла. Абу-Софіанъ, глава этой оппозиціи, никогда искренно не разыгрывалъ роли настоящаго правовѣрнаго. Во время перваго своего свиданія съ Магометомъ, при взятіи Мекки, пророкъ сказалъ ему:

— Ну, что-же, признаешь-ли ты теперь, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха?

— Да,—отвѣчаетъ Абу-Софіанъ.

— Но признаешь-ли ты также, что я посланный Аллаха?

— Прости меня за мою искренность,—возразилъ Абу-Софіанъ,—но на этотъ счетъ у меня остались еще кое-какія сомнѣнія.

Много очень пикантныхъ анекдотовъ свидѣтельствуютъ о слегка скептическомъ и насмѣшливомъ тонѣ, который то-же лицо навсегда сохранило относительно новой вѣры. Къ тому-же цѣлая толпа меккицевъ раздѣляла его чувства. Въ Меккѣ была цѣлая партія людей умныхъ, богатыхъ, пропитанныхъ древней арабской поэзіей и совершенно невѣрующими. Эти люди имѣли слишкомъ много вкуса и утонченности, чтобы поддерживать

сильную оппозицію противъ нарождающейся секты; они приняли исламизмъ, но сохранили свои языческія привычки. Это партія мунафикуновъ или притворныхъ мусульманъ, которая играетъ такую большую роль въ Коранѣ. Въ сраженіи при Хонаинѣ, когда мусульмане потерпѣли пораженіе, эти ложные братья не скрыли своей злобной радости.

— Бьюсь объ закладъ, — вскричалъ Калада, — что на этотъ разъ Магометъ ничего не подѣлаетъ со своимъ волшебствомъ.

— Посмотрите-ка на нихъ, — говорилъ Абу-Софіанъ, — они будутъ бѣжать, пока море не остановитъ ихъ.

Магометъ отлично зналъ, насколько можно довѣрять имъ; но, какъ искусный политикъ, онъ довольствовался однимъ наружнымъ повиновеніемъ и дѣлалъ такъ, что, при раздачѣ добычи, на ихъ долю приходилось болѣе, чѣмъ на долю вѣрныхъ, въ которыхъ онъ былъ увѣренъ.

Все первое столѣтіе исламизма прошло въ борьбѣ между двумя партіями, порожденными проповѣдью Магомета: съ одной стороны, вѣрная группа мохаджировъ и ансаровъ; съ другой — противная партія, представителями которой была семья омейядовъ или Абу-Софіанъ. Вся сила искреннихъ мусульманъ сосредоточивалась въ Омарѣ; но, послѣ его убійства, т. е. двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти пророка, противная партія восторжествовала избраніемъ Отмана, племянника Абу-Софіана, т. е. самаго опаснаго врага Магомета. Все время калифата Отмана было реакціей противъ друзей пророка, которыхъ удалили отъ дѣлъ и сильно преслѣдовали. Съ тѣхъ поръ они никогда не одерживали перевѣса. Провинціи не могли допустить, чтобы маленькая аристократія мохаджировъ и ансаровъ, группирующихся въ Меккѣ и Мединѣ, при-

своила одной себѣ право выбирать калифа. Али, настоящій представитель первобытнаго исламизма, всю жизнь свою оставался человѣкомъ невозможнымъ, и его выборъ никогда не былъ серьезно принятъ провинціями. Со всѣхъ сторонъ протягивали руку семьѣ омейядовъ, сдѣлавшейся сирійской по привычкамъ и интересамъ. Но правовѣріе омейядовъ было очень подозрительно. Они пили вино, отправляли языческіе обряды, не обращали никакого вниманія ни на преданія мусульманскія, ни на нравы, ни на священный характеръ друзей Магомета. Такимъ образомъ, объясняется удивительное зрѣлище, представляемое первымъ вѣкомъ Геджиры, когда всѣ старанія были употреблены на уничтоженіе первыхъ мусульманъ, настоящихъ отцовъ исламизма. Али, самый святой изъ людей, пріемный сынъ пророка, котораго Магометъ провозгласилъ своимъ намѣстникомъ, безжалостно задушенъ. Гозейнъ и Гассанъ, его сыновья, которыхъ Магометъ держалъ на колѣняхъ и покрывалъ поцѣлуями, тоже задушены. Ибнъ-Зобеиръ, мохаджирскій первенецъ, первой пищей котораго была слюна самого пророка Божія, задушенъ. Первые правовѣрные, тѣснящіеся вокругъ Каабы, продолжаютъ жить по арабски, проводя дни въ бесѣдахъ на паперти и цѣлыми процессіями обходятъ вокругъ чернаго камня; но они сдѣлались совершенно безсильны и омейады уважаютъ ихъ только до тѣхъ поръ, пока не чувствуютъ себя въ силахъ напасть на нихъ въ ихъ святилищѣ. Необыкновенный скандалъ представляла эта послѣдняя осада Мекки, когда сирійскіе мусульмане зажгли занавѣсы Каабы и сокрушили ее подъ ударами своихъ балистъ. Говорятъ, что при первомъ камнѣ, брошенномъ въ святой храмъ, послышался громъ; сирійскіе солдаты затрепетали.

— Продолжайте, — сказали имъ ихъ полководцы, я хорошо знаю климатъ этой страны, въ это время года грозы бывають весьма часты.

Въ то-же время онъ схватилъ веревки балисты и собственноручно привелъ ихъ въ дѣйствиe *).

Со всѣхъ сторонъ мы приходимъ къ тому странному результату, что мусульманское движеніе произошло безъ религіозной вѣры; что, не считая небольшого числа вѣрныхъ учениковъ, Магометъ, дѣйствительно, убѣдилъ весьма мало человѣкъ въ Аравіи, и что ему никогда не удалось уничтожить оппозицію въ лицѣ партіи омейядовъ. Эта-то партія, сначала сдавленная энергіей Омара, окончательно одержала верхъ послѣ смерти этого опаснаго правовѣрнаго и избрала Отмана; эта-то партія противопоставляетъ Али такое непобѣдимое сопротивленіе и, наконецъ, уничтожаетъ его своею ненавистью; это, наконецъ, партія, торжествующая со вступленіемъ во власть омейядовъ и отирающая душить даже въ Каабу все, что осталось отъ первыхъ и чистыхъ вѣрующихъ. Этимъ объясняется также неопредѣленность, которою отличаются всѣ догматы мусульманской вѣры вплоть до XII столѣтія; отсюда-же происходитъ эта смѣлая философія, прямо провозглашающая верховныя права разума; отсюда эти многочисленныя секты, иногда доходящія до открытаго невѣрія: карматы, фатимиты, измаильяны, друзы, гашишцы, зендики, секты тайныя и двусмысленныя, присоединяющія фанатизмъ къ невѣрію, распушенность къ религіозному энтузіазму, смѣлость свободнаго

*) Для знакомства съ картинами этой эпохи, рекомендую работу М. Катрмера (Quatremère) о жизни Ибнъ-Зобеира (Азіятская газета. 1832).

мыслителя въ суевѣрію посвященнаго. Только въ XII столѣтіи исламизмъ вполне восторжествовалъ надъ всѣми недисциплированными элементами и то только благодаря ашаритскому богословію, болѣе строгому въ своихъ пріемахъ, а также благодаря насильственному уничтоженію философіи. Съ этого времени въ мусульманскомъ мірѣ не явилось ни одного сомнѣнія, не поднялось ни одного протеста. Вся трудность религіознаго творчества заключается въ первомъ поколѣніи вѣрующихъ, дающемъ необходимую точку опоры для будущаго. Вѣра есть дѣло времени, и цементъ религіозныхъ зданій крѣпнетъ съ годами.

II.

Такъ какъ натура человѣческая, въ своей цѣлости, ни абсолютно хороша, ни совсѣмъ дурна, ни свята, ни нечестива, то одинаково, грѣшатъ противъ критики всѣ, желающіе подвести религіозныя движенія человѣчества или подъ вгру страстей и личныхъ интересовъ, или подъ исключительное дѣйствіе однихъ высшихъ побужденій. Такой глубокой переворотъ, какъ исламизмъ не могъ быть продуктомъ какой нибудь ловкой комбинаціи, и Магомета также мало можно объяснить лицемѣріемъ и хитростью, какъ иллюминизмомъ и энтузіазмомъ. Въ глазахъ логика, стоящаго на точкѣ зрѣнія абстракцій и противопоставляющаго другъ другу истину и ложь, какъ два абсолютныя свойства, нѣтъ средняго термина между обманщикомъ и пророкомъ. Но въ глазахъ критика, стоящаго среди бѣгущей и неуловимой дѣйствительности, нѣтъ ничего абсолютнаго въ человѣкѣ, все носитъ, рядомъ съ печатью красоты, и свое прирожденное пятно. Кто мо-

жетъ въ своихъ собственныхъ нравственныхъ ощуще-
нiяхъ опредѣлить линiю, отдѣляющую прiятное отъ не-
навистнаго, безобразiе отъ красоты, ангельское видѣнiе
отъ сатанинскаго и, даже въ нѣкоторой степени, радость
отъ горя?—Такъ какъ религiи—самыя полныя произве-
денiя человѣческой природы, выражающiя ее съ наиболь-
шей цѣлостью, то онѣ настолько-же подвержены ея про-
тиворѣчiямъ и не допускаютъ сужденiй простыхъ и аб-
солютныхъ. Желать съ твердостью примѣнить къ этимъ
капризнымъ явленiямъ схоластическiя категорiи, судить
о нихъ съ увѣренностью казуистовъ, рѣзко отдѣляющихъ
мудрость отъ глупости, —значить не знать природы. Все
слѣдуетъ другъ за другомъ, какъ миражъ въ этихъ
Вальпургiевыхъ ночахъ, въ этомъ великомъ скопищѣ
всѣхъ страстей и всѣхъ инстинктовъ. Святой и негод-
ный, прелестный и отвратительный, апостоль и фокус-
никъ, небо и адъ подаютъ другъ другу руку, какъ видѣнiя
тревожнаго сна, когда поочередно появляются всѣ обра-
зы, скрытые въ извилинахъ фантази.

Я долго настаивалъ на природномъ недугѣ исламизма;
было бы несправедливо не прибавить, что ни одна религiя,
ни одно учрежденiе не устояли бы противъ испытанiя,
которое мы можемъ сдѣлать исламизму. Какой пророкъ
устоялъ бы противъ критики, если бы она стала преслѣ-
довать его, какъ Магомета, до самаго алькова? Счастливы
тѣ, которыхъ покрываетъ тайна и которые борятся, стоя
за облаками. Быть можетъ также, нашъ вѣкъ слишкомъ
злоупотребляетъ словами: самопроизвольность, самозарож-
денiе, въ объясненiи явленiй, которыхъ мы не понимаемъ,
не смотря на опыты настоящаго и на свидѣтельство
исторiи. Изъ реакцiи противъ школы, преувеличиваю-
щей творческую силу разсудочныхъ способностей, не же-

лающей видѣть ни въ языкѣ, ни въ вѣрованіяхъ религиозныхъ и нравственныхъ, ни въ первобытной поэзіи ничего, кромѣ преднамѣреннаго вымысла, мы, кажется, слишкомъ склонны думать, что изъ первобытныхъ поэмъ должна быть исключена всякая идея придуманности, сочиненія; а изъ образованія великихъ легендъ—всякая идея обмана. вмѣсто того, что бысказать, что языки, религіи, вѣрованія и народная поэзія образовались сами собою, было бы вѣрнѣе сказать, что мы уже не видимъ ихъ образованія. Самозарожденіе можетъ быть — одинъ только мракъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже видѣли, исламизмъ—единственная религія, основы которой вполне ясны и вполне подтверждаются исторіей, а тутъ-то именно, мы видимъ много разсудочности, преднамѣренности, сознательности. Боже сохрани, какъ-бы то ни было покушаться на величіе прошедшаго! Когда критика въ первый разъ принимается за книгу или за фактъ, пользовавшійся глубокимъ почитаніемъ многихъ поколѣній, то она всегда почти открываетъ, что восхищеніе было ложно направлено; тогда замѣчается тысяча хитростей, тысяча подправокъ, тысяча недомолковъ, которыя уничтожаютъ великое впечатлѣніе красоты или святости, прельщавшихъ вѣка, не занимавшіеся критикою. Какой поворотъ въ судьбѣ Гомера, когда злосчастныя венеціанскія толкованія (схоліи) открыли намъ взмахи карандаша Зенодота и Аристарха и въ нѣкоторомъ родѣ ввели насъ въ комитетъ, гдѣ составлялась поэма, казавшаяся до сихъ поръ самымъ прямымъ продуктомъ, самымъ чистымъ потокомъ личнаго генія! Значитъ-ли это, что критика уничтожила Гомера? Это было бы все равно, какъ еслибы сказать, что прогрессъ въ философіи и эстетикѣ уничтожилъ древность, доказавъ ничтожество нѣкоторыхъ красотъ, которыми долгое время

всѣ восхищались, и въ которыхъ древность была рѣшительно неповинна. Это было-бы тоже самое, какъ если-бы сказать, что экзегетика уничтожила Библию потому, что, вмѣсто противорѣчій Вульгаты, она намъ показала литературу, блещущую оригинальностію.

Критика перемѣщаетъ восхищеніе, но не уничтожаетъ его. Восхищеніе—актъ существенно синтетическій: красота прекраснаго тѣла открывается не тогда, когда его анатомируютъ; высокій характеръ историческихъ событій и произведеній ума узнается не при разсматриваніи ихъ въ лупу. Можно съ увѣренностью утверждать, что, еслибы мы видѣли происхожденіе великихъ событій прошедшаго такъ же близко, какъ видимъ мелкія волненія настоящаго, то всякое обаяніе ихъ исчезло бы и для почитанія не осталось бы ничего; но не въ этомъ ли неизменномъ поясѣ колебаній и паденій личности слѣдуетъ искать вѣчную красоту? Вещи прекрасны только тѣмъ, что въ нихъ мы видимъ человѣчество,—чувствами, которыя оно влагаетъ въ нихъ, тѣми символами, которые извлекаетъ изъ нихъ. Оно само творитъ эти абсолютныя тоны, никогда не существующіе въ дѣйствительности. Дѣйствительность сложна, состоитъ изъ добра и зла, ея восхищаются и ее критикуютъ, любятъ и ненавидятъ. Напротивъ того, все, удостоивающееся почитаній человѣчества—просто, безъ пятенъ, совсѣмъ восхитительно. Критика, исключительно озабоченная истиной, увѣренная, къ тому-же, въ послѣдствіяхъ, и зная, что результаты ея изысканій никогда не проникаютъ въ сферы, которымъ необходимы иллюзіи, должна возстановлять противорѣчія, о которыхъ человѣчество не заботится. Она не преувеличиваетъ важность своего назначенія. Что за бѣда, въ самомъ дѣлѣ, если человѣчество, въ своемъ восхищеніи

ни, дѣлало грубыя историческія ошибки, если оно считало болѣе прекрасными и болѣе чистыми, чѣмъ они были въ дѣйствительности, людей, имъ излюбленныхъ? Его поклоненіе, относящееся къ красотѣ имъ предполагаемой въ нихъ и имъ въ нихъ вложенной, отъ этого не менѣе заслужено. Съ точки зрѣнія исторической правды, одинъ ученый имѣеть право восхищаться; но, съ точки зрѣнія нравственности, идеаль принадлежитъ всѣмъ. Чувства имѣють значеніе независимо отъ реальности возбуждаемаго ими предмета и можно сомнѣваться, что человечество раздѣлитъ когда-нибудь сомнѣнія ученаго, желающаго восхищаться только навѣрняка.

Опредѣливъ неизменную часть дѣла основателя исламизма, я долженъ теперь показать, въ чемъ заключалась его святость и его законность, т. е. въ чемъ она соотвѣтствовала самымъ глубокимъ инстинктамъ человеческой природы и въ частности потребностямъ Аравіи VII вѣка.

До сихъ поръ исламизмъ считался историками попыткой совершенно оригинальной и не имѣвшей прошедшаго. Почти обязательно было представлять Магомета основателемъ цивилизаціи, монотеизма и даже (это важное заблужденіе бесконечно повторялось) литературы арабской. Но можно сказать, что арабскій геній не только не начался съ Магомета, но нашелъ въ немъ свое послѣднее выраженіе. Не знаю, есть-ли въ исторіи цивилизаціи другая картина болѣе граціозная, болѣе пріятная, болѣе оживленная, чѣмъ жизнь арабовъ до исламизма, какою она является передъ нами въ *Мо аллакатъ* и въ особенности въ прелестномъ типѣ Антара: безграничная свобода личности, полное отсутствіе закона и власти, эгалитированное чувство чести, жизнь кочевая и рыцарская,

фантазія, веселость, лукавство, легкая и не мистическая поэзія, утонченная любовь. И, этот изящный цвѣтокъ арабской жизни кончается, именно, съ началомъ исламизма. Послѣднія поэмы великой школы исчезаютъ, сильно протестуя противъ нарождающейся религіи. Двадцать лѣтъ послѣ Магомета, Аравія унижена, превзойдена покоренными провинціями. Сто лѣтъ спустя, арабскій геній совершенно уничтоженъ; Персія торжествуетъ водареніемъ Абассидовъ; Аравія навсегда исчезаетъ съ міровой сцены и между тѣмъ, какъ ея религія и языкъ несутъ цивилизацію отъ Малайскихъ острововъ до Мароко, отъ Тумбукуту до Самарканда, она, забытая, отброшенная въ свои степи, возвращается опять ко временамъ Измаила. Такъ пробуждается въ жизни расъ первый и быстрый проблескъ сознанія, минута божественная, когда, приготовленные медленнымъ внутреннимъ развитіемъ, онѣ достигаютъ до свѣта, создаютъ свое лучшее произведеніе и затѣмъ ступеваютъ, словно эти великія усилія истощили ихъ производительность.

Магометъ также мало ввелъ монотеизмъ, какъ создалъ цивилизацію и литературу арабовъ. Многочисленные факты, указанные въ первый разъ Коссенъ-де-Персевалемъ, показываютъ, что Магометъ только слѣдовалъ религіозному движенію своего времени, а не опережалъ его. Монотеизмъ, поклоненіе Превышнему Аллаху (Allah taâlâ), кажется, всегда былъ основаніемъ арабской религіи. Семитическая раса никогда не понимала управленіе вселенной иначе, какъ въ формѣ абсолютной монархіи. Ея теодиція не пошла далѣе Книги Гова; величіе и уклоненія многобожія ей всегда были чужды. Нѣсколько предразсудковъ, зараженныхъ идолопоклонствомъ, мѣняющихся у каждаго племени, измѣнили,

однако, у арабовъ чистоту патриархальной вѣры, лицомъ къ лицу съ религіями, болѣе организованными, всѣ лучшіе умы Аравіи жаждали лучшаго культа. Народъ начинаетъ чувствовать недостаточность своей религіозной системы только приходя въ соприкосновеніе съ другими, и эпохи религіознаго творчества всегда слѣдуютъ за временами смѣшенія расъ. Между тѣмъ, въ VI ст. Аравія, оставшаяся до тѣхъ поръ недоступной, вдругъ открывается со всѣхъ сторонъ: греки, сирійцы, персы, абиссинцы проникаютъ въ нее разомъ. Сирійцы несутъ ей письмо; абиссинцы и персы поочередно царствуютъ въ Іеменѣ и Бахренѣ. Многіе племена признаютъ верховную власть греческихъ императоровъ. Эпизодъ, быть можетъ, наиболѣе странный въ исторіи доисламической, представляетъ намъ князь-поэтъ Имрулькаисъ, пришедшій искать убѣжища въ Константинополь, гдѣ онъ завязалъ интригу съ дочерью Юстиніана, воспѣвалъ ее въ арабскихъ стихахъ и умеръ отравленный по тайному приказанію византійскаго двора. Разнообразіе религій точто также производило въ Аравіи странное движеніе идей. Цѣлыя племена приняли іудейство; христіанство считало значительныя церкви въ Неджранѣ, въ королевствахъ Хира и Гассанъ. Повсюду вели споры о религіи. У насъ остался любопытный памятникъ этихъ состязаній въ спорѣ Грегентиуса, Зефарскаго епископа, съ евреемъ Гербаномъ. Наконецъ, установилось что-то въ родѣ неопредѣленной вѣротерпимости и сближенія всѣхъ семитическихъ религій: идеи объ единомъ Богѣ, о раѣ, воскресеніи, пророкахъ, священныхъ книгахъ, проникли мало-по-малу даже въ языческія племена. Кааба сдѣлалась пантеономъ всѣхъ культовъ; когда Магометъ изгналъ образа изъ храма, то въ числѣ изгнанныхъ боговъ была византійская Богоро-

лица, нарисованная на колоннѣ и держащая на рукахъ своего сына.

Это великое религіозное движеніе обнаруживалось знаменательными фактами, возвѣщавшими близкій разпвѣтъ. Толпы людей, недовольныхъ прежней религіей, отправлялись отыскивать другую лучшую, пробовали одну за другой, уже существующія, и, не находя ничего лучшаго, творили каждый свою собственную, гармонирующую съ ихъ нравственными потребностями. Всякое религіозное явленіе предшествуется какимъ-то безпокойствомъ и неопредѣленнымъ ожиданіемъ, которыя проявляются въ нѣкоторыхъ избранныхъ душахъ предчувствіями и желаніями. Исламизмъ имѣлъ своего Іоанна Крестителя и своего старца Симеона *). Нѣсколько лѣтъ до проповѣди Магомета, въ то время какъ корейшиты справляли празднество одного изъ своихъ идоловъ, четыре человѣка наиболѣе просвѣщенныхъ отдѣлились отъ толпы и сообщали другъ другу свои мысли. «Наши соотечественники, говорили они, идутъ по ложной дорогѣ; они удалились отъ религіи Авраама. Что это за божество, которому они приносятъ жертвы и вокругъ котораго совершаютъ торжественныя процессіи? Будемъ искать истину и для этого покинемъ, если надо, нашу родину и обойдемъ чужія земли». Четыре человѣка, замышлявшіе это, были: Варака, сынъ Нофала, Отманъ, сынъ Ховайрита (Nowayrith), Обейдаллахъ, сынъ Джахша и Зеидъ, сынъ Амра.

*) Тоже самое было и съ буддизмомъ. При видѣ чудесныхъ явленій, сопровождавшихъ рожденіе Будды, одинъ гималайскій отшельникъ, обладавшій пятью трансцендентальными науками, приходитъ по небу въ Капилу, беретъ ребенка на руки и узнаетъ на немъ тридцать два знака великаго человѣка и восемьдесятъ знаковъ Будды.

Варака, при своихъ частыхъ сношеніяхъ съ христіанами и іудеями, достигъ образованія, превышавшаго всѣхъ его соотечественниковъ. Принявъ довольно распространенное вѣрованіе, онъ былъ убѣжденъ, что небесный посланникъ долженъ вскорѣ появиться на землѣ и что онъ непременно долженъ выйти изъ арабскаго народа. Онъ научился еврейскому письму и читалъ священныя книги. Его двоюродная сестра Каидджа рассказала ему первое видѣніе своего мужа, и онъ объявилъ, что Магометъ арабскій пророкъ, и предсказалъ гоненія, которымъ онъ долженъ будетъ подвергнуться. Онъ вскорѣ умеръ, успѣвъ увидѣть только зарю исламизма.

Отманъ, сынъ Ховайрита, отправился путешествовать, спрашивая всѣхъ, отъ кого только надѣялся чемунибудь просвѣтиться. Христіанскіе прозелиты внушили ему любовь къ вѣрѣ въ Иисуса Христа. Онъ пошелъ представляться ко двору императора въ Константинополь, гдѣ получилъ крещеніе.— Обейдаллахъ, сынъ Джакша, послѣ бесполезныхъ усилій принять религію Авраама, оставался въ сомнѣніи и нерѣшительности, пока Магометъ не началъ своей проповѣди. Сначала ему показалось, что онъ нашелъ въ исламизмѣ, именно, ту религію, которую искалъ; но вскорѣ онъ отказался отъ него, чтобы всецѣло предаться христіанству. — Что-же касается до Зеида, сына Амра, онъ каждый день ходилъ въ Каабу и молилъ Бога просвѣтить его. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ храма, погруженный въ набожныя размышленія, и отрываясь отъ нихъ, восклицалъ: «Господи! если-бы я зналъ какимъ способомъ ты хочешь, чтобы покланялись тебѣ и обожали тебя, я бы сталъ повиноваться твоей волѣ, но я не знаю ея». Затѣмъ онъ падалъ лицомъ на землю. Не принявъ ни идеи евреевъ, ни христіанъ, Зеидъ соста-

видъ себѣ отдѣльную религію, стараясь сообразоваться съ тѣмъ, что онъ считалъ религіей Авраама. Онъ почиталъ единство Божіе, открыто нападалъ на ложныя божества и энергично ратовалъ противъ суевѣрныхъ обрядовъ. Преслѣдуемый своими соотечественниками, онъ убѣжалъ въ Месопотамію и Сирію, повсюду совѣщаясь съ людьми, погруженными въ изученіе религіи, въ надеждѣ найти патріархальную религію. Ученый христіанскій монахъ, съ которымъ онъ подружился, сообщилъ ему о появленіи арабскаго пророка, проповѣдующаго религію Авраама въ Меккѣ. Зеидъ поспѣшилъ отправиться въ путь, чтобы услышать апостола, но былъ задержанъ на дорогѣ шайкою разбойниковъ, ограбленъ и убитъ.

Итакъ, со всѣхъ сторонъ предчувствовалось великое религіозное обновленіе, вездѣ говорили, что пришло время Аравіи. Пророчество есть форма, въ которую облачаются всѣ великія религіозныя преобразованія семитическихъ народовъ и, по правдѣ сказать, оно есть необходимое послѣдствіе системы монотеизма. Первобытныя народы, считая себя въ безпрестанныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ божествомъ и смотря на всѣ великія явленія міра физическаго и міра нравственнаго, какъ на прямое проявленіе дѣйствій высшихъ существъ, только двумя способами понимали вліяніе Бога на управленіе вселенной: или, что божественная сила воплощается въ человѣческой образъ,—это индійскій аватаръ (avatar); или, что Богъ выбираетъ своимъ орудіемъ одного изъ смертныхъ—это наби или семитическій пророкъ. И въ самомъ дѣлѣ, по семитической системѣ Богъ такъ далекъ отъ человѣка, что сообщенія между ними могутъ производиться только черезъ посредника, остающагося всегда совершенно обособленнымъ отъ того, кто вдохновляетъ

его. Убѣжденіе, что для Аравіи должна наступить эра великихъ событій, значило, что въ ней долженъ былъ явиться пророкъ, какъ и у другихъ семитическихъ народовъ. Нѣсколько личностей, еще задолго до этого времени, считали или выдавали себя за объявленныхъ апостоловъ. Магометъ росъ среди этого движенія. Его путешествія въ Сирію, его сношенія съ христіанскими монахами и, быть можетъ, личное вліяніе его дяди Варака, столь погруженнаго въ еврейскія и христіанскія писанія, вскорѣ познакомило его со всѣми религіозными волненіями его вѣка. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать; но библейскія исторіи дошли до него въ разсказахъ, сильно его поразившихъ, и которые, сохранившись въ его умѣ неясными воспоминаніями, предоставили полную свободу его воображенію. Упрекъ, дѣлаемый ему въ извращеніи библейскихъ исторій, совершенно неумѣстенъ. Магометъ бралъ ихъ такими, какими ему давали, и повѣствовательная часть Корана есть только воспроизведеніе преданій раввиновъ и апокрифныхъ евангелій. Въ особенности Евангеліе Дѣтства, весьма рано переведенное на арабскій языкъ и только на немъ сохранившееся, приобрѣло чрезвычайно сильное значеніе у христіанъ далекаго Востока, гдѣ оно почти совсѣмъ вытѣснило евангелія каноническія. Вѣроятно, разсказы, о которыхъ мы говоримъ, были одними изъ самыхъ могущественныхъ средствъ вліянія Магомета. Надръ (Nadhr), сынъ Харита, нѣсколько разъ намѣревался соперничать съ нимъ; онъ нѣкоторое время жилъ въ Персіи и зналъ легенды ея древнихъ царей. Когда Магометъ, собравъ вокругъ себя слушателей, представлялъ имъ черты изъ жизни патріарховъ и пророковъ, примѣры небеснаго мщенія, обрушившагося на безбожные народы, Надръ начиналъ рѣчь

послѣ него, говоря: «Послушайте теперь вещи, которыя никакъ не уступать тому, о чемъ говорилъ вамъ Магометъ». Затѣмъ онъ принимался рассказывать самыя удивительныя происшествія изъ героической исторіи Персіи, чудесныя подвиги героевъ Рустема и Исфендіара, и потомъ прибавлялъ: «Разказы Магомета развѣ лучше моихъ? Онъ вамъ передаетъ старыя легенды, слышанныя имъ отъ людей, которые гораздо ученѣе его, какъ и я почерпнулъ въ своихъ путешествіяхъ и записалъ то, что вы слышали отъ меня».

Задолго до исламизма, арабы, для объясненія своего собственнаго происхожденія, приняли преданія евреевъ и христіанъ. Часто смотрѣли на легенду, по которой арабы связываютъ себя съ Измаиломъ, какъ на имѣющую историческое значеніе и получающую значительное подтвержденіе въ Библии. Въ глазахъ строгаго критика это недопустимо. Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство арабовъ съ Авраамомъ, Иовомъ, Давидомъ, Саломономъ началось только около 1-го вѣка. Евреи (книжные люди) вели до тѣхъ поръ архивы семитической расы, и арабы охотно признавали ихъ превосходство въ эрудиціи. Книга евреевъ говорила объ арабахъ, приписывала имъ генеалогію; ничего болѣе не было нужно, чтобы тѣ довѣрчиво приняли ее: таково обаяніе письма на наивные народы, всегда стремящіеся примѣнуть къ происхожденію народовъ болѣе цивилизованныхъ. Рассказываютъ, что въ то время, какъ Магометъ началъ обращать на себя вниманіе, меккинцы вздумали послать депутатовъ въ Медину къ раввинамъ этого города, чтобы спросить ихъ, что надо думать о новомъ пророкѣ. Депутаты описали ученымъ личность Магомета, рассказали его рѣчи и прибавили: «Вы ученые, читающіе книги; что вы думаете объ этомъ чело-

вѣкъ? Раввины отвѣчали: «Спросите его: Что это за нѣкіе молодые люди прошедшихъ вѣковъ, приключеніе которыхъ представляетъ настоящее чудо? Что это за личность, достигшая предѣловъ земли отъ востока до запада? Что такое душа? Если онъ вамъ отвѣтитъ на эти три вопроса, такъ или этакъ, то это настоящій пророкъ. Если-же отвѣтитъ иначе, или не отвѣтитъ вовсе,—то шарлатанъ». Магометъ рѣшилъ первую загадку исторіей Семи спящихъ, популярной во всемъ Востокѣ; вторую исторіей Дуль-Карнаина (Dhoul—Carnaun), баснословнаго побѣдителя, который есть никто иной, какъ легендарный Александръ изъ Псевдо-Каллисеена (Pseudo-Callisthène). Что-же касается до третьей, то онъ отвѣтилъ, увы! быть можетъ все, что возможно отвѣтить: «Душа можетъ быть познана только однимъ Богомъ. Человѣку предоставленъ только весьма слабый лучъ знанія».

Догматическая часть исламизма представляетъ еще менѣ творчества, чѣмъ легендарная. Въ этомъ отношеніи Магометъ былъ лишенъ всякой изобрѣтательности. Чуждый изощреній мистицизма, онъ сдумѣлъ основать только религію простую, со всѣхъ сторонъ ограниченую здравымъ смысломъ, несмѣлую, какъ все, порождаемое размышленіемъ, узкую, какъ все, что подчиняется чувству реальности. Символь исламизма, до сравнительнаго новѣйшаго вторженія богословскихъ тонкостей, едва переступаетъ за самыя простыя данныя естественной религіи. Ни одной трансцендентальной претензіи, ни одного изъ тѣхъ смѣлыхъ парадоксовъ супернатурализма, въ которыхъ съ такою оригинальностью развертывается фантазія народовъ, осужденныхъ на безсмертіе; ни священства, никакого богослуженія, кромѣ молитвы. Всѣ церемоніи Каабы, процессіи, пилигримство, о м ра, жертвы

въ долині Мина, наводненіе горы Арафатъ, во всѣхъ подробностяхъ были организованы задолго до Магомета.

Въ особенности пилигримство, съ незапамятныхъ временъ, было существеннымъ элементомъ арабской жизни, тѣмъ-же, чѣмъ олимпійскія игры были для Греціи, т. е. панегириками націи, религіозными, коммерческими и поэтическими. Долина Мекки сдѣлалась, такимъ образомъ, центральной точкой Аравіи, и, несмотря на раздоры и соперничество племенъ, всѣ безпрекословно признавали господство семьи, хранившей Каабу. То была важная минута, составляющая почти эрувъ исторіи арабовъ, когда былъ привѣшенъ замокъ къ дверямъ священнаго храма. Съ тѣхъ поръ власть соединялась съ обладаніемъ ключей Каабы. Корейшитъ Коссэй, оповивъ Козайта Абу-Гобшана, владѣтеля ключей, купилъ ихъ, по словамъ легенды, за мѣхъ вина и основаль, такимъ образомъ, власть своего племени. Съ этой минуты начинается великое образовательное движеніе арабовъ. До этихъ поръ осмѣливались только строить палатки въ священной долині; Коссэй сгруппировалъ въ ней корейшитовъ, перестроилъ Каабу и былъ настоящимъ основателемъ города Мекки. Всѣ самыя важныя учрежденія начинаются съ него: надва или центральный совѣтъ, засѣдающій въ Меккѣ; лива, или знамя; рифада или милостыня, предназначенная для пилигримовъ; сикайа (sica ya) или управленіе водами, важная должность въ таеой странѣ, какъ Геджась; на за аа, или прибавленіе добавочныхъ дней къ календарю; хиджа ба или храненіе ключей Каабы. Эти должности, заключавшія въ себѣ всѣ политическія и религіозныя учрежденія Аравіи, исключительно занимались корейшитами. Итакъ, къ половинѣ V-го вѣка уже положено основаніе централизаціи Аравіи и напередъ

опредѣлена точка, съ которой должна была пойти ея религіозная и политическая организація. Коссей, въ этомъ смыслѣ, основаль гораздо болѣе Магомета. На него даже смотрѣли какъ на пророка и его воля принималась за религіозный догматъ.

Въ первой половинѣ VI-го вѣка Хашемъ дополниль дѣло Коссея и удивительно расширилъ торговья сношенія своего колѣна: онъ устроилъ два каравана, одинъ зимній, для Іемена, другой лѣтній для Сиріи. Абд-ель—Мотталибъ, сынъ Хашема и дѣдъ Магомета продолжалъ традиціонное дѣло корейшитской олигархіи открытіемъ колодца Земзема *). Колодецъ Земзема, не смотря на преданіе, связываемое съ нимъ, протекавшій по дикой долинѣ столь-же много посѣщаемой, какъ и долина Мекки, былъ мѣстомъ чрезвычайно важнымъ и утверждалъ первенство за семьей, его себѣ присвоившей. Колѣно корейшитовъ, какъ и колѣно Іудино у евреевъ, возвысилось, такимъ образомъ, на степень колѣна привилегированнаго, предназначеннаго осуществить единство народа. Магометъ только закончилъ дѣло своихъ предковъ; въ политикѣ, какъ и въ религіи, онъ ничего не выдумалъ, но съ энергіей привелъ въ исполненіе стремленія своего вѣка. Остается отыскать, какую помощь онъ нашель въ вѣчныхъ инстинктахъ человѣческой природы и какъ онъ сумѣлъ дать своему дѣлу самое твердое основаніе, опираясь только на слабости сердца.

Независимо отъ всякой догматической вѣры, въ самомъ человѣкѣ лежатъ религіозныя потребности, отъ которыхъ не можетъ насъ избавить даже невѣріе. Иногда

*) Это тотъ самый источникъ, который по словамъ арабской легенды, Богъ проявилъ въ степи, чтобы напоить Измаила.

удивляются, какъ можетъ еще существовать религія послѣ того, какъ зданіе ея догматовъ подкопано критикой; но, въ дѣйствительности, религія не основывается разсужденіями, не уничтожается ими: основаніе ея поѳоится на самыхъ необходимыхъ потребностяхъ нашей природы, на потребности любить, страдать, вѣрить. Вотъ почему женщина—необходимый элементъ всѣхъ основаній религіи. Христіанство было поистинѣ основано женщинами *). Исламизмъ, котораго нельзя назвать религіей именно святой, но религіей естественной, серьезной, свободной, однимъ словомъ, религіей человѣческой, не можетъ, правда, представить ничего подобнаго восхитительнымъ типамъ Магдалины и Теклы; однако, эта холодная и разсудительная религія имѣла достаточно очарованій, чтобы прельстить набожный полъ. Нѣтъ ничего неправильнѣе идей, распространенныхъ на всемъ западѣ, насчетъ положенія женщинъ, созданнаго исламомъ: арабская женщина временъ Магомета не имѣла ничего общаго съ глупыми существами, наполняющими гаремы оттомановъ. Правда, что арабы вообще были дурнаго мнѣнія о нравственныхъ качествахъ женщины, такъ какъ ея характеръ совершенно противоположенъ ихъ идеалу человѣка. Въ Китабъ-ель-Агхани (Kitab-el-Aghâni) есть разсказъ о томъ, какъ вождь племени Жашкоръ, Машамрадждъ, во время набѣга на племя темимитовъ похитилъ молодую дѣвушку благородной семьи и какъ дядя ея Каисъ, сынъ Асима, отправился выручать ее отъ Машамраджа, предлагая за нее выкупъ. Машамрадждъ пре-

*) См. остроумные взгляды Сенъ-Маркъ-Жирандена на роль женщинъ при введеніи христіанства въ его *Essais de litterature et de morale*, t. II.

ный въ исторіи пророковъ, что его божественная миссія была, прежде всего, признана тою, которая всего лучше могла знать его слабости. Когда, при началѣ своего поприща, обвиняемый въ обманѣ и осыпаемый насмѣшками, онъ приходилъ дѣлить съ нею свое горе, она утѣшала его нѣжными словами и укрѣпляла его пошатнувшуюся вѣру. И Магометъ, въ своихъ воспоминаніяхъ никогда не смѣшивалъ Кадиджи съ другими женами. Рассказываютъ, что одна изъ нихъ, ревнуя къ такому постоянству, спросила его однажды, не поможетъ-ли ему Алахъ забыть его старую Кадиджу: «Нѣтъ, — отвѣчалъ пророкъ. — Когда я былъ бѣденъ, она меня обогатила; когда другіа обвиняли меня во лжи, она вѣрила въ меня; когда народъ проклиналъ меня, она оставалась мнѣ вѣрна, и чѣмъ болѣе я страдалъ, тѣмъ болѣе она любила меня». Съ тѣхъ поръ, когда одна изъ женъ хотѣла ему понравиться, то начинала хвалить Кадиджу.

Послѣ женщинъ, пробный камень всякой религіи—это ея мученики. Дѣйствительно, гоненіе—одно изъ первыхъ религіозныхъ наслажденій; человѣческому сердцу такъ пріятно страдать за свою вѣру, что иногда одного этого наслажденія бывало достаточно, чтобы заставить повѣрить. Христіанское сознаніе это прекрасно поняло, создавъ эти восхитительныя легенды, гдѣ столько совершается обращеній изъ-за одного наслажденія казни. Хотя исламизмъ и остался чуждымъ этой глубинѣ чувства, но и онъ, въ своихъ разказахъ о мученикахъ, доходилъ иногда до чрезвычайной высоты. Рабыня Белаль (Belâl) не была бы неумѣстна между трогательными героями золотой легенды (Légende dorée). Мусульмане настоящими мучениками считаютъ только тѣхъ, которые погибли, сражаясь за истинную вѣру. Хотя въ этомъ есть нѣкоторая

путаница понятій, съ которой мы не можемъ примириться, и смерть солдата и мученика отвѣчаютъ у насъ совершенно различнымъ чувствамъ, но мусульманскому генію удалось окружить своихъ мертвыхъ довольно возвышенной поэзіей. Напримѣръ, что за прекрасная и великая сцена похоронъ, послѣдовавшихъ за сраженіемъ при Оходѣ. «Погребайте ихъ, не смывая съ нихъ крови,—кричалъ Магометъ;—они предстанутъ въ день воскресенія съ своими зіяющими ранами, которыя будутъ издавать запахъ мускуса, и я засвидѣтельствую, что они погибли мучениками за вѣру». У знаменосца Джафира были отрублены обѣ руки и онъ упалъ, пронзенный девяносто ранами, полученными спереди. Магометъ идетъ съ этимъ извѣстіемъ къ его вдовѣ. Онъ беретъ на колѣни маленькаго сына мученика и гладитъ его по головѣ такъ, что мать о всемъ догадывается: «Эти двѣ руки были отрублены,—говоритъ онъ,—но, взявъ ихъ, Богъ далъ ему два изумрудныхъ крыла, съ помощью которыхъ онъ теперь летаетъ гдѣ ему угодно, вмѣстѣ съ райскими ангелами».

Всѣ обращенія расположены тоже съ большимъ искусствомъ. Почти всѣ напоминаютъ обращеніе св. Павла. Гонитель превращается въ апостола: жертва, доведенная до высшей степени гнѣва, получаетъ съ неба ударъ, распростирающій ее къ ногамъ торжествующей благодати. Легенда обращенія Омара представляетъ въ этомъ отношеніи несравненную страницу религіозной психологіи. Омаръ былъ самымъ отъявленнымъ врагомъ мусульманъ. Страшныя вспышки его темперамента дѣлали его пугаломъ вѣрныхъ, еще очень несмѣлыхъ и принужденныхъ скрываться. Однажды, въ минуту экзальтаціи, онъ вышелъ съ намѣреніемъ убить Магомета. На дорогѣ онъ

встрѣчаетъ своего родственника Ноаима, который, увидя его съ саблей въ рукѣ, спросилъ, куда онъ идетъ и что намѣренъ дѣлать. Омаръ сообщаетъ ему свое намѣреніе. «Страсть увлекаетъ тебя, — говоритъ ему Ноаимъ. — Отчего ты лучше не вздумаешь наказать нѣкоторыхъ изъ твоей семьи, которые безъ твоего вѣдома отказались отъ вѣры своихъ предковъ?» — «Кто-же эти личности изъ моей семьи?» сказалъ Омаръ. — «Твой зять Саидъ и твоя сестра Фатима», — возразилъ Ноаимъ. Омаръ летитъ къ дому своей сестры. Въ эту минуту Саидъ и Фатима слушали тайныя поученія ученика, читавшаго имъ главу изъ Корана, написанную на листкѣ пергамента. При шумѣ шаговъ Омара, толкователь прячется въ темный уголь. Фатима суетъ листокъ подъ платье. «Что это я слышалъ, вы тутъ тихонько распѣвали? сказалъ Омаръ, входя. — Ничего; ты ошибся. — «Вы что-то читали и я узналъ, что вы присоединились къ сектѣ Магомета». Произнеся эти слова, Омаръ бросается на своего зятя. Фатима хочетъ прикрыть его своимъ тѣломъ и оба возвѣщаютъ: «Да, мы мусульмане. Мы вѣримъ въ Бога и его пророка. Убивай насъ, если хочешь». Омаръ, какъ слѣпой, размахивая саблей, настигъ и сильно ранилъ свою сестру Фатиму. Увидя кровь женщины, имъ самимъ пролитую, необузданный молодой человекъ вдругъ смягчается. «Покажите мнѣ то, что вы читали», — говоритъ онъ съ кажущимся спокойствіемъ. — «Я боюсь, что ты это разорвешь», — отвѣчаетъ Фатима. Омаръ клянется возвратить въ цѣлости. Едва пробѣжалъ первыя строки: «Какъ это прекрасно! — вскрикиваетъ онъ, — какъ это величественно! Скажите мнѣ, гдѣ пророкъ, я сейчасъ-же отправлюсь, чтобы предаться ему». Въ это время Магометъ находился въ одномъ домѣ, на холмѣ Сафа, окруженный человекѣами со-

рока изъ своихъ учениковъ, которымъ онъ объявлялъ свои доктрины. Стучать въ дверь. Одинъ изъ мусульманъ посмотрѣлъ въ щель. «Это Омаръ, съ саблей на боку», произноситъ онъ со страхомъ. Всѣ пришли въ уныніе. Магометъ приказываетъ отворить, приближается къ Омару, беретъ его за плащъ и приводитъ на середину комнаты, въ самый центръ своихъ учениковъ, и говоритъ ему: «Что привело тебя сюда, сынъ Каттаба? Будешь-ли ты упорствовать въ своемъ безбожіи, пока небесное наказаніе не поразитъ тебя?» — «Я пришелъ,—отвѣчалъ Омаръ,—чтобы объявить, что я вѣрю въ Бога и его пророка». Все собраніе возблагодарило небо за это неожиданное обращеніе.

Прямо отъ правовѣрныхъ Омаръ отправился къ дому нѣкогого Джемиля, слышаго за самаго большаго болтуна въ Меккѣ. «Джемиль, — сказалъ онъ, — узнай новость: я мусульманинъ; я принялъ вѣру Магомета». Джемиль сейчасъ же побѣжалъ на паперть Каабы, гдѣ корейшиты собирались для бесѣды. Онъ прибѣжалъ, крича изо всей силы: «Сынъ Каттаба развращень!» — «Ты лжешь! — сказалъ Омаръ, близко слѣдовавшій за нимъ; — я не развращень; я мусульманинъ. Я признаю, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ Аллаха, и что Магометъ пророкъ его». Его вызовы, наконецъ, разозлили невѣрующихъ, которые и бросились на него. Омаръ выдержалъ нападеніе и вскричалъ, отгоняя нападающихъ: «Клянусь Богомъ! если-бы насъ, мусульманъ, было только триста человѣкъ, то мы-бы еще посмотрѣли, кто-бы остался господиномъ этого храма». Это тотъ самый человѣкъ, который впоследствии не можетъ понять, какъ можно мириться съ невѣрными и который, выходя съ саблею въ рукѣ изъ дома, гдѣ только-что умеръ Магометъ, объявляетъ, что онъ снесетъ голову

всякому, который осмѣлится сказать, что пророкъ могъ умереть.

Наконецъ, благодаря своему удивительному пониманію арабской эстетики, Магометъ создалъ себѣ всемогущее орудіе для дѣйствія на народъ, безконечно чувствительный къ прелести хорошаго языка. Коранъ былъ точно также знаменемъ литературнаго переворота, какъ и религіознаго; онъ обозначаетъ у арабовъ переходъ отъ стихотворнаго слова къ прозѣ, отъ поэзіи къ краснорѣчю, минуту столь важную въ умственной жизни народа. Въ началѣ VII вѣка великое поэтическое поколѣніе Аравіи сходило со сцены; повсюду проявлялись признаки утомленія; идеи литературной критики являлись какъ дурное предзнаменованіе для генія. Антаръ, эта натура араба столь искренняя и столь ненасытная, начинаетъ свою Мо аллака т у словами, точно поэтъ время упадка: «Чего только поэты не воспѣвали?» Громадное удивленіе встрѣтило Магомета, когда онъ явился среди истощенной литературы съ своими живыми и убѣдительными разказами. Въ первый разъ какъ Отба, сынъ Ребіа, услышалъ этотъ языкъ сильный, звонкій, полный риѣмы, хотя и не стихотворный, онъ внѣ себя вернулся къ своимъ. «Что случилось?» спросили его. — «Право, — сказалъ онъ, — Магометъ говорилъ со мною такимъ языкомъ, какого я еще никогда не слыхалъ. Это не поэзія, не проза, не языкъ маговъ, но что-то весьма трогательное». Магометъ не любилъ утонченную просодію арабской поэзіи; онъ дѣлалъ ошибки, когда говорилъ стихи, и даже самъ Богъ позаботился оправдать его въ Коранѣ: «Мы не учили нашего пророка стихосложенію». Онъ безпрестанно повторяетъ, что онъ не поэтъ, не магъ; толпа, дѣйствительно, постоянно готова была смѣшать его съ

этими двумя классами людей и правда, что его рифмованный и поучительный слогъ имѣлъ нѣкоторое сходство со слогомъ маговъ. Конечно, теперь намъ невозможно понять обаянія, производимаго Кораномъ при его появленіи. Онъ намъ кажется напыщеннымъ, монотоннымъ, скучнымъ; послѣдовательное чтеніе его для насъ почти невыносимо; но, надо помнить, что Аравія, никогда не имѣвшая понятія о пластическихъ искусствахъ и о великихъ красотахъ поэзіи, совершенство формы основывала исключительно на подробностяхъ слога. Языкъ, въ ея глазахъ, былъ чѣмъ-то божественнымъ; самый драгоценный даръ, данный Богомъ арабскому народу, самый вѣрный признакъ его первенства, это, именно, арабскій языкъ, съ его ученой грамматикой, его безконечнымъ богатствомъ и его тонкимъ изяществомъ *). Нѣтъ сомнѣнія, что Магометъ обязанъ своими важнѣйшими успѣхами оригинальности своего языка и новому обороту, данному имъ арабскому краснорѣчію. Самыя важныя обращенія, какъ на примѣръ поэта Лебида, совершаются благодаря нѣкоторымъ мѣстамъ Корана, а тѣмъ, которые у него просятъ знака **), Магометъ не даетъ другаго отвѣта, кромѣ самаго чистаго арабскаго языка, которымъ онъ говоритъ, и очарованія новаго слога, секретомъ котораго онъ обладаетъ.

*) Арабы воображаютъ, что у одного ихъ языка есть грамматика и что всѣ другіе языки только грубыя нарѣчія. Шейхъ Рифаа, въ своемъ отчетѣ путешествія во Францію, сильно старается уничтожить этотъ предразсудокъ своихъ соотечественниковъ и сообщаетъ имъ, что французскій языкъ имѣетъ тоже свои правила, свои тонкости и свою академію.

***) Слово Э а т ь, означающее стихи Корана, значитъ з н а к ь или ч у д о.

Такимъ образомъ, исламизмъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ идеи нравственныя, религіозныя, эстетическія,—однимъ словомъ, всю умственную жизнь цѣлой великой семьи человѣчества, вмѣщаетъ съ единствомъ, другой примѣръ которому трудно найти. Отъ него нельзя требовать ни той высоты духа, которую знали только Индія и Германія, ни того чувства мѣры и совершенной красоты, которую Греція завѣщала латинскимъ народамъ, ни того дара очарованія страннаго, таинственнаго, дѣйствительно божественнаго, которое соединило все цивилизованное человечество, безъ различія народовъ, въ благоговѣніи передъ одной идеальной стороною Іудеи. Поставить на одинъ уровеньъ всѣ продукты человѣческой природы и положить на одну ступень красоты и пагоду и греческій храмъ, потому только, что они результатъ понятія одинаково оригинальнаго и самопроизвольнаго,—значило бы злоупотреблять пантеизмомъ въ эстетикѣ. Правда, что натура человѣческая всегда прекрасна, но она не всегда одинаково прекрасна. Вездѣ одинъ и тотъ-же поводъ, одни и тѣ-же созвучія и диссонансы инстинктовъ земныхъ и небесныхъ, но не вездѣ одна полнота и не одна звучность. Исламизмъ, очевидно, продуктъ низшихъ и, такъ сказать, посредственныхъ соединеній человѣческихъ элементовъ. Вотъ почему онъ былъ завоевательнымъ только при среднемъ состояніи человѣческой природы. Дикіе народы были не способны до него возвыситься, а, съ другой стороны, онъ не могъ удовлетворить народы, носившіе въ себѣ задатки болѣе сильной цивилизаціи. Персія, единственная индо-европейская страна, въ которой исламизмъ дошелъ до абсолютнаго господства, приняла его, но только послѣ самыхъ глубокихъ измѣненій, для приспособленія къ своимъ мистическимъ и мнѳологическимъ стремлені-

ямъ. Его слишкомъ большая простота служила повсюду препятствіемъ къ дѣйствительно плодотворному развитію науки, великой поэзіи, утонченной нравственности.

Если спросятъ, какія будутъ судьбы исламизма лицомъ къ лицу съ цивилизаціей, существенно завоевательной и, повидимому, призванной сдѣлаться всемірной, насколько то позволяетъ безконечное разнообразіе человѣческой природы, то надо сознаться, что до сихъ поръ ничто не позволяетъ составить себѣ на этомъ счетъ яснаго понятія. Съ одной стороны вѣрно то, что, если исламизмъ, я не говорю, совсѣмъ исчезнетъ, потому, что религіи не умираютъ, но потеряетъ высшее умственное и нравственное вліяніе на значительную часть вселенной, то онъ падетъ не подъ усиліями другой религіи, но подъ ударами новѣйшихъ наукъ, несущихъ за собою свои раціоналистическія и критическія привычки. Съ другой стороны, надо помнить, что онъ сильно отличается отъ этихъ гордыхъ башенъ, которыя не колеблются передъ бурей, но падаютъ вдругъ, цѣликомъ, и что въ самой его гибкости заключаются скрытыя силы сопротивленія. Для своей религіозной реформаціи христіанскіе народы принуждены были разорвать свое единство и открыто возстать противъ центральной власти. Исламизмъ, у котораго нѣтъ ни папы, ни соборовъ, ни епископовъ, Богомъ установленныхъ, ни точно опредѣленнаго духовенства, исламизмъ, никогда не проникавшій въ страшную пучину непогрѣшимости, долженъ, быть можетъ, менѣе бояться пробужденія раціонализма. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, могла-бы привязаться критика? Къ легеодѣ о Магометѣ? Эта легенда имѣетъ также мало значенія, какъ и набожныя католическія вѣрованія, которыя можно отбросить не будучи еретикомъ. Штраусу, очевидно, тутъ нечего

дѣлать. Къ догматамъ? Ограниченный въ свои существенные предѣлы, исламизмъ присоединяетъ къ естественной религіи только пророчество Магомета и понятіе о предопредѣленіи, которое есть не столько догматъ вѣры, сколько общее направленіе ума, требующаго положительнаго направленія. Къ нравственности? Можно выбирать между четырьмя сектами одинаково правовѣрными, которыя предоставляютъ нравственному чувству значительную долю свободы. Что-же касается до богослуженія, то если освободить его отъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ придатковъ, то своею простотою оно можетъ сравняться только съ самыми строгими протестантскими сектами. Развѣ мы не видѣли, какъ въ началѣ этого столѣтія, на самой родинѣ Магомета, одинъ сектантъ произвелъ широкое политическое и религіозное движеніе Ваггабитовъ, провозглася, что настоящее почитаніе Бога заключается въ томъ, чтобы повергнуться ницъ передъ идеей его бытія, что обращеніе ко всякому посреднику передъ нимъ есть идолопоклонство и что было бы дѣломъ самымъ богоугоднымъ срыть старую могилу пророка и мавзолей имамовъ?

Я знаю, что гораздо болѣе важные симптомы проявляются въ Египтѣ и Турціи. Тамъ, столкновеніе съ европейскими науками и нравами произвело едва скрытое невѣріе. Искренно вѣрующіе, сознающіе опасность, не скрываютъ своего безпокойства и объявляютъ, что научно европейскія книги заключаютъ въ себѣ заблужденія, опасныя и разрушительныя для всякой религіозной вѣры. Тѣмъ не менѣе, я не перестаю думать, что если Востокъ можетъ преодолѣть свою апатію и преступить за предѣлы рачіональнаго умозаключенія, за которое онъ до сихъ поръ никакъ не могъ перейти, то онъ не представитъ

серьезнаго препятствія для прогресса современнаго духа. Благодаря недостатку теологической централизаціи, мусульманскіе народы имѣли всегда относительную религиозную свободу. Что бы ни говорилъ г. Форстеръ, но калифатъ никогда не походилъ на папство. Калифатъ былъ силенъ, пока представлялъ только первую завоевательную идею исламизма; когда свѣтская власть перешла къ эмиру-ель-омра, у калифата осталась одна духовная и онъ упалъ до самаго полнаго униженія. Идея власти чисто духовной слишкомъ широка для Востока: даже не всѣ вѣтви христіанства могли постичь ее: греко-славянская вѣтвь никогда ее не понимала, германская семья ее свергла и перешагнула за нее. Только одни латинскіе народы поддались ей. Но опытъ доказалъ, что одной простой вѣры народа недостаточно для сохраненія религіи, если сформированная іерархія и ея духовный глава не пекутся объ этомъ. Развѣ англо-саксонскому народу недоставало вѣры, когда воля Генриха VIII заставила его перейти сначала къ расколу, а потомъ къ ереси? Чистота мусульманства, не будучи защищаемой сословіемъ постояннымъ, имѣющимъ власть, само себя пополняющимъ и собою управляющимъ, достаточно уязвима. Нечего прибавлять, что если реформаторское движеніе проявится въ исламизмѣ, то Европа должна будетъ принимать въ немъ только самое поверхностное участіе. Ей совершенно не годится направлять вѣру другихъ. Дѣятельно проповѣдуя свой догматъ, т. е. цивилизацію, она должна предоставить народамъ дѣло весьма трудное—согласовать ихъ религиозныя преданія съ новыми требованіями и уважать самое неотъемлемое право, какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей—право съ полною свободою руководить переворотами своей совѣсти.

Государственные преступники въ Англіи. Въ лондонской башнѣ. 2 большіе тома, въ 4-хъ частяхъ. Спб.; цѣна вмѣсто 5 руб.—4 руб. Сочиненіе *Вил. Диксона*, автора, хорошо извѣстнаго у насъ въ Россіи по своимъ сочиненіямъ. Авторъ употребилъ 20 лѣтъ на составленіе этой книги. Живыми красками рисуетъ онъ страшную башню, гдѣ погибло столько знаменитыхъ историческихъ героевъ и героинь Англіи.

Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы. *Г. О. Тэнг.* 2 т. перев. подъ редак. Рябинина и М. Головина. Спб. 1163 стран. Цѣна 6 руб.

Новѣйшая англійская литература въ современныхъ ея представителяхъ. Соч. *Тэна.* (Служить продолженіемъ соч. того же автора: „Развитіе политической и гражд. своб. въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы“); переводъ *Д. С. Иваненкова.* Спб. 1876 г. Ц. 2 р.

Древнѣйшая исторія учреждений. Сочиненіе *Сэра-Генри С.-Мэна.* Пер. съ англійскаго, *А. П. Нахимова.* Ц. 2 р.

Содержаніе. Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи учреждений.—Древнее ирландское право.—Родство, какъ основа общества.—Племя и земля.—Положеніе начальника.—Начальникъ и земля.—Древнѣйшія подраздѣленія писемъ.—Развитіе и распространеніе первичныхъ понятій.—Первоначальные способы возстановленія правъ.—Древнѣйшая исторія права собственности замужнихъ женщинъ.—Верховная власть.—Верховная власть и государство.

Исторія Жирондистовъ. Соч. *А. Ламартина.* Пер. съ франц. *Н. С. Кутейникова.* 2 т. Ц. 4 р. Въ этой книгѣ авторъ исторически вѣрно воспроизвелъ страшную картину первой великой Французской революціи,—картину убійствъ, ужасовъ междоусобной борьбы партій, исходомъ которой было страшное и выдающееся въ исторіи мировыхъ событій и народныхъ переворотовъ явленіе: возведеніе на эшафотъ короля Людовика XVI.

Помпея и открытыя въ ней древности. Съ очеркомъ Везувія и Геркуланума. Соч. *В. Екассовскаго.* Съ 3-мя план. и 33 рис. 4-е изд. Спб. 1883 г. Цѣна 3 рубля. Исторія Помпеи и Везувія.—Описаніе о разрушеніи Помпеи.—Очерки Геркуланума и Помпеи.—Глубина лавы и изверженія.—Городъ, укрѣпленія, улицы, фонтаны и жертвенники.—Дома, лавки и магазины.—Живопись, скульптура, мозаика, надписи и вывѣски.—Загородный домъ.—Гробницы.—Вилла Цицерона.—Гостиница.—Домъ весталокъ-танцовщицъ.—Сластолюбіе древнихъ Римлянъ.—Храмъ Фортуны.—Храмъ Юпитера и Венеры.—Храмъ Августа.—Зданіе жрицы.—Жилище врача.—Храмъ Изиды.—Театры.—Казармы.—Гладиаторы, и проч.

Исторія отношеній между катализмомъ и наукой.

Соч. *Уильяма Дрэнера*. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей *А. Н. Пытима*. Ц. 2 руб.

Содержаніе: I. Происхожденіе науки.—II. Начало христіанской эпохи.—III. Метафизическіе споры.—IV. Возстановленіе науки на югѣ.—V. Столкновеніе относительно природы души.—Ученіе объ эманации и поглощеніи.—VI. Споръ относительно природы міра.—VII. Споръ относительно древности земли.—VIII. Столкновеніе относительно критеріи истинны.—IX. Споръ относительно управленія вселенной.—X. Латинское христіанство въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.—XI. Наука въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.—XII. Предстоящій кризисъ.

Формы воды. Дождь, рѣки, ледъ и ледники, холодъ, снѣгъ, тропическіе дожди, и проч.; съ 20-ю рисунками и таблицами. *Джона Тиндала*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей *Б. А. Кирпичева*. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Основанія физиологіи ума. *Б. Карпентера*, доктора медицины, члена королевскаго, лондонскаго, географическаго и др. обществъ, французскаго института и пр. Переводъ со втораго англійскаго изданія. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Предисловіе.—Кн. I. Общая физиологія.—I. Общія отношенія между духомъ и тѣломъ.—II. Нервная система и ея дѣятельность.—Отд. 1. Отношеніе нервной системы къ тѣлу вообще.—Отд. 2. Строеніе нервной системы.—Отд. 3. Различныя формы и свойства нервныхъ аппаратовъ.—Отд. 4. Общій обзоръ: функціональныя отношенія узловыхъ центровъ спинномозговой системы у человѣка.—Симпатическая система.—III. Вниманіе.—IV. Ощущеніе.—V. Воспріятіе и инстинктъ.—VI. Образованіе идей и идео-двигательная дѣятельность.—Отд. 1. Обь идеации вообще.—Отд. 2. Послѣдовательность идей. Законъ мышленія.—Отд. 3. Идео-двигательныя явленія.—VII. Эмоціи.—VIII. Привычка. (II в. печатается).

Опытъ исторіи мысли. Выпускъ 1-й. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Содержаніе. Задачи исторіи мысли.—Подготовленіе человѣка.—Космическая основа исторіи мысли.—Геологическая основа исторіи мысли.

Исторія Маріи Стюартъ. Сочиненіе *М. Менье*. Спб. Въ 2-хъ частяхъ, 620 стр., цѣна 1 руб. 50 коп. Знаменитый авторъ просто и интересно рассказалъ о жизни, полной приключеній и романтизма, симпатичной красавицы, королевы Шотландіи.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ. Сочиненіе извѣстнаго историка, профессора *Эдуарда Лабуэ*.

3 большихъ тома. Спб. Цѣна вмѣсто 5 р.—3 р. Т. 1-й.—Исторія колоній до революціи. Т. 2-й.—Война за независимость. Т. 3-й.—Исторія конституціи Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Самуэль Смайльсъ. ДОЛГЪ. Пер. съ англійскаго С. Майковой.

Содержаніе: Долгъ.— Совѣсть.— Долгъ въ дѣйстви.— Честность.— Правдивость.— Люди неподкупные.— Мужество.— Терпѣніе.— Выносливость до конца.— Савонарола.— Морякъ.— Солдаты.— Героизмъ добрыхъ дѣлъ.— Сочувствіе.— Филантропія.— Героизмъ миссіонеровъ.— Гуманное обращеніе съ животными.— Гуманное обращеніе съ лошадьми.— М-ръ Флауэръ.— Отвѣтственность.— Послѣдній конецъ. Спб. 82 г. Ц. 2 р. 50 к.

Имя Смайльса, какъ автора „Бережливости“ достаточно извѣстно читающей публикѣ. Книги эти заслужили массу рецензій и чуть-ли не сдѣлались настольными книгами. Новому переводу сочиненія Смайльса „Долгъ“ можно предсказать ту-же будущность. По ясности мысли, художественной обработкѣ, крайне умѣлому подробоу фактовъ, а главное—простотѣ изложенія, новое сочиненіе Смайльса стоитъ на ряду крупныхъ вкладовъ въ исторію литературы. Книга „Долгъ“, въ переводѣ Г-жи Майковой, вызвала множество самыхъ лестныхъ отзывовъ въ нашей прессѣ, что даетъ право рекомендовать ее, какъ лучшую книгу изъ всѣхъ вышедшихъ за послѣднее время.

Э. А. Росмесслеръ. НА ДОСУГѢ. Популярныя бесѣды по естествознанію, природѣ, ботаникѣ и путешествію. Переводъ съ нѣмецкаго *И. Андреевскаго*. Изданіе 2-ое. Спб. 86 г. ц. 2 р. 50 к.

Разсказы Росмесслера соединяють научное содержаніе съ необыкновенно-изящною и простою формою. Чудеса природы и техники, передъ которыми съ изумленіемъ останавливается челоуѣческій умъ, дѣлаются намъ понятными и какъ бы близкими въ пересказѣ Росмесслера. Картины итальянской, испанской и альпійской природы, полныя граціи и живости, смѣняются въ книгѣ Росмесслера большими естественно-научными этюдами, въ родѣ, напр., „Странствованія песчинки“, „Какъ и по какому плану строить улитка свой домъ“, „Чернильная рыба“, „Метаморфозы растенія“, и проч. Любопытныя стороны техническаго производства живо описаны въ статьяхъ: „Стекло“ и „Бумага“. Наконецъ, соотношеніе естественныхъ наукъ съ другими областями умственной жизни затронуто Росмесслеромъ въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ очерковъ въ родѣ: „Моровая язва религіознаго помѣшательства“, „Поэзія и естествознаніе“, „Искусство и природа“ и пр.

Къ этому перечню наиболѣе замѣчательныхъ этюдовъ Росмесслера, намъ остается только прибавить собственныя слова автора „На досугѣ“: „Это сборникъ всего лучшаго, что я написалъ въ своей жизни“. Юноша и взрослый прочтуть эту книгу съ равнымъ наслажденіемъ. Трудно представить себѣ болѣе развивающее и нравственно укрѣпляющее чтеніе, чѣмъ книга Росмесслера.

Исторія религій, тайныхъ религіозныхъ обществъ и народныхъ обычаевъ древняго міра. Спб. 1883 г. Изданіе 2-е. 6 т. Цѣна 7 р.

Авторъ книги вполне сумѣлъ справиться со своею громадною задачею и нарисовалъ намъ картину жизни древнихъ народовъ въ самомъ популярномъ изложеніи, въ связи съ всеобщей исторіей всѣхъ странъ и вѣковъ, съ ихъ обрядами, обычаями, преданіями, суевѣріями, поклоненіями, жертвоприношеніями, пытками, казнями, обычаями погребенія, браками и въ честь ихъ празднествами, и также описаніемъ военныхъ походовъ, побѣдъ и жизни римскихъ, греческихъ и другихъ императоровъ, вождей, мудрецовъ, философовъ, ученыхъ, художниковъ, жрецовъ, волхвовъ, чародѣевъ и проч.

Бережливость. Сочиненіе *Самуила Смайльса*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей *Н. С. Кутейникова*. Спб. 528 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Эта книга предназначена служить продолженіемъ „Самодѣятельности“ и „Характера“, хотя могла бы, въ сущности, составлять введеніе къ обоимъ названнымъ сочиненіямъ, такъ какъ бережливость служитъ основою самодѣятельности человѣка и исходнымъ пунктомъ многихъ лучшихъ сторонъ его характера.

Авторъ имѣлъ случай замѣтить, что нѣкоторыя изъ лучшихъ качествъ человѣческой природы тѣсно связаны съ правильнымъ употребленіемъ денегъ, таковы: великодушіе, честность, справедливость, самоотверженіе, а также практическія добродѣтели, бережливость и предусмотрительность. Съ другой стороны, у безмѣрныхъ любителей выгоды встрѣчаются противоположныя свойства — скупость, обманъ, несправедливость, себялюбіе, а у тѣхъ, кто небрежно и дурно употребляетъ свои средства, являются: легкомысліе, расточительность и безпечность.

Каждый человѣкъ обязанъ дѣлать все, что можетъ, для возвышенія своего общественнаго положенія и для обезпеченія своей независимости. Съ этою цѣлью, чтобы составить себѣ независимое положеніе, онъ и долженъ быть бережливымъ. Трудолюбіе даетъ возможность людямъ зарабатывать средства къ жизни; оно должно также научить ихъ жить. Независимость можетъ быть установлена путемъ предусмотрительности, благоразумія, умѣренности и самоотверженія. Чтобы быть справедливымъ и великодушнымъ, человѣкъ долженъ жертвовать собою. Сущность великодушія состоитъ въ самопожертвованіи.

Цѣль этой книги — побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрчивать ихъ на удовлетвореніе пустымъ прихотямъ. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣтятся человѣку много враговъ: праздность, легкомысліе, тщеславіе, порокъ, невоздержность. Послѣдняя составляетъ самаго худшаго изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ, показывающихъ, что одинъ изъ лучшихъ способовъ устранить изъ общества источникъ состоитъ въ возбужденіи старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

